

28.6

с47



*Н. Сладков*

**СОРОЧЬИ ТАРАТОРКИ**









W. J. W.



Ⓐ



84 88

Крылья у сороки шустрые — везде поспеваает. Глаза у сороки острые — всё замечает. Только поднимется зимой рыба к проруби — сорока тут как тут! Вспорхнёт весной первая бабочка над проталиной — сорока первая её заметит. Выглянет летом мышь из норы — сорока уже к норе скачет. Только начнёт заяц осенью летний свой пиджачишко на зимнюю шубу менять — сорока на весь лес затараторит. На трескучем сорочьем наречии: «Тра-та-та! Тра-та-та!»

По сорочьим тараторкам о многом в лесу можно узнать. Но без переводчика не обойтись. Вот и дело нашлось: переводить с сорочьего на человеческий. И от себя вставить словечко. Чтобы всё было ясно.



*Николай Сладков*

# СОРОЧЬИ ТАРАТОРКИ

РАССКАЗЫ И СКАЗКИ



*Рисунки М. Беломлинского, Т. Васильевой,  
Т. Капустиной, В. Курдова, К. Овчинникова*

*Оформление В. Курдова  
Макет М. Беломлинского*

ЛЕНИНГРАД «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1974







## Я Н В А Р Ь

**Я**нварь — месяц больших молчаливых снегов. Прилетают они всегда вдруг. Вдруг ночью зашепчутся, зашепчутся деревья — что-то творится в лесу. К утру станет видно: пришла настоящая зима! Лес утонул в дремучих сугробах. Под холодным сводом неба, покорно склонив тяжёлые головы, застыли скорбные белые деревья.

Вместе со снегом налетели и набежали в лес диковинные невиданные существа. Они расселись по пням и сучкам, вскарабкались на ёлки и сосны — странные белые фигурки, неподвижные, незнакомые, но на что-то очень похожие...

Тут вылез из сугроба лесной человечек в огромной белой папахе. Там на пеньке сидит не то белочка, не то зайчик. Сложил он белые лапки на белое пузечко, молчит и смотрит на белый лес. На камне у речки белая Алёнушка: склонила голову на плечо, подпёрла белой ладошкой белую щёчку. Обласкало солнце пригорюнившуюся Алёнушку, и с мохнатых хвойных ресниц её закали слёзы...

А вот зверёк-оборотень. Сделай шаг в сторону, посмотри чуть со стороны — и обернётся зверёк простым сучком, запорошённым снегом. Вот птица не птица, зверь не зверь: пальцем тронь — рассыплется в прах.

Белые медведи и белые совы. Зайцы, куропатки, белочки. Сидят, лежат и висят.

Полон лес диковинных птиц и зверей. Хочешь увидеть их — поторопись. А то дунет ветер — поминай как звали!



# КАК МЕДВЕДЯ ПЕРЕВОРАЧИВАЛИ

Натерпелись птицы и звери от зимы лиха. Что ни день — метель, что ни ночь — мороз. Зиме конца-краю не видно. Разоспался Медведь в берлоге. Забыл, наверное, что пора ему на другой бок перевернуться.

Есть лесная примета: как Медведь перевернётся на другой бок — так солнце повернёт на лето.

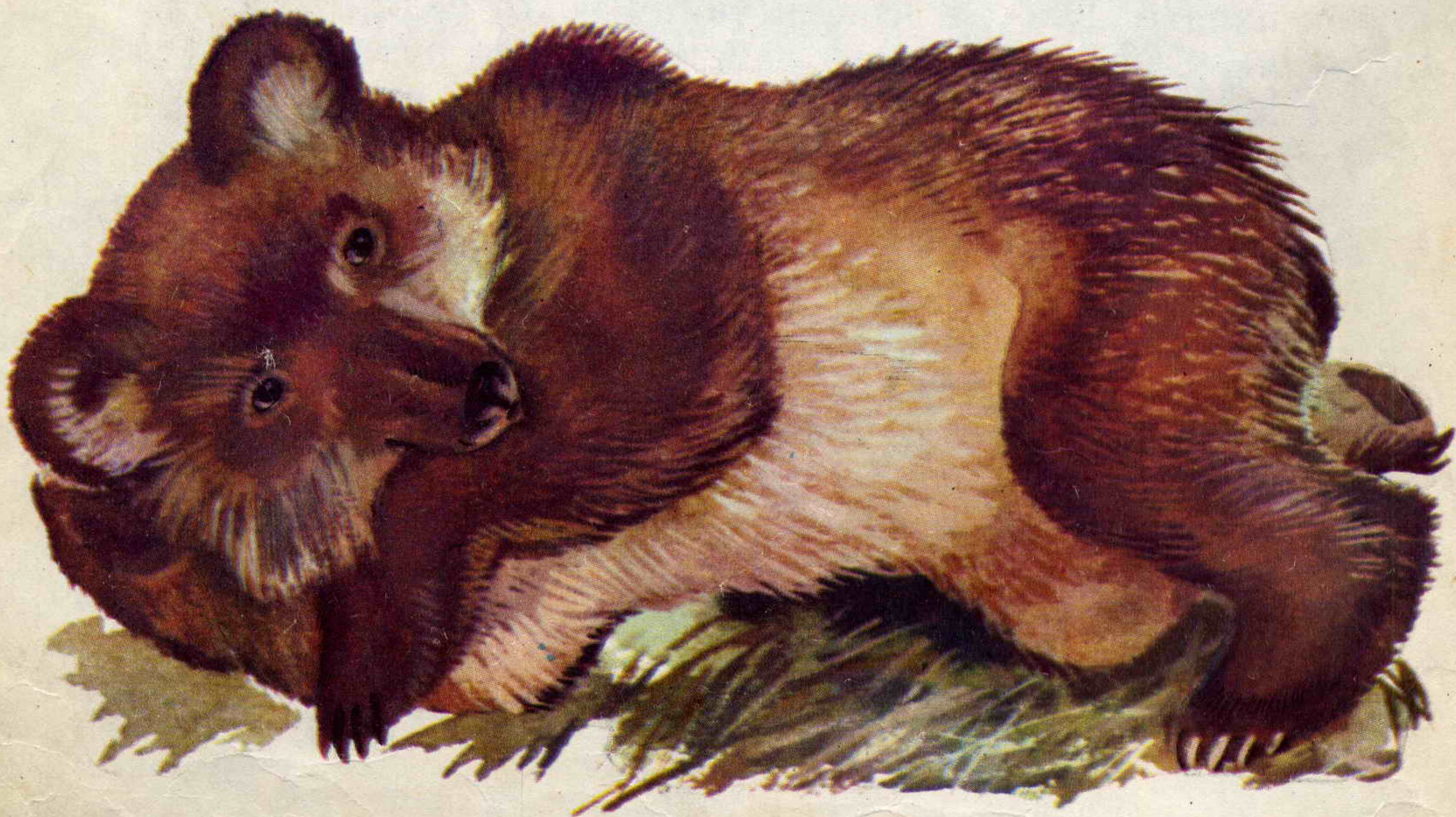
Лопнуло у птиц и зверей терпение. Пошли Медведя будить:

— Эй, Медведь, пора! Зима всем надоела! По солнышку мы соскучились. Переворачивайся, переворачивайся, пролежни уж небось?

Медведь в ответ ни гу-гу: не шелохнётся, не ворохнётся. Знай посапывает.

— Эх, долбануть бы его в затылок! — воскликнул Дятел. — Небось бы сразу зашевелился!

— Не-ет, — промычал Лось, — с ним надо почтительно, уважительно. Ау, Михайло Потапыч!. Услышь









ты нас, слёзно просим и умоляем — перевернись ты, хоть не спеша, на другой бок! Жизнь не мила. Стоим мы, лоси, в осиннике, что коровы в стойле, — шагу в сторону не шагнуть. Снегу-то в лесу по уши! Беда, коли волки нас пронюхают.

Медведь ухом пошевелил, ворчит сквозь зубы:

— А мне какое до вас, лосей, дело? Мне снег глубокий только на пользу: и тепло, и спится спокойно.

Тут Белая Куропатка запричитала:

— А не стыдно, Медведь? Все ягоды, все кустики с почками снег закрыл — что нам клевать прикажешь? Ну что тебе стоит на другой бок перевернуться, зиму поторопить? Хоп — и готово!

А Медведь своё:

— Даже смешно! Зима вам надоела, а я с боку на бок переворачивайся! Ну какое мне дело до почек и ягод? У меня под шкурой сала запас.

Белка терпела-терпела — не вытерпела:

---

## СОРОКА И КРОТ

— Хорошо, Крот, тебе под землёй! А у нас семь бед на день: то снег, то ветер, то заморозок.

— Это кому ж хорошо — мне, что ли?

— Тебе, убогий! Под землёй — как под крышей.

— Это кто же под крышей — я, что ли?

— Ты, ты, а кто же! Тебе хорошо, ты под крышей!

— Так полезай ко мне, и тебе хорошо будет!

— Я? Под землю? Нет уж, лучше в лесу: семь бед — один ответ!





— Ах ты тюфяк мохнатый, перевернуться ему, видишь ли, лень! А ты вот попрыгал бы по веткам мороженым, лапы до крови ободрал бы, как я!.. Переворачивайся, лежебока, до трёх считаю: раз, два, три!

— Четыре, пять, шесть! — насмехается Медведь. — Вот напугала! А ну — кыш отседова! Спать мешаете.

Поджали звери хвосты, повесили птицы носы — начали расходиться. А тут из снега Мышка вдруг высунулась, да как запищит:

— Такие большие, а испугались? Да разве с ним, куцехвостым, так разговаривать надо? Ни по-хорошему, ни по-плохому он не понимает. С ним по-нашенски надобно, по-мышинному. Вы меня попросите — я его мигом переверну!

— Ты, Медведя?! — ахнули звери.

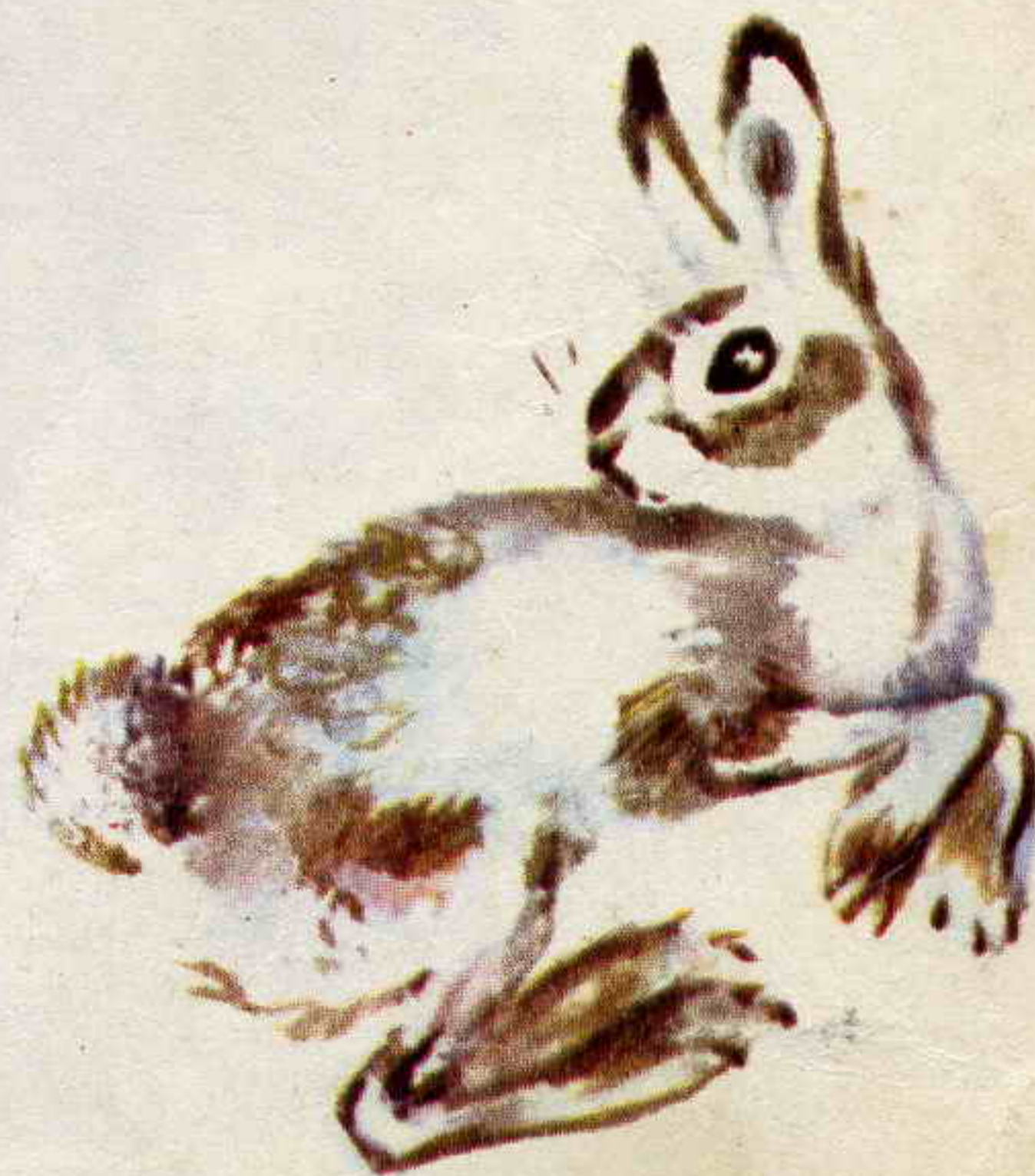
— Одной левой лапкой! — похвывается Мышь.

Юркнула Мышь в берлогу — давай Медведя щеко-  
тать. Бегает по нему, коготками царапает, зубками

## ЛИСА И ЗАЯЦ

— Почему это, Заинька, у тебя такие длинные ушки? Почему это, серенький, у тебя такие быстрые ножки?

— А всё потому, Лисонька, что уж очень у тебя шажки тихие да уж очень острые зубки!





прикусывает. Задёргался Медведь, завизжал поросёнком, ногами задрыгал.

— Ой, не могу! — завывает. — Ой, перевернусь, только не щекочи! О-хо-хо-хо! А-ха-ха-ха!

А пар из берлоги — как дым из трубы.

Мышка высунулась и пищит:

— Перевернулся как миленький! Давно бы мне сказали.





Ну, а как перевернулся Медведь на другой бок — так сразу солнце повернуло на лето. Что ни день — солнце выше, что ни день — весна ближе. Что ни день — светлей, веселей в лесу!



## ЯСТРЕБ И ОЛЯПКА

— Ну, Оляпка, попалась: сейчас я тебя сцапаю!

— А я, Ястреб, от тебя в полынью нырну.

— А я тебя у полыньи подкараулю!

— А я во вторую полынью выскочу.

— А я у второй подкараулю!

— А я тогда в первую выскочу.

— А я... И долго ты так от полыньи к полынье будешь мотаться?

— Да пока тебе за мной гоняться не надоест!





## ОКУНЬ И НАЛИМ

— Чудеса подо льдом! Все рыбы сонные, апатичные — один ты, Налим, бодренький да игривый. Что с тобой такое, а?

— А то, что для всех рыб зимою — зима, а для



меня, Налима, зимою — лето! Вы, окуни, дремлете, а мы, налимы, свадьбы играем, икру мечем, радуемся-веселимся!

— Айда, братцы-окуни, к Налиму на свадьбу! Сон свой разгоним, повеселимся, налимель икоркой закусим...

## ПТИЧЬИ СТОЛОВЫЕ



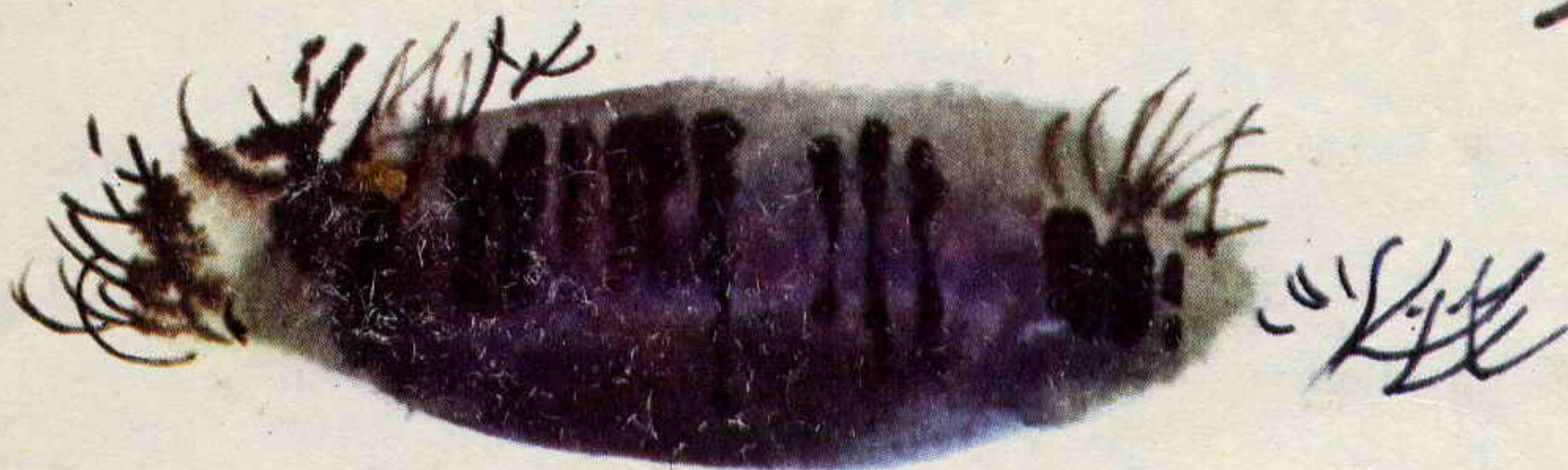
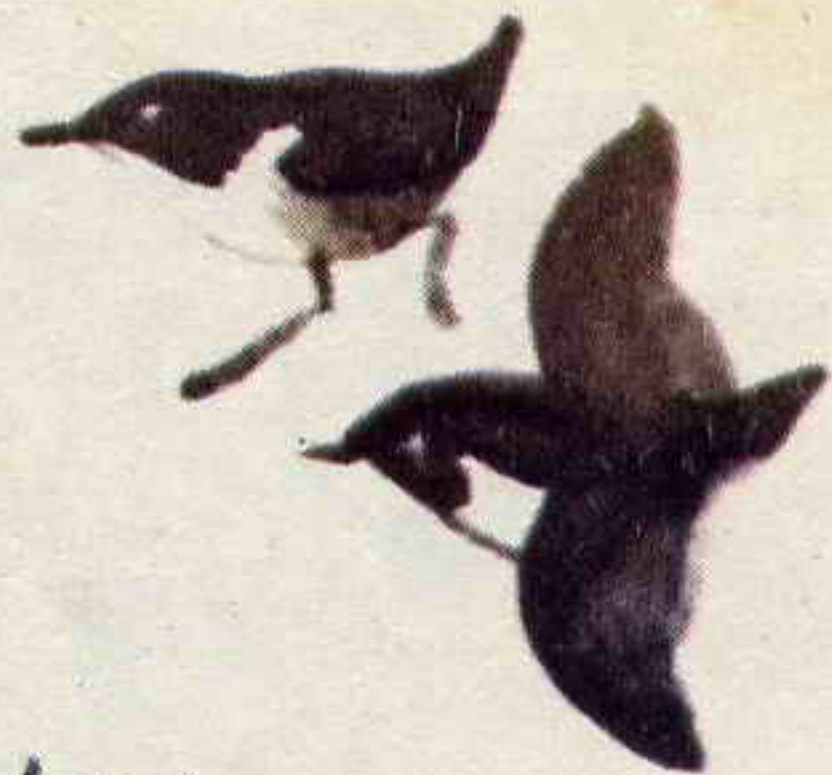
А мы строим птичьи столовые. Самые разные. Кто — целые сказочные домики пряничные. Кто — столики самобранные. Строим на земле шалашики из елового лапника. В них забегают овсянки и воробьи и залетают снегири и синицы. А некоторые ухитрились сделать птичьи кафе-автоматы. Насыпали в бутылку зерно, перевернули её над полочкой, укрепили. И теперь не надо три раза в день засыпать на полочку корм, птицы сами себя обслуживают.

Но самая, пожалуй, необычная птичья столовая — водяная! О ней особо рассказать стоит.





## СТОЛОВАЯ-ПРОРУБЬ



Бывают такие быстрые речки, что в них зимой не везде замерзает вода. У такой полыньи, у живой воды, любят зимовать птички оляпки. Целыми днями летают они у полыньи, садятся на обледенелые камни, весело приседают, кланяются и даже поют. Да так звонко, весело и старательно, что даже из клюва парок вырывается! И хоть мороз, а они купаются, плавают и ныряют. Но всё это только до той поры, пока сильный мороз не скуёт полынью. На дно не нырнуть, водяных жуков и личинок не достать. Тут уж не до песен. Сидят на камнях скучные и голодные. Вот тут-то и надо взять длинный шест и разбить лёд в полынье. Это нетрудно: лёд ещё тонкий, глубина под ним по колено, а бить можно прямо с берега. И оляпки тогда не улетят на другую речку, а останутся тут жить: жуков ловить, вас веселить.

---

## ВЫДРА И ВОРОН

— Скажи, Ворон, мудрая птица, зачем люди костёр в лесу жгут?

— Не ожидал я, Выдра, от тебя такого вопроса. Промокли в ручье, замёрзли, вот и костёр разожгли. У огня греются.

— Странно... А я зимой всегда в воде греюсь. В воде ведь морозов никогда не бывает!





## сердитые ГОЛОСА



Скрипела-гадала в лесу старая ёлка:  
«Жаловаться — не жаловаться, жало-  
ваться — не жаловаться, жаловаться...  
Ну, раз вышло «жаловаться» — пожа-  
луюсь!

Росли вокруг меня десять дочерей —  
ёлочек-красавиц! Росли, меня, старуху,  
радовали. Все как одна: яркие, зелёные,  
стройные! Им бы жить да жить! Но под  
Новый год пришёл дед с топором и —  
всех под корешок! Расшумелась я, а он  
мне и говорит:

— Молчи, ворчунья старая! Дочкам  
твоим честь великая, будут с ребятами  
Новый год встречать. Разукрасят их лен-  
тами да ожерельями, оденут в серебро  
да золото, конфетами и пряниками ода-  
рят, хороводы вокруг них водить станут.  
Радоваться надо, а не скрипеть, темнота  
ты лесная!

Порадовалась я тогда, а сейчас вижу:  
отводили ребята вокруг ёлочек хорово-  
ды, украшения сняли, да и выбросили их  
на помойку. Были ёлки — стали палки.

Тра-та-та-та! Что я видела,  
что я слышала! Ребята птицам  
прекрасную столовую — боль-  
шую, бесплатную, с самооб-  
служиванием! — устроили, а  
они, неблагодарные, на со-  
седнем сугробе на них жало-  
бы пишут! Привередничают и  
капризничают.

Чечётки лапками на снегу  
наследили:

«Семечки и конопля в сто-  
ловой не давлены. Клюв  
свихнёшь, пока их раску-

## ЖАЛОБЫ

сишь! У нас от такой пищи  
мозоли на языке!»

Большая синица носом вы-  
стукала:

«Сало салу рознь! Могли  
бы вывешивать и несолёное, у  
нас от солёного животы бо-  
лят!»

Пухляк коготком нацарапал:  
«Безобразие! Прилетел пе-  
рекусить, а столовую снегом



Жалко мне дочерей, да и ребят жалко: что это за Новый год, если без ёлки? А как быть, не придумаю. Ох ты, головушка моя тёмная, дремучая...

Жаловаться — не жаловаться, жаловаться — не жаловаться? Скрип-скрип, скрип-скрип...»



Полвека прожила я на свете и всё думала, что я берёза. Но прошлой весной подошёл ко мне турист и на боку у меня вырезал — «ВАНЯ». Летом дачник подошёл и вырезал — «ЛЁНЯ». Осенью грибник присел отдохнуть. Посидел в тени, отдохнул и вырезал на коре — «МИША». А зимой подкатил лыжник, прочитал на мне все имена, воткнул палки в снег, вытащил огромный ножище и вывел — «ЭДУАРД». Так что же я наконец: берёза или Эдуард? И почему все, кому не лень, тычут в меня ножами?



## НА СУГРОБЕ



засыпало! До вечера коноплю раскапывал. Хоть бы навес сделали, что ли!»

Овсянка напрыгала:

«Осталась голодная, обед ветром сдуло! Кто сделал кормушку без бортиков? Ветер у него в голове!»

Снегирь хвостом начертил:

«Где семена сорняков? Где рябина, калина и бузина? Где арбузные и дынные семена?»

Тра-та-та-та! Ой, что-то будет, ой, кто-то рассердится!







## ФЕВРАЛЬ

Февраль — пора низкого солнца и длинных теней. Мороз и иней! Берёзы стоят пушистые и розовые. Лиственные берёзы стали хвойными, все в белых сверкающих иголочках. Каждый прутик, каждая былинка нарядны и праздничны. Всюду лебяжий пух: топнешь лыжей — и вихрь снежинок взлетает выше головы!

Тишина. И только потрескивает, постукивает что-то в лесу — не то мороз, а может, и дятел.

Плывёт за окном белая дремлющая земля. Но вот миновала ночь — и за окном уже новые места.

Свистит метель — от земли до неба весёлая кутерьма! Испуганные берёзки вытянули по ветру тонкие руки-ветви, а чёрные строгие ели хмуро покачивают головами и осуждающе хлопают себя по бокам косматыми лапами.

А ветер свистит, и снег метёт, дышать не даёт, слепит глаза, сталкивает с дороги, заносит следы. И солнце сквозь снежную муть — как багровый летящий шар.

Ещё миновала ночь — и за окном уже новый вид.

Снег стал сырой и пористый. Деревья чёрные и мокрые. Дует тёплый ветер, дали туманны и скучны. Солнца не видно, небо серое, низкое, тяжёлое. На чёрных ветвях набухли капли. В лужах толкнутся голуби и воробьи. Голоса людей разносятся громко и резко. Машины разбрызгивают грязный снег.

С каждым новым днём новые события и новые открытия. С каждым новым днём всё больше за окном света. Всё длинней вырастают на крышах сосульки. Всё короче тени. Маленькая синичка не испугалась зимы и пропела свою первую весеннюю песенку. Воробьи становятся всё беспокойнее и задиристей. Воркуют — даже по ночам — голуби. На улицах продают южные цветы мимозы.



## ВОРОБЕЙ И СИНИЦА

— Угадай, Синица, какое у людей самое страшное оружие?

— Ружьё?

— Э-э, не угадала!

— Пушка?

— Опять не угадала!

— Какое же тогда, Воробей?

— Рогатка. Из пушки-то по воробьям не стреляют, а из рогатки — только успевай отскакивай! Я-то уж знаю, я-то стреляный воробей!



## СОРОКА И ВОЛК

— Эй, Волк, чего ты хмурый такой?

— От голода.

— И рёбра торчат — выпирают.

— От голода.

— А воешь отчего?

— От голода.

— Вот и говори с тобой! Заладил, как со-рока: от голода, от голода, от голода! Чего это ты нынче такой неразговорчивый?

— От голода...





# БЮРО ЛЕСНЫХ УСЛУГ

Нагрязнул в лес холодный февраль. На кусты сугробы намёл, деревья инеем опушил. А солнышко хоть и светит, да не греет.

Пригорюнились птицы и звери: как дальше жить?

Хорёк говорит:

— Спасайтесь, кто как может!

А Сорока стрекочет:

— Опять всяк сам за себя? Опять поодиночке? Нет, чтоб нам сообща против общей беды! И так уж все про нас говорят, что мы в лесу только клюёмся да грызёмся. Даже обидно...

Тут Заяц ввязался:

— Правильно Сорока стрекочет. Один в поле не воин. Предлагаю создать Бюро лесных услуг. Я вот, к примеру, куропаткам помочь могу. Я снег на озимях

---

## КОРОЛЁК И ПУХЛЯК

— Ну, брат Королёк, и растолстел же ты за зиму! Сразу и не узнаешь — звон какой верзила. Что в длину, что в ширину. Тяжелей меня небось стал?

— Тяжелей тебя, Пухляк, разве станешь... Вон ты дылда какой, сучки под ногами ломаются, ветки до земли гнутся. Сколько веса-то уже набрал?

— Я-то? Да десять граммов тяну, а ты?

— А я семь...





каждый день до земли разрываю, пусть они после меня там семена и зелень клюют — мне не жалко. Пиши меня, Сорока, в Бюро под номером первым!

— Есть-таки умная голова и в нашем лесу! — обрадовалась Сорока. — Кто следующий?

— Мы следующие! — закричали клесты. — Мы шишки на ёлках шелушим, половину шишек целыми вниз роняем. Пользуйтесь, полёвки и мыши, не жалко!

«Заяц-копатель, клесты-бросатели», — записала Сорока.

— Кто следующий?

— Нас запиши, — проворчали бобры из своей хатки. — Мы осенью столько осин навалили — на всех хватит. Приходите к нам, лоси, косули, зайцы, сочную осиновую кору да ветки глодать!

И пошло, и пошло! Дятлы дупла свои предлагают для ночлега, вóроны приглашают на пададь, ворóны свалки показать обещают. Сорока еле записывать успевает.

Притрусил на шум Волк. Ушами попрядал, глазами позыркал и говорит:

— Запиши и меня в Бюро!



Солнце. Все говорят: круглый год, круглый год! А почему год круглый? Да потому, что Земля вокруг меня мчится по кругу. Как полный круг делает — так и год.

Дуб. И совсем не потому! Год потому круглый, что за год на всех деревьях годовое кольцо нарас-





Сорока чуть с дерева не упала:  
— Тебя, Волка, в Бюро услуг? Что же ты в нём  
хочешь делать?

---



тает. Как год — так новое кольцо.  
А кольцо — тот же круг!

Ёлка. Нет, друзья, нет и нет!  
Всем вам известно, что мы, ёлки,  
круглый год зелёные. А как же мы  
могли бы быть зелёными круглый  
год, если бы сам-то год был бы не  
круглый?..







— Сторожем буду служить, — отвечает Волк.

— Кого же ты сторожить можешь?

— Всех сторожить могу! Зайцев, лосей и косуль у осинок, куропаток на зеленях, бобров в хатках. Я сторож опытный. Овец сторожил в овчарне, кур в курятнике...

— Разбойник ты с лесной дороги, а не сторож! — закричала Сорока. — Проходи, проходимец, мимо! Знаем мы тебя. Это я, Сорока, буду всех в лесу от тебя сторожить: как увижу, так крик подниму! Не тебя, а себя сторожем в Бюро запишу: «Сорока-сторожиха». Что я, хуже других, что ли?

Так вот и живут птицы-звери в лесу. Бывает, конечно, так живут, что только пух да перья летят. Но бывает, и выручают друг друга. Всякое в лесу бывает.



# ЕЛОВАЯ КАША

У всех день рождения — радость. А у клестят — беда.

Ну что за радость вылупиться зимой? Мороз, а ты голышом. Один затылок пухом прикрыт.

У всех птиц родители как родители, детей летом выводят, когда тепло и сытно. Одним клестам законы не писаны. Высидели клестят зимой, да ещё двадцать девятого февраля! Что это за день рождения, который бывает один раз за четыре года? Прямо хоть плачь: ни зелени, ни гусеничек, снег, холод... А родителям хоть бы что! Вон, папа-клёст сидит себе на ёлке и песни поёт. А у самого пар из клюва. Будто трубку курит.

Это я так про клестят думаю.

---

## ЗАЯЦ И ПОЛЁВКА

— Мороз и вьюга, снег и холод. Травку зелёную понюхать захочешь, листочков сочных погрызть — терпи до весны. А где ещё та весна — за горами да за морями...

— Не за морями, Заяц, весна, не за горами, а у тебя под ногами! Прокопай снег до земли — там и брусничка зелёная, и манжетка, и земляничка, и одуванчик. И нанюхаешься, и наешься.







## сердитые ГОЛОСА



ХУ

Безобразие какое — прямо на голову наступают! Нет чтобы стороной обойти! Шею набок сворачивают! Эй, нельзя ли поосторожней! Хватай его за лыжи, цепляй его за ноги!

Жалуемся на лыжников! Снег все молодые посадки по шейку засыпал, сверху одни макушки торчат. А лыжникам всё нипочём: топчут нас, ломают и портят! Во всех парках и садах. Да и в лесу. Для них шуточки, а мы на всю жизнь калеки. Просим внимания и защиты!

МОЛОДЫЕ ДУБКИ,  
ЛИПКИ, КЛЕНЫ И ЕЛОЧКИ



Только вижу, что сами клестята живут не тужат. Клестята кашу едят.

Хороша каша из еловых семян!

Каши наедятся — и спать. Снизу гнездо — как пу-ховая перинка, сверху мама — как перьяное одеяльце. А изнутри каша греет. Ёлка клестят баюкает, ветер им песни мурлычет.

Немного дней прошло — выросли клестята. Ни гор-лышки не застудили, ни носы не отморозили. Да тол-стые такие, что в гнезде тесно. И неугомонные: чуть из гнезда не вываливаются. Это, наверное, всё от забот маминых и от еловой каши. А ещё от яркого солнышка и морозного ветра.

Нет, день рождения — всегда счастливый день.

Пусть даже зима и мороз. Пусть даже двадцать де-вятого февраля. Всё равно!

---

Оголодали, продрогли, измучи-лись!

Жалуемся на своих сердобольных и жалостливых хозяев! Знаете, что они выдумали? Они выпустили нас на свободу! И думают, что сделали доброе дело. А что нам на этой сво-боде сейчас есть и пить? Где от мо-роза прятаться? Ведь мы птицы летние, да ещё и в клетках изне-жились. Уж подождали бы до тёп-лого мая! Не выпускали бы нас раньше времени на погибель.

ЗАРЯНКИ,  
ДРОЗДЫ, ЗЯБЛИКИ  
И ДРУГИЕ ЛЕТНИЕ ПТИЦЫ









# МАРТ

**З**има кончается, весна начинается. Но зима не сдаётся без боя. Кто кого!

За весну вступается день: становится всё длинней, теплей, светлей. Дневное солнце рушит снеговые крепости, всюду звенит капель, везде проступает живая вода.

Но у зимы есть союзник — ночь. Ночью мороз опять заковывает воду в ледяную броню и бронёй-настом покрывает подтаявшие снега.

Утром хоть глаз зажмурь: вверху сверкает солнце, внизу сверкают снега! На синем небе — «кошачьи хвосты» белых облаков, на белой земле — синие тени деревьев.

У домов галдят воробьи и воркуют голуби.

В лесу звенят синицы и громко барабанят дятлы.

На иве у раскисшей дороги поёт овсянка, всем проезжающим выговаривает: «Смени сани, возьми во-з-з-з!»

А тем, кто поутру несёт скотине сено, слышится в песенке овсянки другой совет: «Неси, неси, не тру-с-с-си!»

И верно: сена за зиму поубавилось, беречь надо. Да и сани пора на телегу менять.

Оживают в марте леса. Загустели кроны — это набухли на ветвях почки. Ветви у берёз, тальников стали бронзовыми. Такой цвет называют мартовским загаром.

У птиц началось движение. Зимние гости — снегири, чечётки, свиристели, щуры — потихоньку улетают на север. А с юга уже летят грачи, скворцы, жаворонки.

Для скворцов везде вывешивают скворечники.

В марте «щука хвостом лёд разбивает». В марте «курица из лужицы напьётся».

Истосковались по живой воде зимующие птицы: всю зиму глотали снег. Пьют из луж сороки, вороны, галки.купаются воробьи — отмывают зимнюю грязь. На берёзах бормочут тетерева. Растёт шум в полях и лесах.

Весенний шум.



# СОРОКА И ЗАЯЦ

— Слушай, заяц, все говорят, что осина страсть горькая. А ты, смотрю, грызёшь её и даже не жмуришься!

— А я, Сорока, осинку на третье блюдо употребляю. Когда на первое только воздух свежий, на второе — прыжки по снегу, так и горькая осина на третье слаще мёда покажется!



## ПТИЦЫ ВЕСНУ ПРИНЕСЛИ

Грачи прилетели — проталины принесли. Трясогузки-ледоломки лёд на реке раскололи. Зяблики появились — зелёная травка заворсилась.

Дальше — больше. Пеночки прилетели — цветы запестрели. Кукушка вернулась — листья на берёзах проклюнулись. Соловьи показали — черёмуха зацвела.

Весна так и делается: каждый понемножку.



# ВОРОБЬИНЫЙ ТЕРМОМЕТР

Птицы у меня не бездельничают. Воробьи у меня, например, температуру показывают. Как термометры. Утром только взглянул в окно на кормушку — и уже знаю, тепло на улице или холодно, надевать рукавицы и шарф или не надевать.

Если воробьи гладенькие и поджарые, значит тепло на улице, а если пухлые и взъерошенные, словно надутые шарики, значит мороз трескучий, береги уши и нос! И хоть бы когда подвели меня воробьишки.





# СТЕКЛЯННЫЙ ДОЖДЬ

Слышно было, как уходил ночью из леса мороз. Он стучал клюкой по деревьям всё тише, всё дальше.

Я вышел во двор и долго стоял, вглядываясь и вслушиваясь. В воздухе плыл шорох.

Уху знакомо шуршание трав, кустов и ветвей. Но сейчас шуршало ни на что не похоже. Казалось, шуршит сам воздух. Шуршит и чуть слышно позванивает.

На смену морозу пришла оттепель.

Я вытянул в темноту ладонь. В ладонь стали показывать крохотные иголки. Ничего было не видно, но что-то творилось в лесу.

Утром все увидели: снег заковала хрустящая глазурная корочка. Ветви берёз и хвоя сосен оделись в стеклянные чехолики. Всё похрустывает и позванивает, как обёрнутое в скрипучий целлофан. Стены, заборы оплыли матово-голубым льдом.

Сыплет мелкая водяная пыль. Невидимые капельки, не долетая до земли, замерзают в льдинки. Льдинок тоже не видно, но слышно — шорох и звон!

Сыпучий снег стал гремучим. Глазурная корочка с грохотом проламывается и рушится под сапогом. В проломах — белые битые черепки.

Всё шуршит, хрустит и звенит. Звонкий весенний денёк!









# З И М Н И Е Д О Л Г И

Расчирикался воробей на навозной куче — так и подскакивает! А ворона-карга как каркнет своим противным голосом:

— Чему, воробей, возрадовался, чего расчирикался?

— Крылья зудят, ворона, нос чешется, — отвечает воробей. — Страсть драться охота! А ты противно не каркай, не порть мне весеннее настроение!

— А вот испорчу! — не отстаёт ворона. — Как задам вопрос!

— Во напугала!

— И напугаю. Ты крошки зимой на помойке клевал?

— Клевал.

— А зёрна у скотного двора подбирал?

— Подбирал.







- А в птичьей столовой у школы обедал?
  - Спасибо ребятам, подкармливали.
  - То-то! — надрывается ворона. — А чем ты за всё это расплачиваться думаешь? Своим чириканьем?
- 

## БАРСУК И МЕДВЕДЬ



- Что, медведь, спишь ещё?
- Сплю, барсук, сплю. Так-то, брат, разогнал-ся — пятый месяц без просыпу. Все бока отлежал!
- А может, медведь, нам вставать пора?
- Не пора. Спи ещё.
- А не проспим мы с тобой весну-то с разгону?
- Не бойся! Она, брат, разбудит.
- А что она — постучит нам, песенку споёт или, может, пятки нам пощекочет? Я, Миша, страх как на подъём-то тяжёл!
- Ого-го! Небось вскочишь! Она тебе, Боря, ведро воды как даст под бока — небось не залежишься! Спи уж, пока сухой.



— А я один, что ли, пользовался? — растерялся воробей. — И синица там была, и дятел, и сорока, и галка. И ты, ворона, была...

— Ты других не путай! — хрипит ворона. — Ты за себя отвечай. Брал в долг — отдавай! Так все порядочные-то птицы делают.

— Порядочные, может, и делают, — рассердился воробей, — а вот делаешь ли это ты, ворона?

— Я раньше всех расплачусь! Слышишь, трактор тарахтит, к пахоте готовится? Вот выйдет пахать, — я за ним из борозды всяких корнеедов и корнегрызов выбирать буду. И сорока, и галка мне помогут. А на нас глядя, и другие птицы стараются.

— Ты тоже за других не ручайся! — упирается воробей. — Другие, может, и думать забыли.

Но ворона не унимается:

— А ты слетай да проверь!

Полетел воробей проверять. Прилетел в сад, там синица в новой дуплянке живёт.

— Поздравляю с новосельем! — воробей говорит. — На радостях-то небось и про долги зимние позабыла?

---

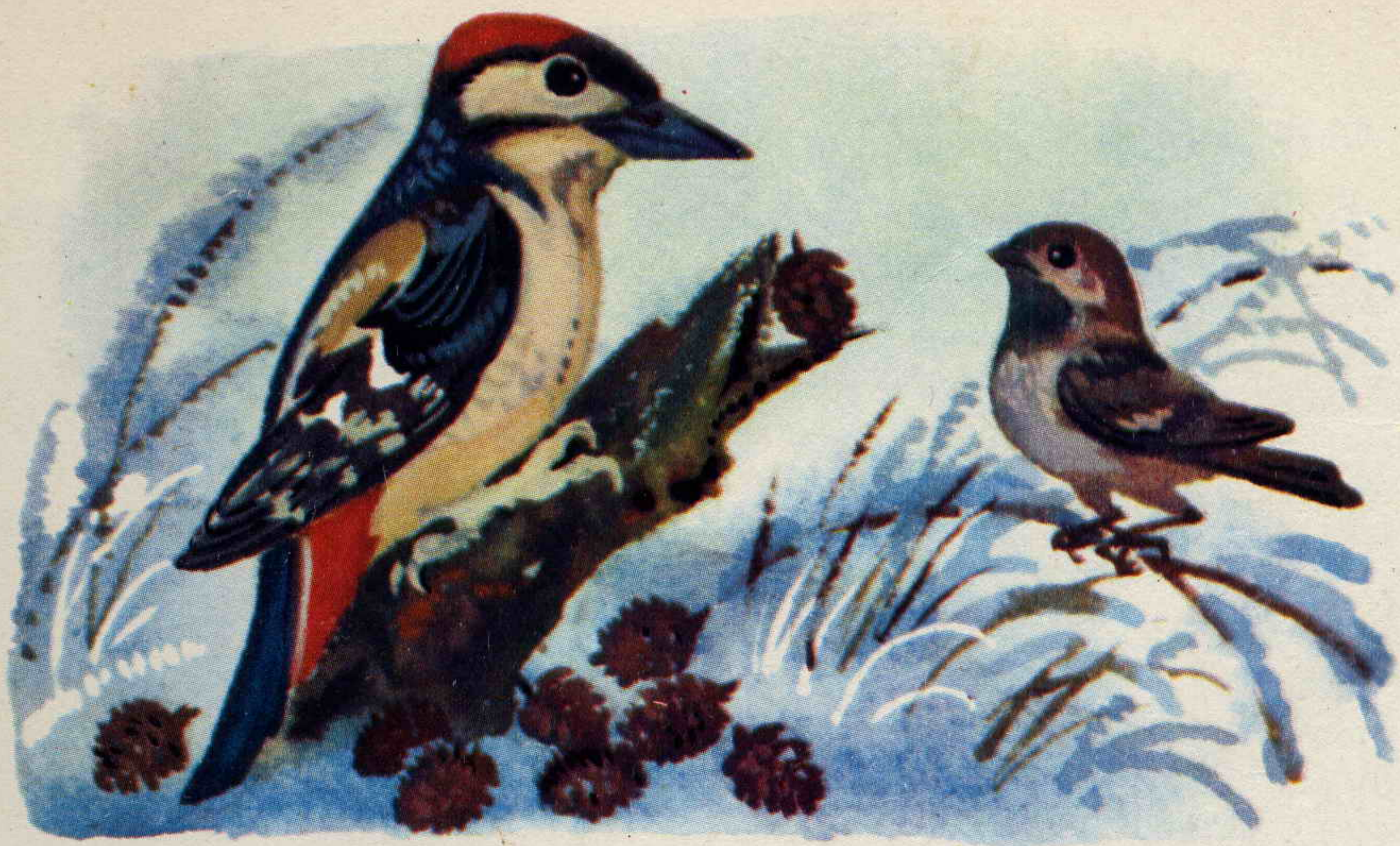
## СОРОКА И ВОРОБЕЙ

— Чего это ты, Воробей, задавался? Чего это ты расчирикался? Все хорошие певцы помалкивают ещё, а тебя прорвало — орёшь и подскакиваешь!

— Эх, Сорока, мне-то с моим голосом только и петь, пока другие молчат! На безрыбье и рак рыба, на бесптичье и воробей соловей! Чик-чирик!







— Не забыла, воробей, что ты! — отвечает синица. — Меня ребята зимой сальцем угощали, а я их осенью сладкими яблочками угощу. Сад стерегу от плодожорок и листогрызов. Глаз не спускаю!

Полетел воробей дальше. Прилетел в лес, там дятел стучит. Увидал воробья, удивился:

— По какой нужде, воробей, ко мне в лес прилетел?

— Да вот расчёт с меня требуют, — чирикает воробей. — А ты, дятел, как расплачиваешься?

— Уж так-то стараюсь, — отвечает дятел. — Лес от древооточцев и короедов оберегаю. Бьюсь с ними не щадя живота! Растолстел даже...

— Ишь ты, — задумался воробей. — А я думал...

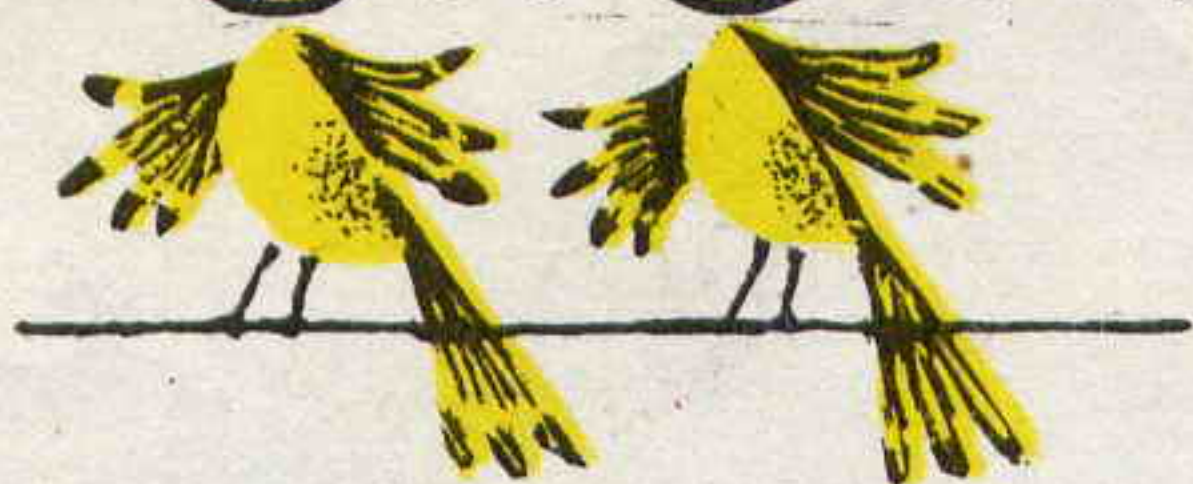
Вернулся воробей на навозную кучу и говорит вороне:

— Твоя, карга, правда! Все за зимние долги отрабатывают. А я что — хуже других? Как начну вот летом птенцов своих комарами, слепнями да мухами кормить! Чтоб кусаки эти ребят не жалили, скотину не грызли. Мигом долги верну!

Сказал так и давай опять на куче навозной подскакивать и чирикать. Пока ещё время свободное есть. Пока воробьята в гнезде ещё не вылупились.



# сердитые ГОЛОСА



Обрадовались мы, кусты ивы, мартовскому солнцу и зацвели. Зацвели на свою голову...

Кто пройдёт — букет наломает. Кто проедет — целые веники надерёт. Стоим обломанные, ободранные, сами себе противные. А зацветали — думали: сами радоваться будем и других радовать. Весной ведь на наши «барашки» летят за пыльцой мухи, и пчёлы, и шмели, и бабочки. Даже муравьи приползают. Птицы прилетают для охоты. Гул, бывало, над нами стоял — шум, суета, веселье!

А сейчас — ни себе, ни другим. Ветер, ветер — разнеси по земле наши печали!



## ПТИЧИЙ

Хоть убей не могу утром проснуться! Мама будит — мычу, брат будит — лягаюсь. Наконец меня надоумили. Сделай, говорят, кормовую птичью полочку, да не простую, а с будильником. Укрепи на полочке прутик с колокольчиком и ломтиком сала. Я так и сделал. И просыпа-





## БУДИЛЬНИК

юсь теперь на рассвете. Чуть посветлеет, а у меня уже колокольчик звонит за окном. Синички слетелись и теребят сало. И встаю, и умываюсь, и завтракаю под весёлый звон. Я уж и в школу иду, а птичий будильник всё не унимается! Надёжный. И заводить не надо. Знай сало меняй.

**Предупреждаем!**

Строят сейчас ребята для нас дома — скворечники и дуплянки. За это им наше птичье спасибо! Но по горькому опыту знаем мы, что бывают у них и брак, и недоделки.

То леток сделают широкий, что любая ворона или сорока голову просунет, а то и кошка пролезет. То из фанеры дом склеят — от дождей и солнца он весь покорежится. То крыша у дуплянки протекает, то у скворечника в щели дует. А то доски берут сырые, даже плесень на стенках растёт. А бывает, такой срубят скворечнище — ну чисто собачья конура!

Время ещё есть: исправьте все недостатки. Не вывешивайте негодные птицам домики. Нам ведь в них жить, детей выводить!

**СКВОРЦЫ, СИНИЦЫ И ДРУГИЕ ДУПЛОГНЕЗДИКИ.**









## АПРЕЛЬ

**А**прель — месяц первых цветов и последнего снега, пора вешнего солнца и вешней воды.

Ночью заморозит, днём распустит. То солнце, то дождь, а то вдруг и снег!

Под снегом журчит вода, через болото не пройти, в лесу вода, на полях вода, дождь моросит — апрель-водолей!

В апреле весна всё переделывает на свой лад. Каждый день новости. Каждый день новые звуки, новые краски, новые запахи.

Над проталинками запели жаворонки. Сколько проталин, столько и жаворонков. Чёрные золотоносые скворцы трепещут крылышками у скворечен и поют, поют без конца! В их песне слышится и свист куличка, и крик иволги, а то, бывает, и тихое кукареканье петуха или блеяние ягнёнка.

Чёрные блестящие грачи шумно возятся у своих гнёзд и каркают басом.

Трясогузочка-ледоломка семенит ножками по бережку и покачивает длинным хвостом. Говорят, что она хвостом лёд на реке ломает.

Прилетели дикие утки, гуси, прилетели лесные кулики вальдшнепы и болотные кулики кроншнепы. Прилетели крикливые чибисы. И их кряканье, гогот, хорканье, свист и писк слились в общий весенний хор.

У дятлов своей песни нет, дятлы громко стучат клювами по сушине — треск на весь лес! Это называется «дятлы играют на барабане».

Громкими голосами птицы гонят из лесов и полей зимнюю тишину.

Тёплые струйки ветра приносят новые запахи — запахи нагретой земли, первых клейких листочков, первых цветов.



Первые пчёлы вылетают на первые цветы. Первые бабочки — крапивницы и лимонницы — порхают на солнце. Жужжат на припёке мухи.

В апреле в лесу — как на земле неизведанной. Что ни шаг, то открытие. На обсохших бугорках вдруг увидишь... грибы! Это самые ранние наши грибы — строчки́ и сморчки.

Из надломленной берёзки капает сок. Сок можно собрать в кулёк из берёсты и выпить. На вкус он сладковат. Это хорошо знает большой пёстрый дятел. Весной он пробивает клювом в берёзовой коре дырочки и пьёт сок. Разные насекомые — тоже сладкоежки! — приползают и прилетают к дятлу в гости на сладкий сок.

Вышел из берлоги медведь. Вылезли из нор барсуки. Сейчас они голодные и худые. В глухом лесу, на грязи или на сугробе, встречаются их когтистые следы.

Со всех сторон слышится бормотание косачей.

Грязны и трудны пути-дороги. Но зато какие незабываемые встречи бывают на них!

Сколько всего увидишь, услышишь, узнаешь! Сколько всему порадуешься!

# С ПЕРВЫМ АПРЕЛЯ

Володя вбежал в класс и закричал:

— На дворе глухая зима, не светит ярко солнце, не набухли на деревьях почки, не барабанит в лесу дятел, не прилетели птицы!





Все грустно повесили носы.  
Тогда Володька запрыгал и закричал ещё громче:  
— Всех обманул! С первым апреля!  
На большой перемене все сбежались на школьный двор.

Ярко светило солнце. Везде лужи. На деревьях набухли почки. У скворечен пели и щёлкали клювами скворцы. На грачевнике белоносые чёрные грачи орали басом. А с голубого неба лились жавороночьи трели. Самих жаворонков не было видно: летели на север одни их песенки.

Жаворонки прилетели! Здравствуй, весна!  
С первым апреля!







## СОРОКА И ЕНОТ

— Енот, а Енот, а ты ягоды есть любишь?

— Люблю!

— А птенцов и яйца любишь?

— Люблю!

— А лягушек и ящериц любишь?

— Люблю!

— А жуков и сороконожек любишь?

— Люблю!

— А... а червяков и улиток любишь?

— Тоже люблю!

— А чего же ты тогда не любишь?

— Не люблю, когда меня глупыми вопросами от еды отвлекают!



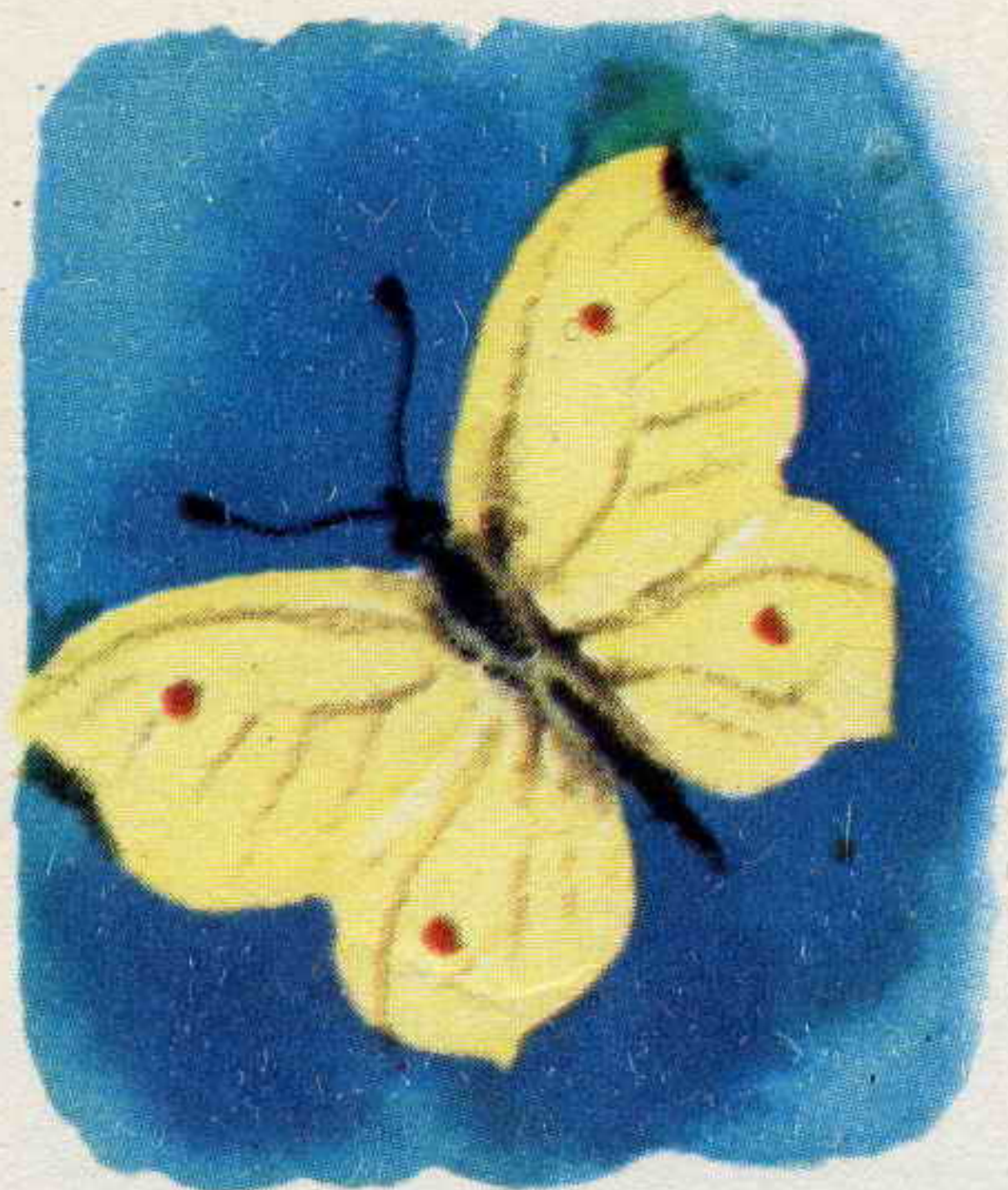
## ДЯТЕЛ

Дятлу без носа — что нам без рук! Носом деревья выстукивает, носом шишки на кузнице разбивает. Дупло носом долбит, дырочки на берёзах пробивает — сладкий сок пьёт. Даже на «барабане» носом играет!

На все руки у дятла нос. Пёрышки носом чистит, муравейники разрывает, птенцов кормит. Дятлу без носа хуже, чем нам без рук.



## ЛИМОННИЦА



Назвали её лимонницей за ярко-жёлтый, лимонный цвет. Такая на вид неженка и недотрога, а всю зиму под снегом зимует. И весной вылетает, когда по ночам ещё морозы звенят. Греет солнце — порхает весело и беззаботно, а ударит мороз — упадёт на землю, замрёт и лежит как опавший жёлтый листок. Ждёт терпеливо ясного тёплого дня. И снова тогда мелькают её жёлтые крылья словно два солнечных зайчика.

## МАХАОН

Махаон не прячет своей красоты: то крылья раскроет, то сложит. Словно хвастается: хороши крылья и сверху и снизу! На земле он как жёлтый кленовый лист. А в полёте словно бумажный кораблик, летящий на всех парусах. Всё лето украшает опушки и лесные поляны. Кто бы ни увидел его — непременно ахнет. Всех радует его красота.







## МЕДВЕДЬ И КРОТ

— Послушай, Крот, весь век в земле возишься, вот-то, поди, умываться часто приходится?

— Ой, Медведь, и не говори! Замучили меня умывания. До того часто, до того часто — два раза в год. Раз — весной, в половодье, раз — осенью, в ненастье. Завидую, ко-солапый, тебе: медведи, говорят, век не моются!

## ТРОЕ НА ОДНОМ БРЕВНЕ

Вышла речка из берегов, разлилась вода морем. Застряли на островке Лисица и Заяц. Мечется Заяц по островку, приговаривает:

— Впереди вода, позади Лиса — вот положение!

А Лиса Зайцу кричит:





— Сигай, Заяц, ко мне на бревно — не тонуть же тебе!

Островок под воду уходит. Прыгнул Заяц к Лисе на бревно — поплыли вдвоём по реке.

Увидела их Сорока и стрекотнула:

— Интересненько, интересненько... Лиса и Заяц на одном бревне — что-то из этого выйдет!

Плывут Лиса и Заяц. Сорока с дерева на дерево по берегу перелетает.

Вот Заяц и говорит:

— Помню, до наводнения, когда я в лесу жил, страсть я любил ивовые ветки оглаживать! До того вкусные, до того сочные...

— А по мне, — вздыхает Лиса, — нет ничего слаще мышек-полёвок. Не поверишь, Заяц, целиком их глотала, даже косточки не выплёвывала!





— Ага! — насторожилась Сорока. — Начинается!..  
Подлетела к бревну, на сучок села и говорит:  
— Нет на бревне вкусных мышек. Придётся тебе, Лиса, Зайца съесть!

Кинулась голодная Лисица на Зайца, но бревно окунулось краем — Лиса скорее на своё место. Закричала на Сороку сердито:

— Ох, и вредная же ты птица! Ни в лесу, ни на воде от тебя нет покоя. Так и цепляешься, как репей на хвост!

А Сорока как ни в чём не бывало:

— Теперь, Заяц, твоя очередь нападать. Где это видано, чтобы Лиса с Зайцем ужились? Толкай её в воду, я помогу!

Зажмурил Заяц глаза, бросился на Лису, но качнулось бревно — Заяц назад скорей. И кричит на Сороку:

— Что за вредная птица! Погубить нас хочет. Нарочно друг на друга науськивает!

Плывёт бревно по реке, Заяц с Лисой на бревне думают.

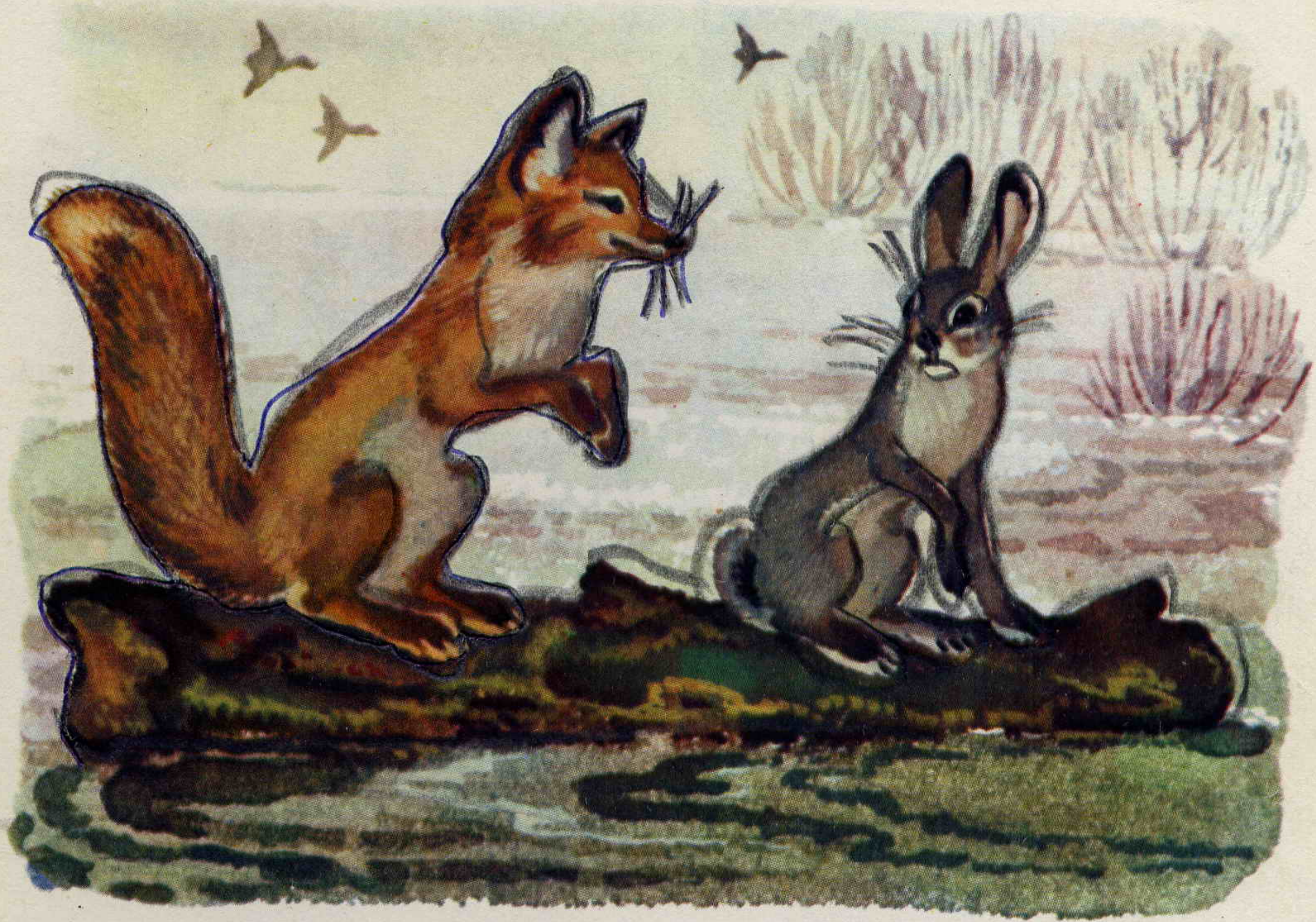


## ЖЕЛНА И СОРОКА

— Ой, Желна, что-то с Филином нашим неладно! Каждую ночь стонет и охает! Уж не заболел ли, не простудился? То хрипит, то бурчит, то ворчит — словно ежом подавился!

— Что ты, Сорока, что ты! Да это он самые свои нежные песни поёт! Самые развесёлые! Молчи уж, а то услышит ещё, обидится! Тс-с!





---

## **КАРАСЬ И ОКУНЬ**

— Охо-хо, Окунь, горемычная я рыба! Вся-то моя жизнь в грязи да в тине.

— А ты, Карась, клюнь на крючок — попадёшь в сметану...





— Может, взвять, на помощь позвать? — предлагает Лиса.

— Может, махнуть на всё лапой — да в воду? — предлагает Заяц.

А бревно всё плывёт и плывёт. Думают и думают Лисица и Заяц. Думают, как с бревна друг друга спихнуть. Другого спихнуть, а самому уцелеть. И вдруг оба додумались!

— С бревна нам не уйти?

— Не уйти.

— Когда ссоримся и дерёмся...

— ... бревно переворачивается.

— А когда тихо и мирно сидим?...

— Плавём, как на лодочке!

— Значит?

— Значит, надо мирно сидеть! Ждать, пока бревно к берегу прибьёт. Ты, Заяц, согласен?

— Я-то давно согласен...

Поплыли Лиса и Заяц на бревне рядышком.

А Сорока-склочница ни с чем улетела.



## ПЯТЬ ТЕТЕРЕВЕЙ

Прилетел в зорьку на обочину тетеревиного тока рябчик и завёл свою песенку:

— Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!

Я пересчитал: шесть косачей на току! Пять в стороне на снегу, а шестой рядом с шалашкой, на седой кочке сидит.

А рябчик своё:





— Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!  
— Шесть! — говорю я.  
— Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!  
— Шесть! — стукнул я по колену. — Считать не умеешь!

Ближний — шестой — услышал, испугался и улетел.  
— Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей! — свистит рябчик.

Я молчу. Сам вижу, что пять. Улетел шестой.

А рябчик не унимается:

— Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!  
— Я же не спорю! — говорю я. — Пять так пять!  
— Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей! — рябчик свистит.

— Без тебя вижу! — рявкнул я. — Небось не слепой!

Как залопочут, как замельтешат белые крылья — и ни одного тетерева не осталось! И рябчик улетел с ними.



# СИНИЧКИ - АРИФМЕТИЧКИ

Весной звонче всех белощёкие синички поют: колокольчиками звенят. На разный лад и манер. У одних так и слышится: «Дважды два, дважды два, дважды два!» А другие бойко высвистывают: «Четыре-четыре-четыре!»

С утра до вечера зубрят синички таблицу умножения.

— Дважды два, дважды два, дважды два! — выкрикивают одни.

— Четыре-четыре-четыре! — весело отвечают другие.

Синички - арифметички.



## МУРАВЕЙ И ТРАУРНИЦА

— Отведайте, уважаемая Траурница, берёзового соку. Мёд, чистый мёд — губки оближете!

— Благодарствую, Муравей, — в самом деле как мёд!

— Да вы не стесняйтесь, пробуйте, пробуйте!

— Благодарствую, я уже.



# ЛЯГУШКИ

В болотце довольно воро-  
чаются и урчат лягушки. Вы-  
совывают из воды мокрые пу-  
чеглазые головы. Вздывают  
голубые горлышки, дрыгают  
пятнистыми лапками. А на  
болотной закраине лёд ещё!  
Каково-то им, голым, в ледя-  
ной воде?

— Каково? — спрашиваю.

— Ничего; ничего! — от-  
вечают.



— Да как же уже, если сами и  
не пригубили?

— А я, дорогой, приножила.

— Как вы сказали?

— Приножила я, говорю. То  
есть ногой попробовала. Ведь мы,  
бабочки, вкус не языком узнаём, а  
ногами.

— Ишь ты! Ну да уж ладно: про-  
буйте, пробуйте — пальчики обли-  
жете!



## ЛОСЁНОК И ВОРОН

— Ой, Ворон, Ворон,  
посмотри-ка скорей в лу-  
жу: что там за пугало от-  
ражается? Ну и ну! Но-  
ги — жерди, уши — лопу-  
хи, а нос-то, нос — слов-  
но тыква! Вот так зверь!  
Как такого урода земля  
держит!

— А это, Лосёнок, те-  
бя надо спросить. В лу-  
же-то, голубчик, ты отра-  
жаешься. Собственной  
персоной! От ушей до  
копыт!





## ШЕПЧУЩИЕ СЛЕДЫ

В светлых осинниках и ольшаниках снег сошёл, па-  
лый лист сохнет на солнце, скручиваясь в рулончики,  
свёртываясь в кулёчки, сжимаясь в кулачки. Лист су-  
хой, а земля под ним мокрая. И проминается под но-  
гой, как пластилин. Идёшь и вдавливаешь сапогом су-  
хие листья в сырую землю.

Лось ли пройдёт, человек ли — всё одно оставит сле-  
ды, вдавит лист в землю. Пройдут, вдалеке стихнут,  
а следы их вдруг и зашепчутся. То лист примятый рас-  
прямится и соседний заденет. То стебелёк высохнет и  
распрямится. Развяжется тесёмочка жёлтой травы.  
Или встряхнётся сжатый в гармошку пучочек брус-  
ники.

Давно ушагали из лесу лось и человек, где-то они  
уже далеко-далеко, а следы их всё шепчутся, шепчутся.  
Долго-долго...

---

### сердитые ГОЛОСА



За какие такие особые заслуги каж-  
дую весну для скворцов столько сквореч-  
ников вывешивают? За что им такая осо-  
бая честь: за красивые глаза, за звонкие  
песни или за пользу?

Если за красивые глаза, то почему вы  
не делаете дуплянок для нас — сов-си-  
пух, неясителей и домовых сычей? Глаза  
у нас красивые — большие, блестящие,  
золотые.

Если за звонкие песни, то почему за-  
бываете про нас — горихвосток, синиц, трясогузок, мухоловок-  
пеструшек?

А если за одну только пользу, то и нам — стригам, пищухам,  
поползням — нужно тоже дома строить.

Так-то вот, дорогие юннаты. А то заладили одним скворцам,  
будто только они одни звонкие песни поют да поля и лес берегут.  
Так, братцы, несправедливо!





Мы пролетели тысячи километров — и вот мы на родине.

Но вдруг вернулась зима, посыпал снег, задул ледяной ветер. Мы все, конечно, перелетели к человеческому жилью. И потому, что ждали от людей помощи, и потому, что у жилья прокормиться легче.

А вы, ребята, взяли бы да помогли нам.

Пусть все в непогоду насыпают на полочки и проталины муравьиные яйца, мучных червей, коноплю. Если не от вас, то от кого же нам ещё помощи ждать?

А мы вам летом отпоём и отработаем. Мы — это скворцы, жаворонки, зарянки, трясогузки.









## М А Й

**М**ай — пора быстрых перемен. Нависла над рощей синяя туча — и зазвенел сверкающий дождь. Не успел дождь отзвенеть, а уж над берёзовой рощей зелёная дымка. Из почек высунулись острые зелёные клювики. И на каждом дождинка висит.

Май — страна песен и плясок.

Птицы поют днём, поют утром и вечером. А иные даже ночью поют. Лучше всех поют соловьи, певчие дрозды, черноголовки, зарянки. Это заслуженные певцы леса. Не у всех птиц такие звонкие и красивые голоса. Но и безголосые не унывают, шумят чем только могут. Дятел носом стучит, бекас хвостом дребезжит, аист клювом трещит, как трещоткой. Когда только едят и отдыхают! Зяблик за день спел 2900 песен — по 168 песен в час. Лесной конёк и того больше — 3230 песен, 188 песен в час!

Кукушка до того докуковалась, что даже голос сорвала и охрипла.

Кто поёт, кто танцует. Танцуют на болоте журавли, приплясывают на току тетерева. Вороны орут по-особому, по-весеннему. Лягушки и те хором поют.

Май — пора светлых ночей. Зорька зорьке руку протягивает. Ночные птицы — совы и филины — удивлённо хлопают глазами — всё светло да светло! Когда же мышей ловить?

А ребятам-юннатам глазами некогда хлопать. У юннатов-животноводов стадо растёт. Нарождаются телята, жеребята, козлята, ягнята, поросята, крольчата. У садоводов и огородников посадка, прополка, подрезка деревьев. А надо ещё и на рыбалку успеть — рыба начинает клевать.

Комары в мае начинают гудеть. Хорошо, если утренник их прихлопнет, а то успевай только себя по рукам да по шее хлопать.



Лес зазвенел, цветы везде, над цветами бабочки. Пчёлы гудят — мёд собирают. Не всё и птицам петь да плясать — пора гнёзда вить, птенцов выводить.

Много интересных событий происходит в мае. Весело по нему путешествовать.

## ВСЕ ХОТЯТ ПЕТЬ

Жабы поют, совы бубнят. Шмель гудит басом. Про птиц и говорить нечего! От зари до зари поют.

Скворцу своей песни мало, так он чужие перепевает. Сидит на берёзе, блестящий и чёрный, словно в дёготь окунутый, разводит крылышками, словно сам себе дирижирует, и щёлкает клювом, как парикмахер ножницами.

То белобровиком просвистит, то вертишейкой прокричит, то уточкой крякнет. И петухом, и гусаком, и барашком.

Иволгой, пеночкой, сорокой!

На разные голоса: и за себя, и за всех.





# ПЕВИЦА

Тем хорош лес, что сколько в него ни ходи, сколько ни смотри и ни слушай, а всё увидишь невиданное и услышишь неслыханное. А увидишь, услышишь — и опять пойдёшь.

Стоял я на тяге. Уж солнце утонуло в лесу, а вальдшнеп всё медлил. И такая была прозрачная тишина, что упадёт хвоинка — слышно, капля сока с берёзы капнет — слышно. Слышно даже, как муравьи бегут: так и топчут!

В луже будто лопались пузыри, таинственно и тихо: «Уук! Уук!» Это запевала жаба.

И вдруг шумная возня, шорох листьев и писк. Я прислушался. И услышал незнакомую песню!

Вроде птичка пела в кустах. Стрекотала и щебетала. Повторяла своё «ци-ци-ци» на разные лады и манеры.

Я слушал и вспоминал. Зарянка не так поёт, дрозды не так свистят. Всех птиц знаю, а такой не слышал.

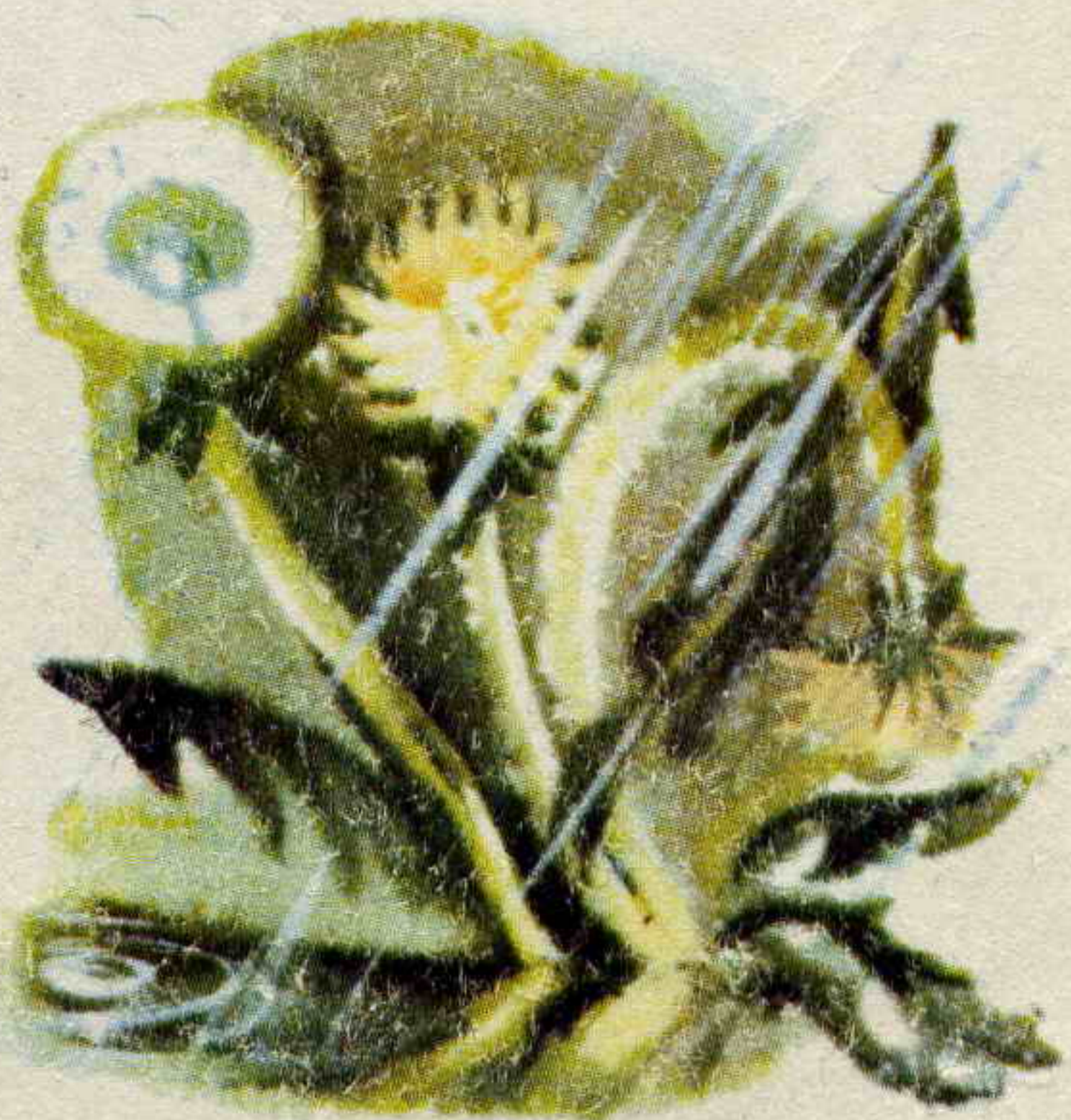
---

## ОДУВАНЧИК И ДОЖДЬ

— Ура! Караул! Ура! Караул!

— Что с тобой, Одуванчик? Уж не заболел ли? Ишь жёлтый весь! Чего ты то «ура», то «караул» кричишь?

— Закричишь тут!... Корни мои рады тебе, Дождю, радёшеньки, все «ура» кричат, а цветок «караул» кричит — боится, что пыльцу испортишь. Вот я и растерялся — ура, караул, ура, караул!





Я нагнулся, чтобы разглядеть, но под ольхами загустела тьма: даже видно стало свечение гнилушек. Тогда я включил фонарь. Гнилушки потухли, а там, где они голубели, выдвинулся пенёк. На пенёке сидела лесная мышь: усы топорщились, глаза блестели. Погасил фонарь — засветились гнилушки, слышалась песнь.

Поющая мышь — дело неслыханное!

Что ж, буду знать.

И если кто спросит меня, скажу: «Слышишь? Это поёт мышь!»



## МУХОЛОВКА И ЗАЯЦ

— Чего, Заинька, приплясываешь, чего, серенький, ушами потряхиваешь?

— С горя, Мухоловочка, с горя! Комары после дождя вылетели — ни попить, ни поесть. А ты чего подлётываешь, чего крылышками взмахиваешь?

— От радости, Заинька, от радости! Комары после дождя вылетели — самое времечко попить да поесть!



# ЛЕСНОЙ ГРЕБЕШОК

Что ни куст густой, то гребешок лесной. И ни одного неряху линючего гребешок не пропустит, непременно причешет. Лиса ли, медведь ли, заяц — ему всё равно. Всех расчёсывает, причёсывает, приглаживает. С зайца — белый клочок, с лисы — рыжий пучок, с медведя — бурые космы.

Иной куст, самый густой да колючий — шиповник или боярышник, — сам за весну станет как зверь мохнатый. Шерсть на нём звериная дыбом, даже подойти страшно!





# СОЛОВЕЙ И ЛЯГУШКА

Журчал в кустах ручеёк. В ручье жила лягушка. А в кустах — соловей. По вечерам лягушка и соловей пели. Соловей свистел и щёлкал, а лягушка урчала и квакала.

Соловью, конечно, было противно, что лягушка заглушает его, и потому он пел всё сильнее и звонче. А лягушка боялась, что никто её не услышит из-за пения соловья, и она во всю глотку квакала и урчала.

До того раззадорятся — гул и стон!

Соловей раскат за раскатом — только листики вздрагивают. Лягушка надрывается — даже рябь по воде.

Все на лягушку сердились: мешает соловья слушать! Хоть бы лягушку уж сожрал!

И уж лягушку сожрал...

Наступил вечер, все собрались в тишине слушать соловья. Стоим, комары нас едят, а соловей никак что-то не распоётся! Посвистит, пощёлкает вполголоса — и молчок. Снова вполсилы, лениво и нехотя. Небрежно, с помарками, кое-как. Ни листик от песни не дрогнет, ни сердце. Худо стал петь: дрябло, сонно и вяло. Наверное, потому, что спорить ему стало не с кем. Хоть снова ему лягушку в ручей подбрасывай!









# ГНЕЗДО

Гнездо—это птичий клад. Он надёжно спрятан в траве или листьях. Яички в нём — как горстка сияющих драгоценностей. В гнезде козодоя они беловатые, словно мрамор; в гнезде славки переливчатые, как жемчужины; а в гнезде певчего дрозда похожи на изумруды. Но что изумруды и жемчуга — они мертвы! А в яичках будущие птенцы и тысячи будущих песен.

Одним отличается птичий клад от настоящего: его нельзя трогать. Только не тронутый, только не найденный принесёт он радость.





## ДРОЗДЁНОК



Весёлое в лесу времечко: что ни день — то день рождения! У ежей — ежата, у зайцев — зайчата, у дроздов — дроздята. Лисята, галчата, скворчата. Горячая пора, все детишкам угощение ищут. У всех забот полон рот.

Дрозды, не покладая крыльев, работают от зари до зари. Ещё бы: каждому птенцу подавай в день тридцать завтраков, тридцать обедов и тридцать ужинов! А птенцов в гнезде пять. И у каждого рот — как кулёк.

## РЯБЧИК

Пёрышко к пёрышку, пятнышко к пятнышку — сразу и не увидишь. А она рядом сидит: лесная курочка-ряба. Не моргнёт, не дохнёт: обмерла. Наверное, яички снесла, да не простые, а золотые: очень уж бережёт! Прячет от злого глаза. Вот умница, дай-ка погляжу... А курочка — фрр! — и улетела. А где сидела, там полное лукошко яичек. Не простых, золотистых. Ещё и в крапинку! Как такие не прятать, как не беречь.





# ЗВАНЫЙ ГОСТЬ

Увидела Сорока Зайца — ахнула:

— Не у Лисы ли в зубах побывал, косой? Мокрый, драный, запуганный!

— Если бы у Лисы! — захныкал Заяц. — А то в гостях гостевал, да не простым гостем был, а званым...

Сорока так и зашлась:

— Скорей расскажи, голубчик! Страх склоки люблю! Позвали, значит, тебя в гости, а сами...

— Позвали меня на день рождения, — заговорил Заяц. — Сейчас в лесу, сама знаешь, что ни день — то день рождения. Я мужик смирный, меня все приглашают. Вот на днях соседка Зайчиха и позвала. Прискакал я к ней. Нарочно не ел, на угощение надеялся.

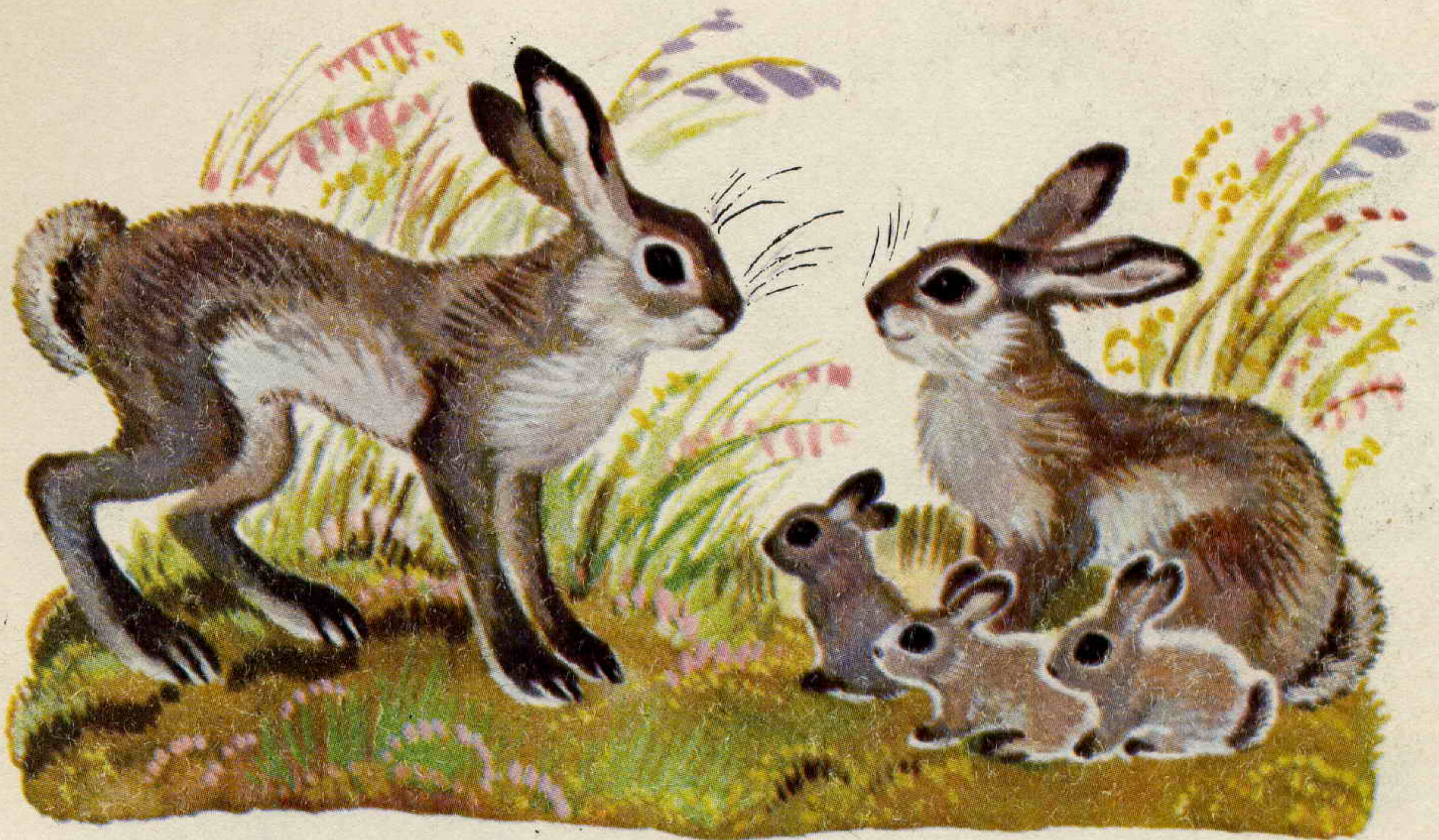
А она мне вместо угощения зайчат своих под нос суёт: хвастается. Эка невидаль — зайчата! Но я мужик смирный, говорю вежливо: «Ишь какие колобки лопаухие!» Что тут началось! «Ты, — кричит, — окосел? Стройненьких да грациозненьких зайчат моих



## ФИЛИН И СОЛОВЕЙ

— Не бойся меня, Соловей, я не проглотить тебя собираюсь, я тебе песенку хочу спеть! Май в лесу, все песни поют...





колобками обзываешь? Вот и приглашай таких чурбанов в гости — слова умного не услышишь!»

Только от Зайчихи я убрался — Барсучиха зовёт. Прибегаю — лежат все у норы вверх животами, греются. Что твои поросята: тюфяки тюфяками! Барсу-

---

— Спой, Филин, спой, раз уж так разохотился.

— Пу-гу-гу-гу! Бу-бу! Пу-гу-гу! Бу-бу!

— Ой, ой!...

— Ну вот — и этот сознание потерял! Пятому уже пою — и все в обморок падают. До чего же у меня голос чувствительный, так за сердце и берёт! Пу-гу-гу! Бу-бу!







чиха спрашивает: «Ну как детишки мои, нравятся ли?» Открыл я рот, чтобы правду сказать, да вспомнил Зайчиху и пробубнил: «Стройненькие, — говорю, — какие они у тебя да грациозненькие!» — «Какие, какие? — ошетибилась Барсучиха. — Сам ты, Кощей, стройнень-

---

### РЯБЧИК И СОЛОВЕЙ



— Люблю я весенние цветы, Соловей!

— И я люблю, — такие они красивые!

— Да нет, Соловей, не то.

— Такие они ароматные!

— Да нет, не то.

— Так что ж, коли не то?

— Вкусные они, Соловей, очень! Особенно незабудки. Незабываемый вкус!



кий да грациозненький! И отец твой и мать стройненькие, и бабушка с дедом твои грациозненькие! Весь ваш поганый заячий род костлявый! Его в гости зовут, а он насмехается! Да за это я тебя не угощать стану, я тебя самого съем! Не слушайте его, мои красавчики, мои тюфячки подслеповатенькие...»

Еле ноги от Барсучихи унёс. Слышу — Белка с ёлки кричит: «А моих душечек ненаглядных ты видел?»

«Потом как-нибудь! — отвечаю. — У меня, Белка, и без того в глазах что-то двоится...»

А Белка не отстаёт: «Может, ты, Заяц, и посмотреть-то на них не хочешь? Так и скажи!»

«Что ты, — успокаиваю, — Белка! И рад бы я, да снизу-то мне их в гнезде-гайне не видно! А на ёлку к ним не залезть».

«Так ты что, Фома неверный, слову моему не веришь? — распустила хвост Белка. — А ну, отвечай, какие мои бельчата?»

«Всякие, — отвечаю, — такие и этакие!»

Белка пуще прежнего сердится:

«Ты, косой, не юли! Ты всё по правде выкладывай, а то как начну уши драть!»

---

## ОРЛЁНОК И ВОРОБЬЁНОК

— Эй, Орлёнок, у тебя родители кто?

— У меня папа с мамой орлы!

— Вот счастливый! А у меня папа с мамой обыкновенные воробьи...

— Не завидуй мне, Воробьёнок. Твои воробьи с утра до вечера тебя кормят, а мои орлы меня — только утром да вечером.





«Умные они у тебя и разумные!»

«Сама знаю».

«Самые в лесу красивые-раскрасивые!»

«Всем известно».

«Послушные - рас послушные!»

«Ну, ну?!» — не унимается Белка.

«Самые-всякие, такие-разэтакие...»

«Такие-разэтакие?.. Ну, держись, косой!»

Да как кинется! Взмокрешь тут. Дух, Сорока, до сих пор не переведу. От голода чуть живой. И оскорблён и побит.

— Бедный, бедный ты, Заяц! — пожалела Сорока. — На каких уродиков тебе пришлось смотреть: зайчата, барсучата, бельчата — тьфу! Тебе бы сразу ко мне в гости прийти — вот бы на сорочаток-душечек моих налюбовался! Может, завернёшь по пути? Тут рядом совсем.

Вздрогнул Заяц от слов таких да как даст стрекача!

Звали потом его в гости ещё лоси, косули, выдры, лисицы, но Заяц к ним ни ногой!



## КОРОЛЁК И ПАУК

— Э-э, Паук, да у тебя праздник! Вся паутина в росе. Иллюминация и фейерверк! Вот небось радости-то!

— Меняю всё это сверкание на одну муху! Третий день из-за этой иллюминации комаришки во рту не было. Паутина отсырела. Сети рвутся. Сам окоченел. Ещё день так попраздную — и готово: закрою все восемь своих глаз, все восемь ног протяну!





# ХОМЯК РАБОТАЕТ ГОЛОВОЙ

Повезло хомяку — наткнулся на птичье гнездо. Лежат прямо на земле два большущих яйца — ну словно два бочонка с мёдом. Забирай и пируй!

Только вот лапками никак яйцо не обхватить — выскальзывает. И за щеку не затолкать — ещё рот разорвёшь. А бросить, оставить нельзя — жалко.

Возился хомяк, ёрзал, сопел, пыхтел — ничего не получается. Тогда упёрся лбом в яйцо — и покатило к себе в нору. Раз дело не по зубам, не по лапам — головой надо работать!







## КАПУСТНИЦА

Всем знакома эта большая белая бабочка. Огородники её даже издали узнают: летает как-то подскакивая, взблёскивая крыльшками, кидаясь из стороны в сторону. Как увидят, так быстрее стараются отогнать. Беда, если бабочка успеет отложить на капусту яички. Выведутся из яичек прожорливые гусеницы и оставят от кочанов одни кочерыжки. Очень вредят капусте капустницы.

## ЯЩЕРИЦА

Кто сказал, что ящерица противная? Как только у него язык повернулся? Наверное, он никогда ящерицу близко не видел.

Особенно красива ящерица весной. Весной она в праздничном зелёном наряде: горят щитки и чешуйки! Сказочная малахитовая красавица. И уж если лягушки бывают царевнами, то ящерицы и подавно!





Репница похожа на маленькую капустницу. Но вреда от неё капусте, редиске не меньше, чем от большой капустницы. Ещё даже и больше. Потому что яички она откладывает на листья не кучкой, а по одному: попробуй-ка отыщи их! Не уследишь, не найдёшь — и пропадут все труды. Не любят огородники всех белых бабочек: репниц, капустниц и брюквенниц. Одни от них неприятности. Стараются их разогнать. И правильно делают!

## РЕПНИЦА



## Ё Ж И К

Все ежа видели, все его знают. И все его любят, хоть он на вид и сердитый. При встрече съёжится в шар и недовольно пыхтит. Рассерженный моток колючей проволоки. Этаким нелюдимый лесной колобок: «Я от бабушки ушёл, я от дедушки ушёл, а от тебя-то и подавно уйду».

И уйдёт! Высунет сперва из колючего мотка мокрый рубчатый нос. Потом заблестит озорной чёрный глаз. Носом пошмыгает, глазом покрутит — да как припустит со всех четырёх! Только пяточки замелькают.





# СЕРДИТЫЕ ЧАЙНИКИ

Поляна была похожа на круглый стол, покрытый травотканной золотой скатертью. Чёрные чайники были расставлены посредине. Они пыхтели и булькали от нетерпения. Тут затевалось грандиозное чаепитие!

Как хорошо, что в это раннее утро я не нежился, подобно другим, в тёплой постели. В награду я увидел такое, что с тех пор всегда встаю на рассвете.

Чайники булькали и клокотали. Из чёрных носиков с шипением вырывался пар. Их так изнутри распирало, что они даже подскакивали! И дребезжали... крыльями!

До чего же и в самом деле косачи на току похожи на шипящие чайники! На шипящие, булькающие, закопчённые до блеска охотничьи чайники. Шейки-носки задраны вверх, и косицы хвоста изогнуты ручкой. Вспыхивают раскалённые угли красных бровей. И из носика вырывается пар! И так друг на друга накидываются, что только брызги-перья летят!

**сердитые  
ГОЛОСА**



Лягушка. Жалуюсь на рогаточников! Бродят они весной по берегам болот — носа из воды высунуть не дадут! А у нас, лягушек, весной самый концертный сезон. Нам песни петь надо, нам не высовываться нельзя. Объясните им это кто-нибудь. Сами-то мы объяснять не можем, сами-то мы только квакать умеем.

Муравей. Мы, муравьи, такие крохотные, что самая маленькая хвоинка для нас всё равно что для вас большое бревно. Из тысяч и тысяч брёвен-хвоинок сложены наши дома-муравейники. Для вас ничего не стоит пнуть муравейник ногой, а для нас —



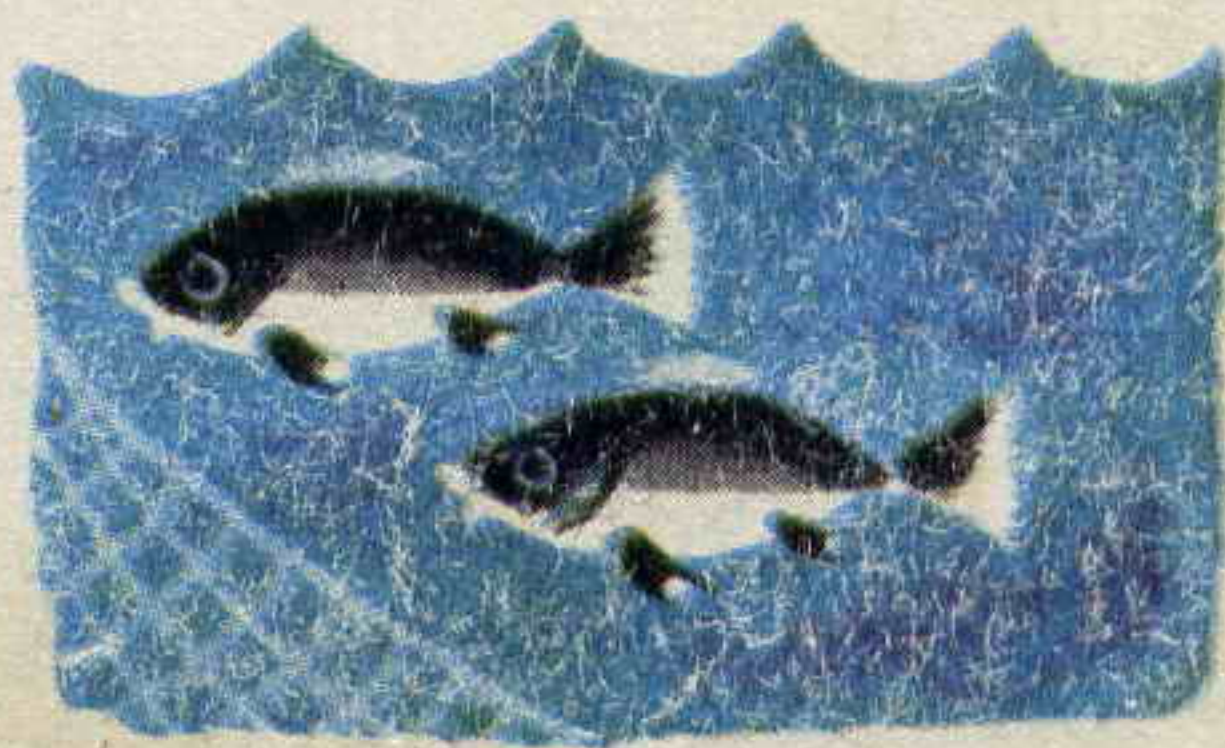


Вы, любящие поспать, когда станете утром разливать чай, присмотритесь к своим чёрным чайникам. Они напомнят вам турнир косачей, который вы так беспечно проспали.

---

начинай всё сначала! Для вас это забава, а для нас беда! Опять починка, опять ремонт! А тут тебе дождик, а тут тебе ветер. Уважайте хоть наш труд: ведь тысячи тысяч хвоинок — и каждая как бревно!

Рыба. Сейчас мы, речные рыбы, идём из больших холодных рек в тёплые мелкие речки. И вот кто-то на нашем пути строит заборы-заколы. Посредине воротца, а в воротцах — сеть. Мы идём, идём — да всё в сеть и в сеть! А оттуда нам одна дорога — на сковородку! Нельзя нас так ловить, ведь мы же икру идём метать. Переловите всех — что потом делать станете?









## И Ю Н Ь

**И**нтересные встречи в июне бывают и среди белого дня, и среди белой ночи. Приключения и события ждут путешественника на каждом шагу.

Но комариное войско надёжно охраняет лесные тайны. Теперь только самые упорные и любознательные путешественники проникают в лесные дебри. Там им открывается первая тайна: оказывается, не все комары кровопийцы! Кровь-то, оказывается, одни комарихи пьют. А комары, как нежные бабочки, питаются нектаром цветов.

Много забот у птиц — во всех гнёздах уже появились птенцы. Но хватает времечка и на песни: ведь сейчас самые длинные дни и самые короткие ночи.

Больше всех птенцов в гнезде у большой синицы — целая дюжина! И меньше всех у козодоя — всего два. Много ли птенцов или мало — всё равно надо их защищать. Отовсюду слышны тревожные птичьи голоса. Если их крики переводить на человеческий язык, то только и слышно: «Караул! Помогите!» Или: «Осторожно! Спасайтесь!»

Птицы, которые гнездятся компаниями, при виде хищника громко зовут на помощь соседей. Ласточки, воробьи, дрозды-рябинники общими силами прогоняют врага.

Понаблюдайте за ними, послушайте их — и вы научитесь понимать птичий язык.

Птичий трудодень длится шестнадцать—девятнадцать часов. С рассвета дотемна надо кормить птенцов: самым и червячка заморить некогда. Больше ста раз в день приносит корм птенцам лесной конёк. А мухоловка-пеструшка — больше четырёхсот. Зато и птенцы растут не по дням, а по часам. Иные перед вылетом становятся тяжелее своих родителей!

Но птенцы не дармоеды. Чем больше они едят, тем больше от них пользы. Птенцы очищают от вредных



насекомых наши леса, сады и поля. Даже хищные птицы работают на нас. Одна сова за лето съедает тысячу полёвок и тем самым сохраняет зерно. А как птицы украшают и оживляют леса и поля!

В июне зайчата, лисята, медвежата, барсучата, лосята и бельчата набираются ума и сил. Можно и их повстречать, если путешествовать настойчиво и умело.

На лугах колосятся хлеба. Зреют в огородах овощи. Луга готовятся к покосу. Цветут цветы, порхают бабочки, копошатся жуки. Всюду кипит жизнь.

Всё у тебя есть: уши, чтоб всё слышать, глаза, чтобы всё увидеть, ноги, чтобы всюду пройти. И голова, чтобы всё понять. Была бы охота!

---

## ПЫЛЬНЫЕ ЗАЙЦЫ

Иду я по тропинке, а навстречу заяц бежит. Увидел меня — как подскочит! И пыль над ним клубом, словно он гриб пыхтун раздавил. Поскакал по тропе — из-под лап пыль фонтанчиками, а со спины — волной. Весь в пыли от лап до ушей — ну и неряха!

Каждое утро встречаю таких пыльных зайцев. Где только они так вывозиться успевают? Хоть на сучок вешай и палкой пыль выколачивай!

Оказалось, зайцы порхаются в пыли! Прямо как курицы. Вижу раз: валяется на дороге в пыли заяц и дрыгает своими длинными ногами. То на спине ёрзает, то на боку. Вот накатался, наёрзался, надрыгался — как встряхнётся! Пыль так и за клубилась!

По утрам зайцы выходят из сырых зарослей на сухие тропинки. Ложатся своими мокрыми животами в тёплую пыль. И конечно, начинают у них животы





чесаться! Вот зайцы и дрыгаются в пыли. И до того выкатываются, до того пропылятся, что даже лисы, глядя на них, наверное, кашляют и плюются!

---

— Ответь мне, Цветок, ты кто — он или она?

— А я, брат Шмель, и сам не пойму!

— Как это — не знаешь! Вот, например, ландыш — он.

— То ландыш...

— А вот, например, ромашка — она.

— Так то ромашка...

— А ты кто такой?

— Я-то? Да я, Шмель, иван-да-марья!

## ШМЕЛЬ И ЦВЕТОК







## СОРОКА И ЛОСЬ

— Дяденька, что случилось: целый день из озера не вылезаете? Уж не волки ли тебя стерегут?

— Э-э, Сорока, что мне волки! Покусачее звери на берегу поджидают, покровожадней.

— Кто же они, злодеи, кто же они, кровопийцы?

— Да комары-ы!



## ОТ ЧЕГО У ЛИСЫ ДЛИННЫЙ ХВОСТ?

От любопытства! Не от того же, в самом деле, что она следы свои будто бы хвостом замечает. Длинным лисий хвост становится от любопытства.

Начинается всё с той поры, как прорежутся у лисят глаза. Хвосты у них в эту пору совсем ещё маленькие и короткие. Но вот глаза прорезались — и хвосты сра-



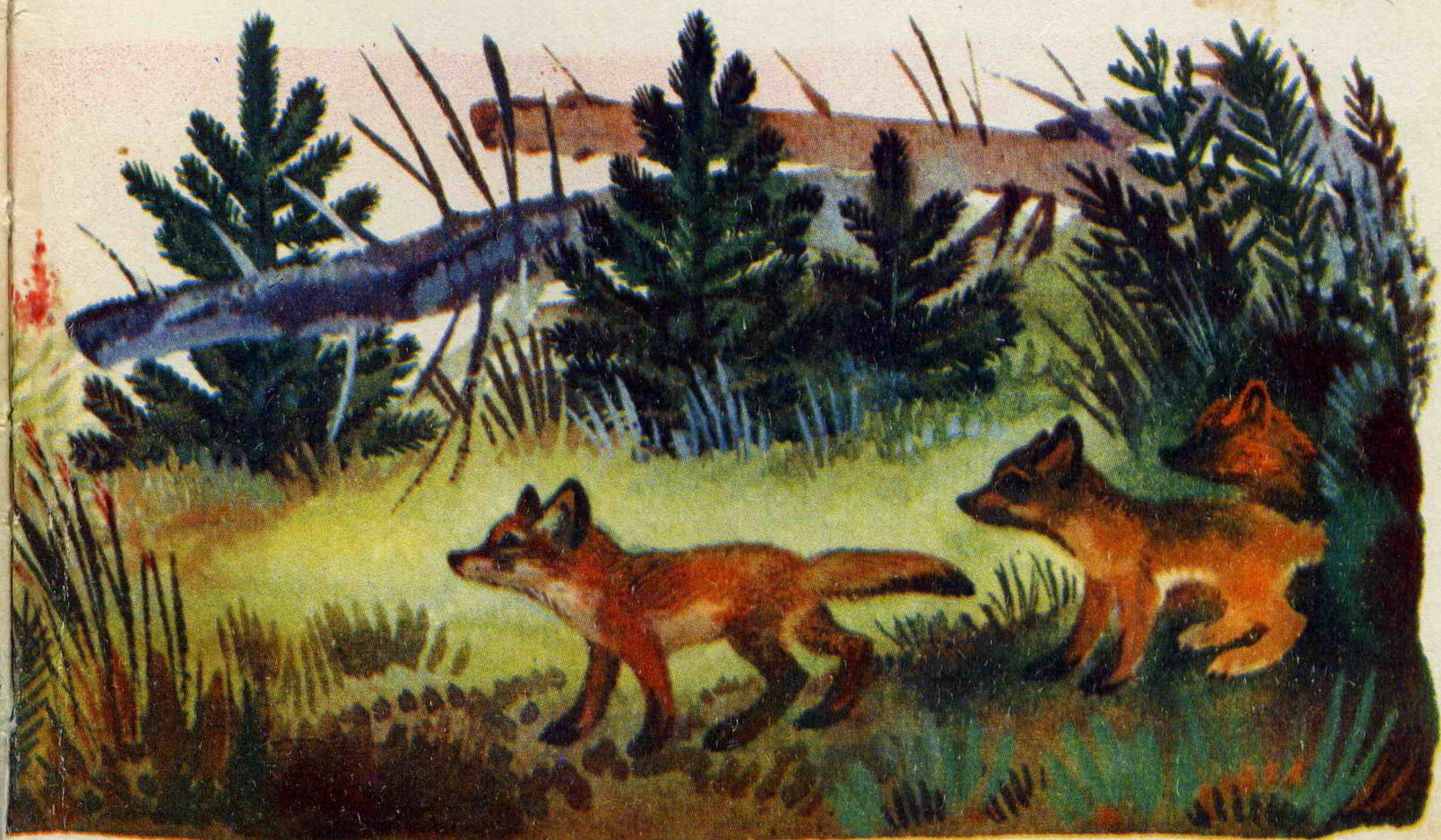


зу же начинают вытягиваться! Становятся всё длинней и длинней. И как же им не длиннеть, если лисята изо всех силёнок тянутся к светлому пятнышку — к выходу из норы. Ещё бы: шевелится там что-то невиданное, шумит что-то неслыханное и пахнет нечуянным!

Только вот страшно. Страшно вдруг оторваться от обжитой норы. И потому высовываются лисята из неё только на длину своего короткого хвостика. Словно придерживаются кончиком хвоста за родимый порог. Чуть что — чур-чура! — я дома!

А белый свет манит. Цветы кивают: понюхайте нас! Камни блестят: потрогайте нас! Жуки скрипят: поймите нас!

Лисята тянутся, тянутся всё дальше и дальше. Хвостышки их вытягиваются, растягиваются. И становятся всё длинней и длинней. От любопытства, конечно. От чего же ещё?





## МУРАВЕЙ И СОРОКОНОЖКА

— Вот напугал, Муравей! Да ты что, с неба свалился, что ли?

— «С неба, с неба!»... С рябиновой ветки я свалился!

— А что ты там делал?

— «Делал, делал»!... Коров пас!

— А ещё что?

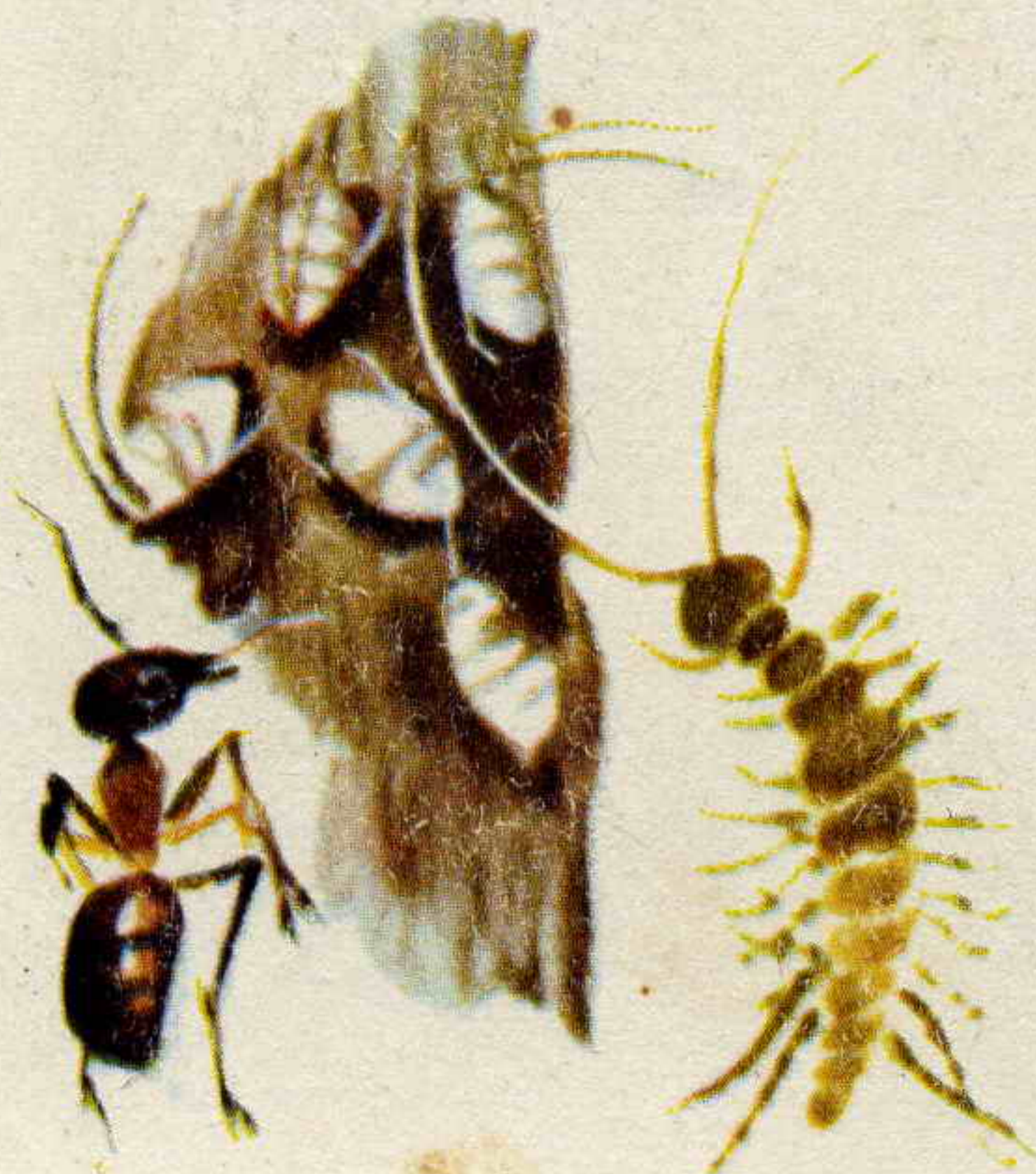
— «Что, что»!... Доил коров!

— А ещё что?

— Молочко сладкое пил.

— А ещё что?

— Вот пристала! Ну, задремал немножко да и скатился с листа! Тебе что, у тебя сорок ног, а у меня всего шесть: на двух стою, двумя тлю-коровку держу, двумя молочко тлиное собираю!



## БАБОЧКИНА ДОРОЖКА

Кусты и трава набухли водой, а тропинку солнце уже высушило. Идёшь—только камешки под ногами позвякивают. Из сырых тёмных зарослей на сухую дорожку—к теплу и свету—прилетели пёстрые бабочки. Белые, жёлтые, голубые. Бурые, красные, рыжие. В горошек, в крапинку и в полоску. Большие, как листья клёна, и крохотные, как незабудки.

Разноцветные камешки, разноцветные бабочки.

Я иду, а они взлетают, порхают над головой и сейчас же опускаются позади. Живая пёстрая лента взмывает волной и, перемахнув через голову, обрушивается позади на тропу. И даже брызги летят—это пугливые голубянки взлетают вверх.

Обратно я иду уже в полдень. Травяные джунгли просохли, везде раскрылись цветы. И бабочки улетели с раскалённой тропинки.







# ПЕРЛАМУТРОВКА



Рыжим пламечком мелькает она в сумраке леса, как только крылья о ветки не обобьёт! Садится на листья открыто и смело: быстра она и неуловима. А на ночь одевает «ночной халатик» — плотно сжимает крылья. Расшит «халатик» шёлком, жемчугом и перламутром. В таком можно спокойно спать, никто тебя не увидит. Лежит просто чешуйка коры, вся в жемчужных росинках и перламутровых паутинках. Кому такая нужна?

## ПАВЛИНИЙ ГЛАЗ



За круглые пятнышки на крыльях, схожие с «глазками» павлиньих перьев, назвали его павлиний глаз. Но «глазастым» и ярким он бывает только тогда, когда ему ничто не грозит. Чуть мелькнёт тревожная тень — и павлиний глаз быстро захлопнет крылья, словно зажмурится. И сразу превратится в сухой незаметный листок. Минует беда, бабочка снова раскроет крылья. И снова засияют

на солнце четыре удивлённых и чуть испуганных «глаза».

Всех радует эта красивая бабочка. А вредит она одной лишь крапиве.





## ГОЛУБЯНКА

Голубянка маленькая, но красивая и живая. И очень полезная. Она опыляет цветы. Так же старательно и прилежно, как делают это шмели и пчёлы.

В тёплые тихие дни любят голубянки слетаться весёлыми стайками к мутным лужицам на дорогах. Тут они ползают, взлетают, садятся, гоняются друг за другом. И с удовольствием пьют из лужицы воду.

## ПЕСТРЯНКА

Бабочка пёстрая, блестящая, нарядная. Только очень уж медлительная и ленивая! Бывает, часами сидит на одном цветке. И не одна, а с подругами. Не спеша ощупывают цветок хоботками и лапками. А крылышки искрятся и переливаются. Не знаешь, на что и смотреть: на пёстрый цветок или на разноцветных пестрянок? Так всем в глаза и бросаются. Но ни птицы, ни ящерицы их не трогают: очень уж они горькие и невкусные. Потому-то они такие ленивые и доверчивые.





# ТОПИК И КАТЯ



Дикого сорочонка назвали Катей, а крольчонка домашнего — Топиком. Посадили домашнего Топика и дикую Катю вместе.

Катя сразу же клюнула Топика в глаз, а он стукнул её лапой. Но скоро они подружились и зажили душа в душу: душа птичья и душа звериная. Стали две сироты друг у друга учиться.

Топик стрижёт травинки, и Катя, на него глядя, начинает травинки щипать. Ногами упирается, головой трясёт — тянет изо всех своих птенцовых сил. То-



пик нору роет — Катя рядом кружится, тычет носом в землю, помогает рыть.

Зато когда Катя забирается на грядку с густым мокрым салатом и начинает в нём купаться-трепыхаться и подскакивать — к ней на обучение ковыляет Топик. Но ученик он ленивый: сырость ему не нравится, купаться он не любит, и поэтому он просто начинает салат грызть.

Катя же научила Топика воровать с грядки землянику. Глядя на неё, и он стал объедать спелые ягоды. Но тут мы брали веник и прогоняли обоих.

Очень любили Катя и Топик играть в догонялки. Для начала Катя взбиралась Топику на спину и







начинала долбить в макушку и щипать за уши. Когда терпение у Топика лопалось, он вскакивал и пытался удрать. Со всех своих двух ног, с отчаянным криком, помогая куцыми крыльями, пускалась вдогонку Катя. Начиналась беготня и возня.

Однажды, гоняясь за Топиком, Катя вдруг взлетела. Так Топик научил Катю летать. А сам потом научился от неё таким прыжкам, что никакие собаки стали ему не страшны.

Так вот и жили Катя и Топ. Днём играли, ночью спали на огороде. Топик — в укропе, а Катя — на грядке с луком. И так пропахли укропом и луком, что даже у собак рядом с ними капали слёзы.



## НОЧНАЯ КУКУШКА

Ночная кукушка дневную перекукует. Днём все ей мешают, а ночью она одна. Ночь весенняя, тёплая. Глухо вода бормочет, глухо урчат лягушки. Свет мутной луны с трудом делит темноту на небо и землю. И над приглушённо бормочущей тишиной разносится печальное и далёкое кукование, словно бьют невидимым молоточком по сияющим шляпкам звёзд.

Любо петь в ночной тишине. Все тебя слушают и догадываются: скоро и их черёд.

Ночная кукушка как запевала. Всех будит до

---



## КОЛЮШКА И УКЛЕЙКА

— Ну и влипли мы с тобой в историю, Уклейка!

— Ох, и не говори! Прямо рыболову в ведёрко угодили. У меня от испуга даже спинка побледнела!

— А у меня от злости живот покраснел!



солнца. Проснутся и залетают над болотцем, скрипя крыльями, хохлатые чибисы. Уныло засвистят на седых кочках длинноносые кулики-кроншнепы: «Ку-ли-ик! Ку-ли-ик!»

Закудахтают в тёмной чапыге дрозды-рябинники. Журавли протрубят в гулкие трубы. Зяблик пропоёт бойко, с трескучим росчерком, словно горлышко прополощет. А там, глядишь, и солнце взойдёт.

Но это потом. А пока тишина и кукует ночная кукушка. Бьёт и бьёт невидимый молоточек по звонким звёздам: «Ку-ку, ку-ку!»

Если хочешь долго жить—поторопись в лес годы считать. Вот уж накукует их тебе ночная кукушка! На две жизни хватит. Ещё и останется!

## НА ЗАРЯДКУ,

Утро начинается с зарядки. Я включаю радио и выхожу во двор. Катя-сорочонок скачет за мной вдогонку. В окно несётся: «Поставьте ноги на ширину плеч. Первое упражнение — ПОТЯГИВАНИЕ. Начали: раз-два, раз-два! Очень хорошо!»

Ещё бы не хорошо: солнце и ветер!

«Новое упражнение — ПРИСЕДАНИЕ. Присесть. Встать. Присесть. Встать!»

Катя приседает, но вставать ей не хочется. Она насмешливо смотрит на меня, удивляясь моему послушанию.

А в окно: «Последнее упражнение — ДЫХАТЕЛЬ-





# СТАНОВИСЬ!

НОЕ. Начали. Дышите глубже, глубже! Так, хорошо! Руки в стороны! Очень хорошо!»

Катя дышит старательно. И вот долгожданное: «Зарядка окончена, переходим к водным процедурам!» Катя не переходит, а перелетает к тазу с водой. Окунуться, плескаться, купаться она очень любит.

После купанья мы снова вместе. Мы сохнем и загораем. Я спрашиваю Катю о том и о сём. Она что-то бормочет, лопочет, стрекочет. Катя торопится: впереди день, полный событий и приключений. Вот Катя не выдержала и понеслась. Сейчас не выдержу и я.





## СОРОКА-ВОРОВКА

Сорока-воровка деток кормила. Яичко украла — этому дала. Птенчика утащила — этому дала. А этому не дала: больше украсть не вышло.

Этот терпел-терпел, да как заорёт! Тут и попался мне в руки.

Я рад: сорочонка поймал!

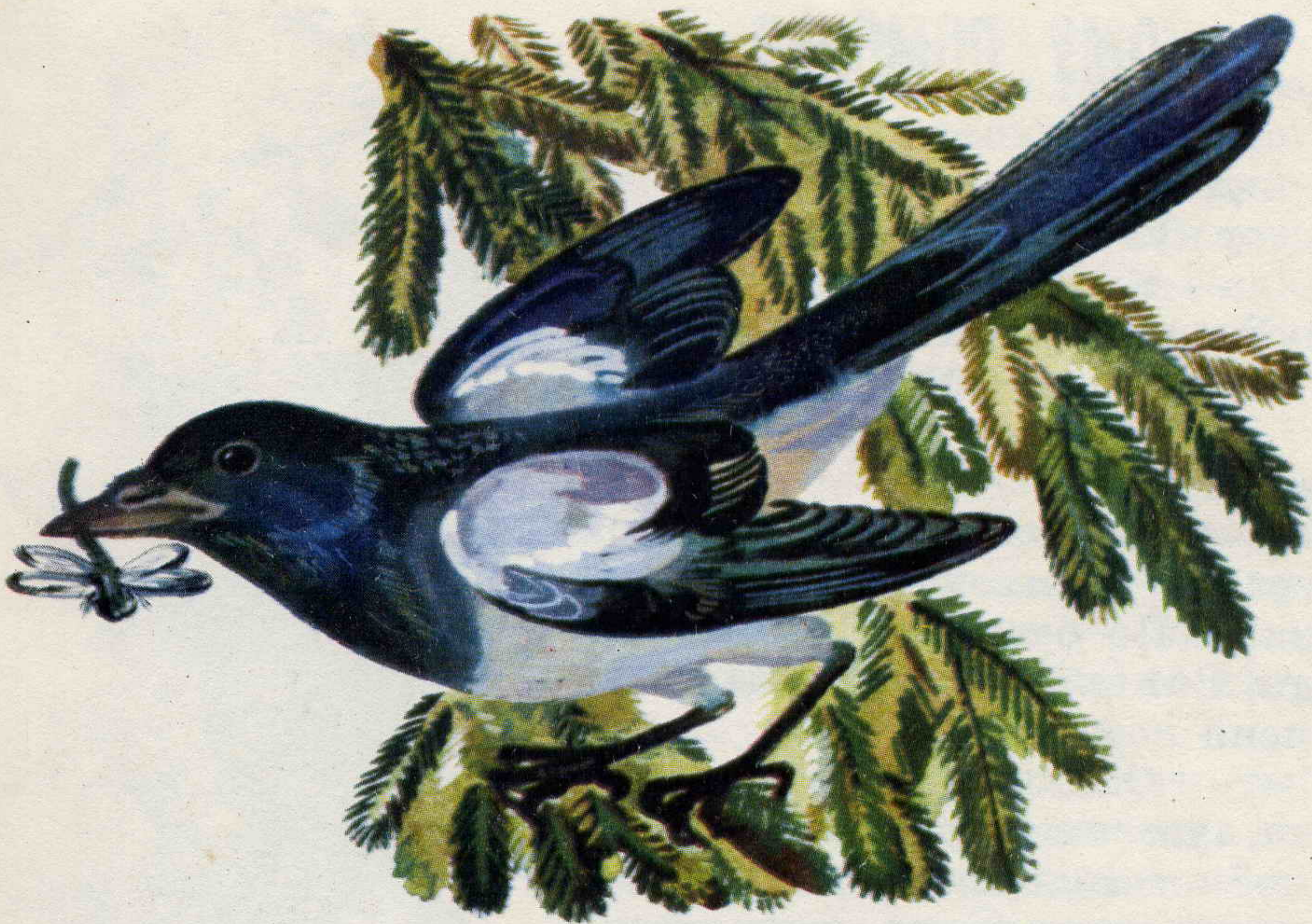
Принёс домой, посадил в корзину. А он в корзине сидеть не хочет. Хочет, как все, на стуле. Сидит и орёт. Так рот разевает, что страшно: как рот пополам не разорвётся!

Заметался я с места на место.

В одном месте слепня поймал, в другом жука на-







шёл. Сунул сорочонку в рот, а ему мало. Крыльями трясёт, рот не закрывает, а уж орёт так орёт!

Я все места обегал — ничего не нашёл. А сорочонок со стула слез, стал за мной гоняться.

Я в буфет — крошки собрал, в кладовую — творогу взял, в огород — клубничку сорвал.

А ему всё мало. Клеваться начал.

Что делать? Я к соседям во двор. Из тазика рыбку утащил, с кустов смородины нащипал, на сливу за сливами полез. Тут-то меня и поймали: что тут за сорока-воровка?

Первый раз в жизни подумал я о сороке хорошо. Чем она виновата? Этому дай, этому дай, а взять-то где?

Меня вон один сорочонок и тот чуть до воровства не довёл. А у неё их пять!



# КОМУ ПОМОЧЬ?

День и ночь кукушка в лесу кукует:

— Ку-ку! Ку-ку! Кому помочь? Кому помочь?

Только и слышно:

— Мне, кукушечка, помоги, мне!

— Не все сразу! Не все сразу! — отвечает кукушка. — По очереди! По очереди! Вот тебе, дрозд, какая от меня помощь нужна?

— Ой, нужна, кукушечка, уж так нужна! Первое моё гнёздышко разорили, второе тороплюсь кончить: стебельки-травинки нужны, глина нужна. Помогла бы?

— Ты, дрозд, в своём



## СОЙКА И ФИЛИН

— Эй, Филин! Да ты глухой, что ли?

— Я не глухой, я сердитый!

— На кого же ты сердишься?

— На весь белый свет! То ли дело зимой: ночь чёрная, непроглядная, никто тебя не увидит. А сейчас, в белую ночь, я у всех как бельмо на глазу. Всякая птичья мелюзга на тебя голос повышает. Ух, как я зол. Белый свет мне не мил!







уме? — удивилась кукушка. — Я и своего-то гнезда не вью, охота ли мне с твоим возиться? Да и работа грязная: глину меси, глину носи, стебельки пыльные собирай. Уж ты как-нибудь сам справляйся. Ку-ку! Ку-ку! Кому помочь? Кому помочь?

— Мне, кукушечка, мне помоги, иволге. День и ночь на яичках в гнезде сижу, ножки, крылышки затекли — ни попить, ни поесть. Подмени хоть на минутку!

— Что ты, иволга что ты! Я и своих-то яичек никогда не высиживаю — охота ли мне на чужих маяться. Подкинь ты их в чужое гнездо, да и порхай без забот! Ку-ку! Ку-ку! Кому помочь? Кому помочь?

## СОЙКА И ДЯТЕЛ

— Чжээ — чжээ! Кгха!

— Что с тобой, Сойка, жёлудем, что ли, подавилась? Чего хрипишь на весь лес?

— Обманули меня, Дятел, люди. Вот и верь им после этого! Яйца, говорят, полезно сырые пить, то да сё... Я целое лето птичьи гнёзда грабила, всё лето сырые яйца пила, а что толку? Как был голос противный, хрипучий, так и остался. Гха! Чжээ!





— Мне, кукушечка, помоги, — запищала синица. — Дюжина синичат в дупле ждёт. Да у каждого аппетит за двоих. Шестьсот раз в день их кормлю.

— Только этого мне ещё не хватало! — рассердилась кукушка. — Я и своих-то кукушат никогда не кормила.

Услыхал кукушку лесной конёк, подлетел и спрашивает:

— А мне, кукушка, помочь сможешь?

— Помогу, коли захочу! — отвечает кукушка. — Что у тебя за работа? Тоже небось меси да носи, лови да корми?

— Я, кукушка, песню пою. Песни мне петь помоги, — говорит конёк. — От зари до зари пою. Аж в ушах звон!

— Вот это просьба так просьба! — обрадовалась кукушка. — Вот это по мне! А то заладили: принеси, посиди, покорми—слушать противно! Сами носите-кормите! А я лесному коньку песни буду помогать петь. От зари до зари. День и ночь. Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!

## сердитые ГОЛОСА



Страшнее кошки зверя нет. Особенно для нас, птиц, живущих у человеческого жилья. Это же злодеи и душегубы. Жалуемся на кошек. Нет больше терпения. Хватают без разбору и старого и малого. Схватят и си-



дят себе на солнышке, жмурятся. Лапкой умываются. Смотреть противно!

И что только хозяева этих кошек думают? Мы им песни поём, комаров, мух ловим, гусениц в их



садах и огородах поедает, а они для нас пальцем пошевелить не хотят. Кошки разбойничают днём и ночью, а им и горя мало.

ПОСЕЛКОВЫЕ И ДЕРЕВЕНСКИЕ ЛАСТОЧКИ, ВОРОБЬИ,  
ГОРИХВОСТКИ, МУХОЛОВКИ, СКВОРЦЫ.

Ребята любят ходить в лес с собаками. То в пограничников играют, то в индейцев. Они играют, веселятся, а мы слёзы льём. Потому что нос у собак чуткий — не спрячешься, ноги быстрые — не убежишь. Хорошо ежу: съёжится в колючий клубок и пытит. А остальным что прикажете делать? Ноги у нас ещё слабые, крылья ещё короткие. Один голос громкий. Вот мы и просим: не берите собак с собой в лес! Пожалейте вы наши головы!

ЛЕСНЫЕ ПТИЧАТА И ЗВЕРЯТА.

Оскорбляют словом и действием! Кого обзывают мерзкими тварями? Нас, жаб. Уж мы такие, уж мы сякие! Мы и противные, и скользкие, и ядовитые. Почему у ребят на руках бородавки? Тоже, оказывается, от нас. А раз так — бей жаб!

А ведь мы пользу приносим. Поедаем в ваших огородах слизней, гусениц, личинок. И бородавки совсем не от нас. И не такие уж мы уроды: у нас красивые золотистые глаза...

Не нравится вид наш, так хоть наши дела уважайте!

СЕРЫЕ ЖАБЫ.









# И Ю Л Ь

**В**месяц июль мы входим незаметно. Сразу и не понять: что же изменилось вокруг? То же жаркое солнце, та же густая зелень. Те же птичьи голоса и цветы.

То, да не то!

Солнце тут злее — с раскалённым белым ободком. Новые кругом появились цветы. По-иному, ленивее, зазвучали вокруг голоса птиц. И на иной лад лопочут на ветру зелёные листья.

Не многим, не броско, но всё же отличилась страна «Июль» от страны «Июнь». Так ведь и по названию они похожи, только-то и всего, что в слове вместо «н» — «л».

Жара. Млявые вороны на заборе в изнеможении свесили крылья и разинули клювы. Ласточки и стрижи кружатся над водой: пьют и купаются на лету.

Жаркие жёлтые волны катятся по созревшим полям, и горячая пыль на дорогах завивается вихревыми столбами.

Лениво плывут кучевые облака — огромные и таинственные, как далёкие снежные горы. Лениво колышутся ветви и лениво прыгают солнечные зайчики. Лениво, не шевеля крыльями, кружат в небе хищные сарычи и луни. Даже комарам лень днём кусаться — ждут вечера.

Птицы поют реже и неохотнее — начинают менять перо, линять. Ручьи перестают бурлить — давно схлынули вешние воды. Умолкли отчаянные лягушачьи концерты.

Но тишины нет! Лягушек сменили кузнечики: трещат, не умолкая, в лесах и полях. Да и какая там тишина, если то и дело грохочут грозы, дождь звенит по проводам, хлещет по листьям. Путешественнику по «Июлю» долго спать не положено. Проспишь — и останешься ни с чем. Не увидишь утренних июльских цветов, которые не сводят с солнца разноцветных глаз. Не услышишь, как гудят от



пчёл огромные липы. Не понюхаешь, чем пахнут по утрам лесные поляны и вырубки. А пахнут они так, будто варят на них земляничное варенье!

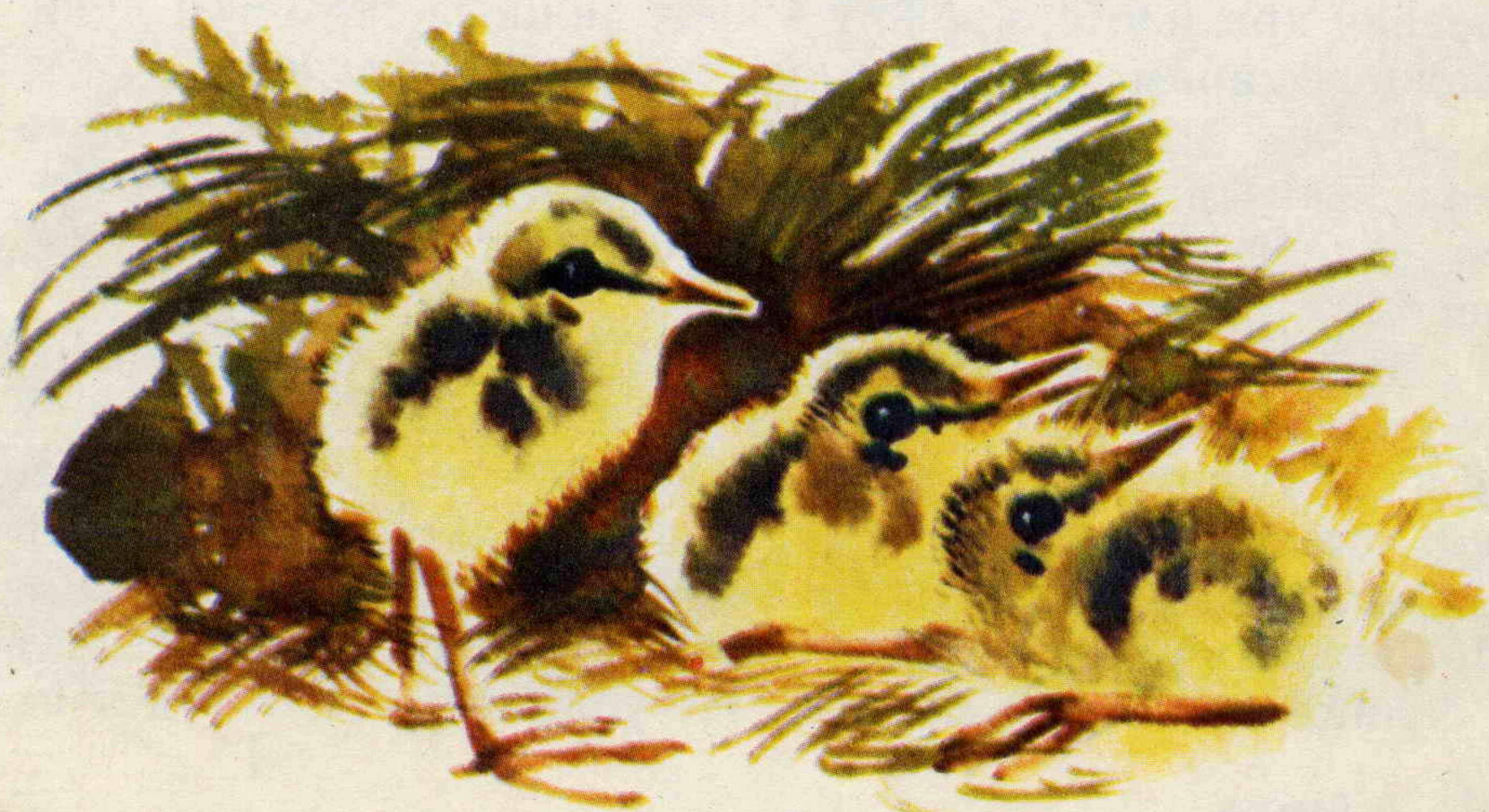
Шагает путешественник по лесам и полям по колени в траве, как в зелёной воде.

Дали дрожат и плывут. Струится горизонт. Струятся леса, дороги, курганы. Плывут далёкие дома и целые посёлки. Плывут, как сказочные корабли.

## ПЕРВЫЙ ПОЛЁТ

Вылупились из яйца — ни в мать, ни в отца! Как одуванчики пушистые, клювики с гулькин нос, а ушки не на макушке, а под глазами! Пальцы на лапках длинные-предлинные: всё время сами себе на ноги наступают и падают. Глядит вальдшнепиха на вальдшнепят — только крылышками разводит.

И вдруг грохот, топот, треск! Ломится по лесу самый безобидный зверь — человек. Под носом не чувствует,







у глаза не видит, над ухом не слышит. Того и гляди, сослепу-то и затопчет!

Стиснула вальдшнепиха лапками ближнего вальдшнепёнка, прижала к груди, взметнулась с ним в воздух и по воздуху унесла. За вторым вернулась, а никого уже нет. Кто в траву шмыгнул — как в воду канул, кто в листья сухие — как сквозь землю провалился. Хоть носами вальдшнепята и не вышли в родителей, зато цветом точь-в-точь: цвета листьев сухих, сухих коринков, травинок, хвоинок. Самый глазастый ястреб не разглядит. Да что ястреб, родная мать не найдёт, пока пересвистываться не начнут!

Пересвистнулись, сбежались, к матери под крылья спрятались и выглядывают. Вверху листья, как сороки, лопочут. В траве солнечные зайчики ушами прыгают. Комар зундит — укусить хочет. Жабёнок лупоглазый под крылья к птице тычется — тоже погреться хочет.

Чутко дремлет вальдшнепиха, а вальдшнепята беззаботно попискивают. А кого им бояться? Ястреб глазастый не разглядит. Лису чутыстую мать заманит и отведёт. А если опять человек в сапожищах — мать кинется, схватит, к грудке прижмёт и унесёт по воздуху.







## НЕПОСЛУШНЫЕ МАЛЫШИ

Сидел Медведь на поляне, пень крошил. Прискакал Заяц и говорит:

— Беспорядки, Медведь, в лесу. Малые старых не слушают. Вовсе от лап отбились!

— Как так?! — рявкнул Медведь.

— Да уж так! — отвечает Заяц. — Бунтуют, огрызаются. Всё по-своему норовят. Во все стороны разбегаются.

— А может, они того... выросли?

— Куда там: голопузые, короткохвостые, желторотые!

— А может, пусть их бегут?

— Мама лесные обижаются. У Зайчихи семеро было — ни одного не осталось. Кричит: «Вы куда, лопоухие, потопали — вот вас лиса услышит!» А они в ответ: «А мы сами с ушами!»

— Н-да, — проворчал Медведь. — Ну что ж, Заяц, пойдём, поглядим что к чему.

Пошли Медведь и Заяц по лесам, полям и болотам. Только зашли в лес густой — слышат:

— Я от бабушки ушёл, я от дедушки ушёл, я от мамы ушёл, я от папы ушёл!

— Это что ещё за колобок объявился? — рявкнул Медведь.

— И совсем я не колобок! Я солидный взрослый Бельчонок.

— А почему тогда у тебя хвост куций? Отвечай, сколько тебе годов?





— Не сердись, дяденька Медведь. Годов мне ещё ни одного. И с полгода не наберётся. Да только вы, Медведи, живёте шестьдесят лет, а мы, Белки, от силы десять. И выходит, что мне, полугодке, на ваш, медвежий, счёт — ровно три года! Вспомни-ка, Медведь, себя в три годочка. Небось тоже от медведицы стрекача задал?

— Что правда, то правда! — проворчал Медведь. — Год ещё, помню, в пестунах-няньках ходил, а потом сбежа-а-ал. Да на радостях, помню, улей разворотил. Ох и покатались же на мне пчёлы тогда — посейчас бока чешутся!

Пошагали Медведь с Зайцем дальше. Вышли на опушку и слышат:

— Я, конечно, всех умней. Домик рою меж корней!

— Это ещё что за поросёнок в лесу? — взревел Медведь. — Подать мне сюда этого киногероя!

— Я, уважаемый Медведь, не поросёнок, я почти взрослый самостоятельный Бурундук. Не грубите — я укусить могу!

— Отвечай, Бурундук, почему от матери убежал?

---

## ЛИСИЦА И ЁЖ



— Всем ты, Ёж, хорош и пригож, да вот колючки тебе не к лицу!

— А что, Лиса, я с колючками некрасивый, что ли?

— Да не то чтоб некрасивый. . .

— Может, я с колючками неуклюжий?

— Да не то чтоб неуклюжий!

— Ну так какой же я такой с колючками-то?!

— Да какой-то ты с ними, брат, несъедобный. . .







— А потому и убежал, что пора! Осень на носу, о норе, о запасах на зиму пора думать. Вот выройте вы с Зайцем для меня нору, набейте кладовую орехами, тогда я с мамой до самого снега в обнимку готов сидеть. Тебе, Медведь, зимой забот нету: спишь да лапу сосёшь!

— Хоть я лапу и не сосу, а правда! Забот у меня зимой мало,— пробурчал Медведь.— Идём, Заяц, дальше.

Пришли Медведь и Заяц на болото, слышат:

— Хоть мал, да удал, переплыл канал. Поселился у тёти в болоте.

---

## ГРАЧОНОК И ЖУК

— Ну, Жук, прощайся с белым светом — сейчас я тебя съем! Скажи на прощанье, как хоть зовут-то тебя, бедолагу?

— Зовут меня, Грачонок, жук-могильщик!

— Фу, гадость какая! От одного названия подавиться можно. А ну проваливай с глаз долой, не омрачай своей фамилией ясный день и моё весёлое настроение!





— Слышишь, как похваляется? — зашептал Заяц. — Из дома удрал, да ещё и песни поёт!

Рыкнул Медведь:

— Ты почему из дома удрал, ты почему с матерью не живёшь?

— Не рычи, Медведь, сперва узнай что к чему! Первенец я у мамы: нельзя мне с ней вместе жить.

— Как так нельзя? — не унимается Медведь. — Первенцы у матерей завсегда первые любимчики, над ними они больше всего трясутся!

— Трясутся, да не все! — отвечает Крысёнок. — Мама моя, старая Водяная Крыса, за лето три раза крысят приносила. Две дюжины нас уже. Если всем вместе жить — то ни места, ни еды не хватит. Хочешь не хочешь, а расселяйся. Вот как, Медведушко!

Почесал Медведь щёку, посмотрел на Зайца сердито:







— Оторвал ты меня, Заяц, без толку от серьёзного дела! Всполошил по-пустому. Всё в лесу идёт как тому и положено: старые старятся, молодые растут. Осень, косой, не за горами, самое время возмужания и расселения. И быть по сему!



## ЛЕНТОЧНИК

Бабочка большая, красивая, нарядная. Порхать бы такой над весёлым зелёным лугом, перелетать с цветка на цветок, а ей любо летать над грязной лесной дорогой, сидеть у мутной дорожной лужи, даже на дохлой лягушке! Торопится ленточник к пням с каплями прокисшего сока, садится на гнилые опавшие яблоки. Станные вкусы у тополёвого ленточника: подавай ему всякую гниль и прель. Чем хуже пахнет — тем милее ему.



## КРОТ



Вспучилась вдруг земля и высунулся из неё крот. Нос — бурав, лапы — лопаты, зубы — ножи: подземный землекоп и охотник.

Не любит крот ясного солнца и свежего ветра: всю жизнь в тёмном и сыром подzemелье. Землю копает, туннели строит, червяков ловит. Даже за сухой

травой для гнезда наверх не вылезает, а втягивает её за корни прямо из-под земли.

И всё-таки хочется ему, наверное, изредка на наш белый свет хоть глазком взглянуть. Высунется и рот разинет от удивления!



## МЕДВЕДИЦА

Эта бабочка не любит порхать. Любит она подолгу лениво и неподвижно сидеть на листьях. Ей даже спрятаться лень: сидит на самом виду. Словно знает, что никто её не тронет и не обидит. И в самом деле, все от неё воротят носы: не по вкусу она обитателям леса. Не будем и мы её обижать. Вреда от неё никакого, а видеть её одно удовольствие.



## МЕТАЛЛОВИДКА

Бабочка скрытная, незаметная. Летает она только ночью. С головы до ног усыпана пухлой пыльцой и только на бархатных крыльях два маленьких «зеркальца». Блестящих и ярких, как из начищенной меди. Из-за них-то, наверное, её и называли металловидкой.

Для чего эти «зеркальца» — никому неизвестно. Может, в ночной темноте они светятся от луны и помогают бабочкам находить друг друга? Кто знает: много ещё тайн в ночном лесу...









## С О В Ё Н О К

На густой ёлочке, чуть повыше лопухов, похожих на зелёные заячьи уши, уютно уселся совёнок. Словно клок шерсти овечьей. Только с глазами, большущими, оранжевыми. Сидит и хлопает ими.

Сразу видно, что балда балдой, хоть и пыжится выглядеть взрослым.

Сидит и, наверное, думает:

«Когти на лапах выросли — по сучкам лазить смогу. Крылья уже оперились — с дерева на дерево перелечу. Клювом щёлкать умею — всех напугаю! Голыми руками меня не возьмёшь!»

Мы смотрим на него и тоже думаем. Думаем, как его голыми руками взять. И додумались. Ведь он тут один целыми днями сидит. И скучно ему одному. И если учесть, что глазами хлопает как балда, то...

Я присел на корточки и соорудил совёнку рожу. Подмигнул, язык показал. Головой покачал: какой, мол, большой совёнок сидит. Приподнял шапку — моё вам почтение, мудрейший из мудрых!

Совёнок обрадовался развлечению. Рад-радёшенек. Глазки мне начал строить. Переминается с лапы на лапу, вроде бы пританцовывает. Приседает и кланяется.

Так мы с ним развлекаемся, а товарищ мой заходит сзади. Зашёл, руку вытянул и хватить его за загривок!

Стоим и смеёмся: не зазнавайся!

Совёнок сердится, выворачивается. Щёлкает клювом, пялит глазищи, когтями в рукав впился. Обидно, конечно. Думал: «Вот я какой, большущий да ушлый!» — а его голыми руками за шиворот!

И крылышками взмахнуть не успел.

— Не зазнавайся! — напомнили мы. И отпустили совёнка.



# КРАПИВНОЕ СЧАСТЬЕ

Выросла на краю лесной поляны крапива. Поднялась над травами и смутилась. Цветы вокруг красивые и душистые, ягоды вкусные. Одна она бесталанная: ни вкуса приятного, ни яркого цвета, ни сладкого запаха!

И вдруг слышит крапива:

— Не велико счастье красивым-то быть! Кто ни увидит — сорвёт.

Это белые ромашки прошептали.

— Думаете, душистым быть лучше? Как бы не так! — прошелестел шиповник.

— Хуже всего быть вкусной! — покачала головкой земляника. — Всяк съесть норовит.

— Вот так так! — удивилась крапива. — Выходит, что самая счастливая тут я? Меня ведь никто не трогает: не нюхает, не срывает, не ест.

— Мы завидуем твоей спокойной жизни! — хором пропели цветы и ягоды.

— Как я рада, как я счастлива! — крикнула крапива.

— Как мне хорошо, — добавила она задумчиво. — Расту — не обращают внимания, цвету — не нюхают, созрею — и не попробуют. Засохну — и не вспомнят...

И вдруг крапива всхлипнула:

— Будто меня и не было совсем, будто я и не жила! Пропади пропадом такое крапивное счастье!

Цветы и ягоды внимательно слушали крапиву. И больше никогда не жаловались на свою беспокойную жизнь.



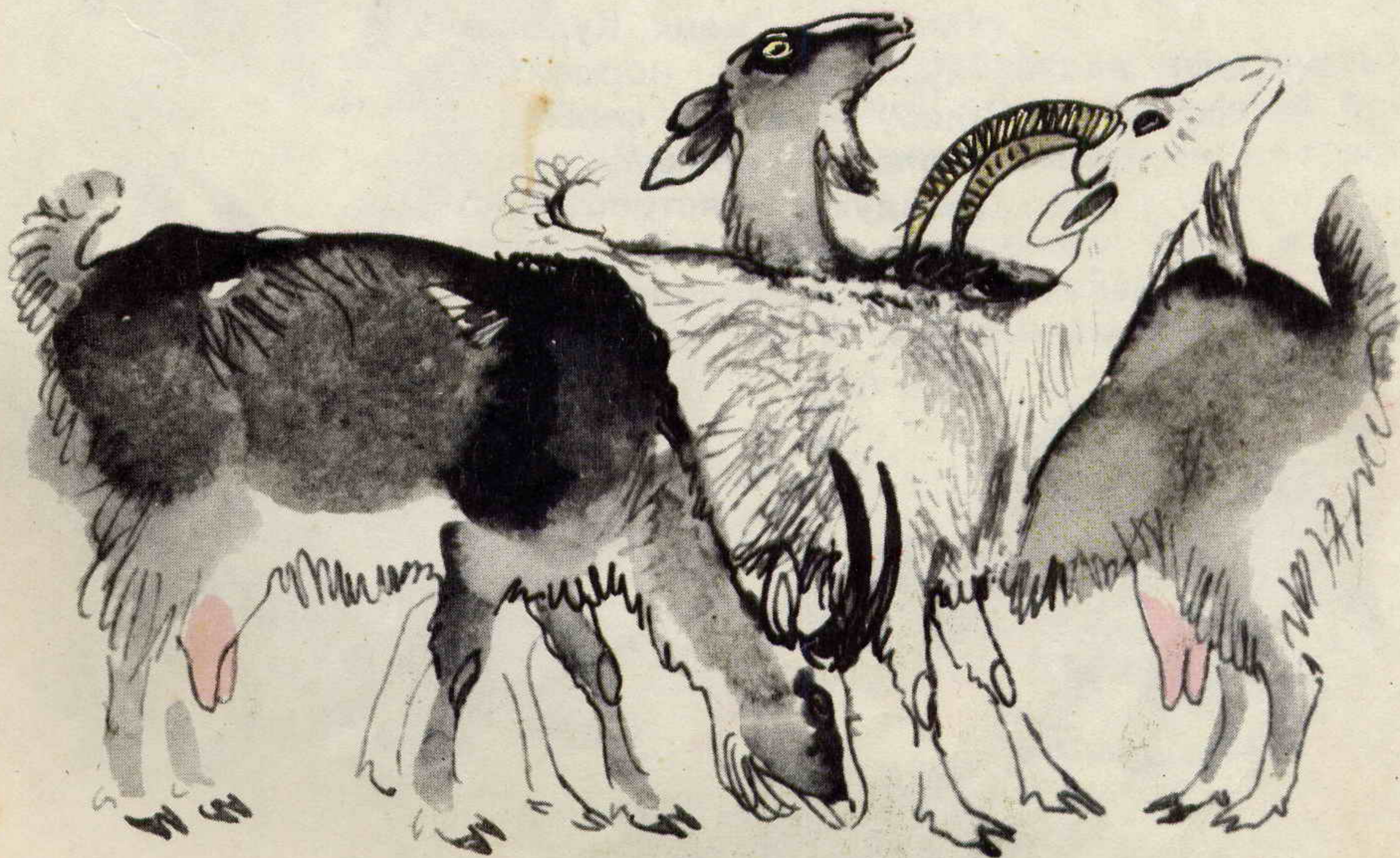


# КОЗОДОЙ

Назвали птицу козодоем, а она и молока в рот не берёт! Осоед ос ест, овсянка овёс клюёт. Что правда, то правда. А вот козодой коз не доит.

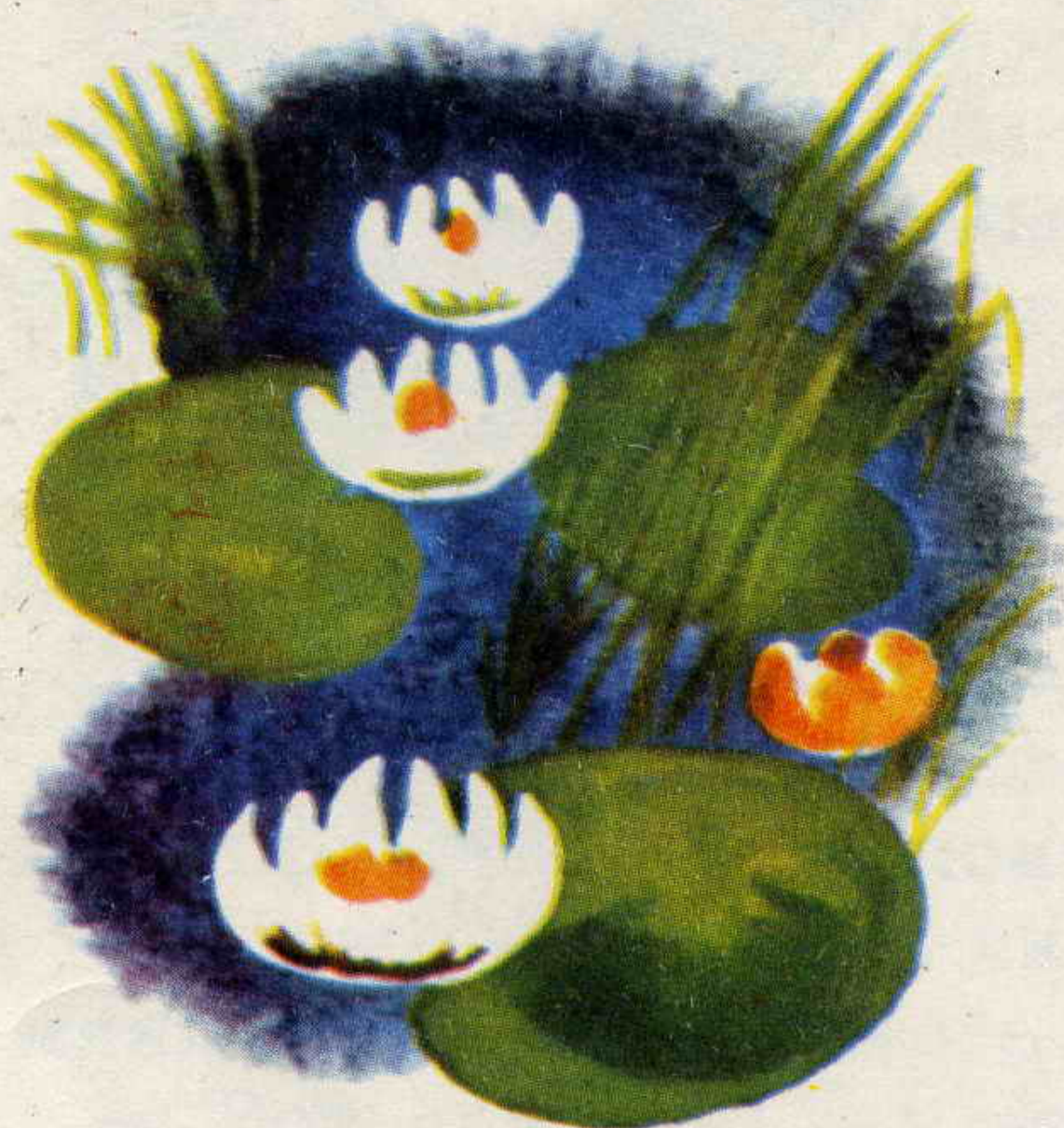
Летать над стадом он любит. Бывает, покрикивает над стадом и в крылья, как в ладошки, похлопывает. Но это он не молока выпрашивает, просто жуков и бабочек ловит. Стадо испугивает их из травы, а он ловит. Рот у него большущий, словно сачок. Ловкий рот. Но коз он не доит. И не доил никогда.

...А всё равно козодой!





## КУВШИНКА



Днём кувшинка нежится на воде — и все любуются ею. А ночью ныряет под воду. Стиснет белые лепестки в кулачок и нырнёт с головой. Спит всю ночь в глубине.

Ясное будет утро — снова вынырнет из воды. Снова развернёт лепестки навстречу солнцу и станет радовать всех. Ну а если облачно, если дождь и туман, то весь день под водой проспит. И носа наружу не высунет! И будут смотреть на неё одни только рыбы.

---

## ЛИСА И КУРОПАТКА

— Все меня, Куропатку, обидеть норовят: в лесу — волк серый, в поле — хорёк бурый, в воздухе — ястреб пёстрый. Хоть бы ты меня, Лиса, пожалела!

— А я что — рыжая, что ли? ...





## ЛОСЁНОК И ЛОСИХА

— Посмотри, мама, какие у меня ноги длинные-предлинные!

— Длинные, сыночек, длинные и большие.

— Посмотри, мама, какие у меня уши высокие!

— Высокие, сынок, ушки — большие.

— А отчего это, мама, у меня такие ушки и ножки большие?

— А оттого, сынок, что ты у меня ещё совсем маленький...



## сердитые ГОЛОСА



— Была я красивая, была я пригожая — стала сама на себя не похожая!

Траву ребята на мне вытоптали, кусты повыволомали.

Берёзку на дрова срубили, ёлочку — на подстилку.

Забросали меня пустыми банками, грязной бумагой, щепками и тряпками.

Жалуюсь! Была я лесной полянкой, стала лесной помойкой!









## КРУТЫЕ МЕРЫ

У пеночки клюв до того маленький, что только комар или муха в нём и поместится. Много еды в нём сразу не принесёшь. А птенцов в гнезде пять. И у каждого рот как кулёк! Сколько в него ни клади, всё мало.

Если одному муху отдать, другие голодные. На всех разделить — все голодные. Все недовольны, так свои кульки в нос и суют: мне, мне, мне!

Приходится пеночке хитрить. Одному сунет в рот муху, а другим пустой клюв — вроде успокоительной соски!

Так и бьётся одна с пятью. И ничего: все растут. Кто муху глотает, кто соску дёргает.

Вот уж и выросли, пером обросли, пора из гнезда вылетать. А им неохота! В гнезде тепло, сытно, уютно. В гнезде они и на соску согласны. А в кустах что? Сыро, холодно, страшно.

— Ах, так! — рассердилась пеночка. И улетела.

Конечно, это я сказал за неё «ах, так». Может, я и не точно перевёл её выкрик. Но только она и в самом деле вдруг перестала птенцов вызывать и выманивать из гнезда, пискнула и улетела.

Птенцы сперва даже обрадовались: никто больше не беспокоит. Но скоро проголодались и дружно заёрзали. «Это кто тут нас должен кормить?»

Муха к гнезду подлетела — птенцы ей навстречу рты разинули, словно «ура» заорали. Но муха сама в рот не залетает.

Бабочка у гнезда запорхала, птенцы и ей «ура» прокричали. Но бабочка улетела. Заглянула в гнездо соседка-чечевичка, к ней потянулись все: дай же чего-нибудь, дай! Шмель загудел басом — у шмеля стали кланчить. Но никому до них дела нет. И мамы-пеночки не видно.





Стали тогда друг у друга выпрашивать. Один пошевелится — другие к нему с раскрытыми ртами. Так и лезут, толкаются, рты распяливают до ушей, прямо трясутся от нетерпения.

И тут, когда уж не знали, у кого ещё и просить, появилась пеночка с гусеницей. С зелёной, как конфетка. Не успела она и клюв приоткрыть, чтобы птенцов позвать, как те сами наперегонки начали из гнезда навстречу выпрыгивать. Ни холод, ни сырость уже нипочём: мне, мне, мне!

Проучила пеночка упрямцев птенцов. А что ей делать? Одна, маленькая, а их пятеро, и каждый ростом уже с неё!

Вечером вся семейка собралась на одной ветке. Прижались друг к другу, сытые и довольные. Даже соски не просят.



## ЛЯГУШОНОК

Чего только не делают жители леса наедине! Вытворяют, что только в головушку им придёт. Играл, поют, танцуют. А то купаются и загорают. Как этот вот лягушонок. Нашёл сыроежку с дождевой водой и давай в ней плескаться, словно в тазу! А теперь сидит на краешке и загорает. Дышит целебным воздухом. После водных процедур принимает воздушные ванны. Завидно даже...



## ВОЛЧЬЕ ЛЫКО



До того ягоды хороши — сами в рот так и просятся! Но об этом даже и думать нельзя: ягоды ядовиты! У всех красных ягод — земляники, малины, брусники — красный цвет как яркий фантик на вкусной конфетке: «Съешьте нас». А у этих — как стоп-сигнал: «Не пробуйте, не прикасайтесь! Мы волчьи ягоды с ядовитого волчьего лыка!»



# КАРЛУХА



Карлуха — воронёнок. Живёт он во дворе. Тут он делает всё, что хочет. А больше всего он хочет — прятать. Прячет всё, что только в клюв попадёт. Корка попадёт — корку спрячет, кожура от колбасы — кожуру, камешек — камешек. Прячет он так. Шагает и по сторонам смотрит, а как высмотрит местечко укромное — тык в него носом! Положит и сверху травой прикроет. Оглядится — никто не видел? — и опять пошагает. Ещё что-нибудь прятать.

**сердитые**

**ГОЛОСА**



Жалуемся на коллекционеров. Не на всех, конечно. На тех, кто собирает лекарственные растения, минералы, жуков и бабочек, мы не жалуемся. А жалуемся мы на тех, кто собирает для коллекции птичьи яйца. Сколько из-за этого



Раз он пуговицу прятал. Сунул её в самую густую траву. Ромашки там росли, колокольчики, колоски разные и метёлки. Стал пуговицу травой прикрывать. Пригнул колосок, а колосок распрямился. Метёлочку пригнул — и метёлочка выпрямилась. Ромашку наклонил — ромашка поднялась. Колокольчик согнул — и колокольчик поднялся! Старался-старался, прятал-прятал, а пуговица сверху лежит. Вот она. У всех на виду. Любая сорока украдёт.

Растерялся Карлуха. Даже крикнул от удивления. Забрал пуговицу и на новое место пошагал прятать.

Сунул в траву, колосок пригнул — а тот распрямился. Колокольчик нагнул — а тот поднялся.

А сороки уже близко в кустах тарахтят — прямо как спички в коробке. Вот-вот пуговицу увидят. Скорей запихнул Карлуха её под кирпич. Побежал, щепочку принёс, заткнул дырочку. Моху нащипал — все щёлочки законопатил. Камешек сбоку привалил. И для верности ещё и сам сверху на кирпич сел.

А сороки нахальные всё равно тарахтят. Уж наверное, замышляют что-то.

Карлуха сердится. Ромашку сорвал, клювом лепестки ощипывает — так и летят во все стороны. А мне со стороны кажется, что он на ромашке гадаёт: украдут — не украдут, украдут — не украдут...

И всё-таки пуговицу ту сороки у Карлухи украли.

---

погибает в лесу гнёзд! Сколько потом собранных яиц бьётся от неумелого обращения, сколько потом выбрасывается на помойку!

А ведь каждое яйцо — это будущая птица.

ЛЕСНЫЕ, ПОЛЕВЫЕ И БОЛОТНЫЕ  
ПТИЦЫ









## АВГУСТ

**П**утешествие в августе лучше всего начинать ранним утром. Сунь в карман бутерброд — и быстрее за ка-литку.

Утро и белый туман. Туман весёлый, весь солнцем пронизан, сияет и светится — хоть глаза жмурь!

Над головой кляксы синие — это просветы неба. Под ногами пятна седые — луговинки сырой травы. По сторонам неясные тени шепчутся и шевелятся. Весь мир утонул в тумане!

Но вот всё поплыло, заколыхалось — и просияло! Дали стали чёткими, краски яркими, звуки звонкими. А роса такая, что хоть умывайся!

Росинки дрожат на кончиках листьев. Росинки стреляют красными стрелами. Росинками переполнились цветы-бокалы.

На листьях манжетки — гранёные звёзды. Колоски и метёлки согнулись от ожерелий. Еловые лапы словно хрустальные люстры.

Качнула синица еловую люстру — обрушились сверкающие подвески. Ударили они по осинке — осинка вспыхнула и затрепетала.

В гамачках паучьих — ртутные бусы. Нити паутины — как нити жемчуга. А сети паучьи — созвездья в лесной вселенной.

Струится парок над тропинкой. Синие лучики проткнули чащу. От радости повизгивают дрозды.

Но главное чудо уже свершилось. Когда туман поднимался и таял, на миг в просветах повисала радуга. Не привычная семицветная, а невиданная — снежно-белая. Белая на голубом.

Свежесть утра бодрит. И впереди ещё весь день.



# ФЕДОТ, ДА НЕ ТОТ!

Поставил грибник на пенёк корзину с грибами. Сам к ручью отдохнуть отошёл. Увидел кузовок дрозд да как затрещит:

— Ах, батюшки, ох, матушки, что же такое делается? Ядовитые поганки в кузове сидят, а вкуснейшие съедобные грибы рядом валяются! Благороднейший гриб — Боровик! Вкуснейший гриб — Шампиньон! Что тут творится? Что это за грибник такой — незнайка и растяпа? Набрал одних поганок, да ещё и радуется небось? Надо нам его от беды спасти!

А тут ещё Мухомор из-под листа высунулся и говорит:

— Эх, была не была, назовусь груздем, да и полезу в кузов! Что, я хуже других поганок, что ли?

— Какой же ты груздь, — закричал Боровик, — когда ты Мухомор!

— Никакой ты не груздь, почему ты лжёшь? — вскрикнул гриб Шампиньон.

— Все лгут, и я лгу, — отвечает Мухомор. — Ты, Боровик, лучше посмотри, кто в кузове-то справа сидит? Вон ложный Опёнок. Вон ложная Лисичка! Все ложные: лгун на лгуне! А слева ещё хуже! Вон Сатанинский ядовитый гриб. А вон, полюбуйся, ядовитая Бледная поганка торчит! А это горький, как горчица, Жёлчный гриб! Вот какая компания в кузове собралась! А я что — хуже их? Я тоже поганка. Пустите меня к своим!

Полез Мухомор в кузовок, а поганки его не пускают.

— Братцы поганки! — завопил Мухомор. — Вы что — своих не признаёте? Чего вы пихаетесь? Это ж я, Мухомор! Бледная поганка, замолви словечко за родственника. Мы же с тобою друзья до гроба!





— Ну уж нет! — отвечает Бледная поганка. — И не подумаю! Полюбуйтесь на этого дурня в красной шапке. Да ещё и в белую крапинку. Тебя же любой грибник с первого взгляда узнает, сразу поймёт, что ты за фрукт! А из-за тебя и нас ещё из кузова вышвырнет.

— Жёлчный гриб, дружище, — кричит Мухомор, —



хоть ты мне протяни руку! Ты поганка, и я поганка. Друг друга нам выручать надо!

— Была бы охота! — ворчит Жёлчный гриб. — Ты же, дуралей, все наши поганкины обычаи нарушил, всю нашу ядовитую семью подвёл. Ну чего ты в красную шапку вырядился? Разве настоящая поганка станет сама в глаза всем кидаться да в ногах путаться? Уж коли ты поганка, так хоть прикинься порядочным грибом, под съедобного замаскируйся. Бери, глупыш, с нас пример! Правду я говорю, гриб Сатанинский?

— Ты, Жёлчный гриб, — отвечает гриб Сатанинский, — прав, как всегда! Ты, Мухомор, нас знаешь: мы до мозга костей поганки! А взгляни на нас — по виду разве заметно? То-то вот и оно! Мы в чужую одежду стараемся нарядиться. Да не во всякую там одежду, а с выбором. Кто среди всех грибов самый образцовый и положительный? Конечно же, Белый гриб — Боровик. Он во все блюда мастер: в жарено, варено и в маринад. Хоть соли его, хоть суши — он толь-

---

## МУХОЛОВ И РЕПОЛОВ







ко лучше становится. Вот я, Сатанинский гриб, и гриб Жёлчный в его одёжку и вырядились! Попробуй-ка нас различи с ходу! И пиджачок одинаковый, и шляпа похожа. Потому нас грибник и спутал. А тебя пусти — ты ведь нас с головой выдашь!

---

— И чего ты, Реполов, уставился на меня — не узнал, что ли?

— По рассеянности, брат Мухолов, по рассеянности. Что-то я в последнее время вдруг стал задумываться. Вот смотрю сейчас на тебя, а сам думаю: потому его Мухоловом зовут, что он мух ловит. А меня как зовут? Реполов! Стало быть, должен я репу ловить и клевать! А я, глупец, всю жизнь сорняками питался! Представляешь, брат, всю жизнь делал не то, что мне на роду было написано!







— Учись у меня, — хвалится ядовитая Бледная поганка. — Из всех поганок я самая ядовитая, прямо как змея! А по одежке — распрекраснейший и нежнейший гриб Шампиньон! Меня вон грибник-незнайка и не распознал, а тебя, дурня, за версту узнает!

---

## **СОРОКА И МЕДВЕДЬ**



— Эй, Миша-Медведь, на вопрос ответь.

— Какой вопрос, стрекотуха?

— Почему тебя Медведем зовут? Глухарь — он весной глухой, понятно, заяц-беяк — он зимой белый, понятно, а вот Медведь — не понятно!

— Хе-хе! Бестолковая ты птица. Мед-ведь — значит мёд ведающий. Знаю, стало быть, где мёд в лесу спрятан.

— А где, где он, мёд-то?

— Так я тебе и сказал! Ты же всем разболтаешь сразу, все вы в лесу тогда медведями станете.



Полез Мухомор опять в кузов, а его опять выпихнули.

— Значит, так и не пустите? — рассердился он.

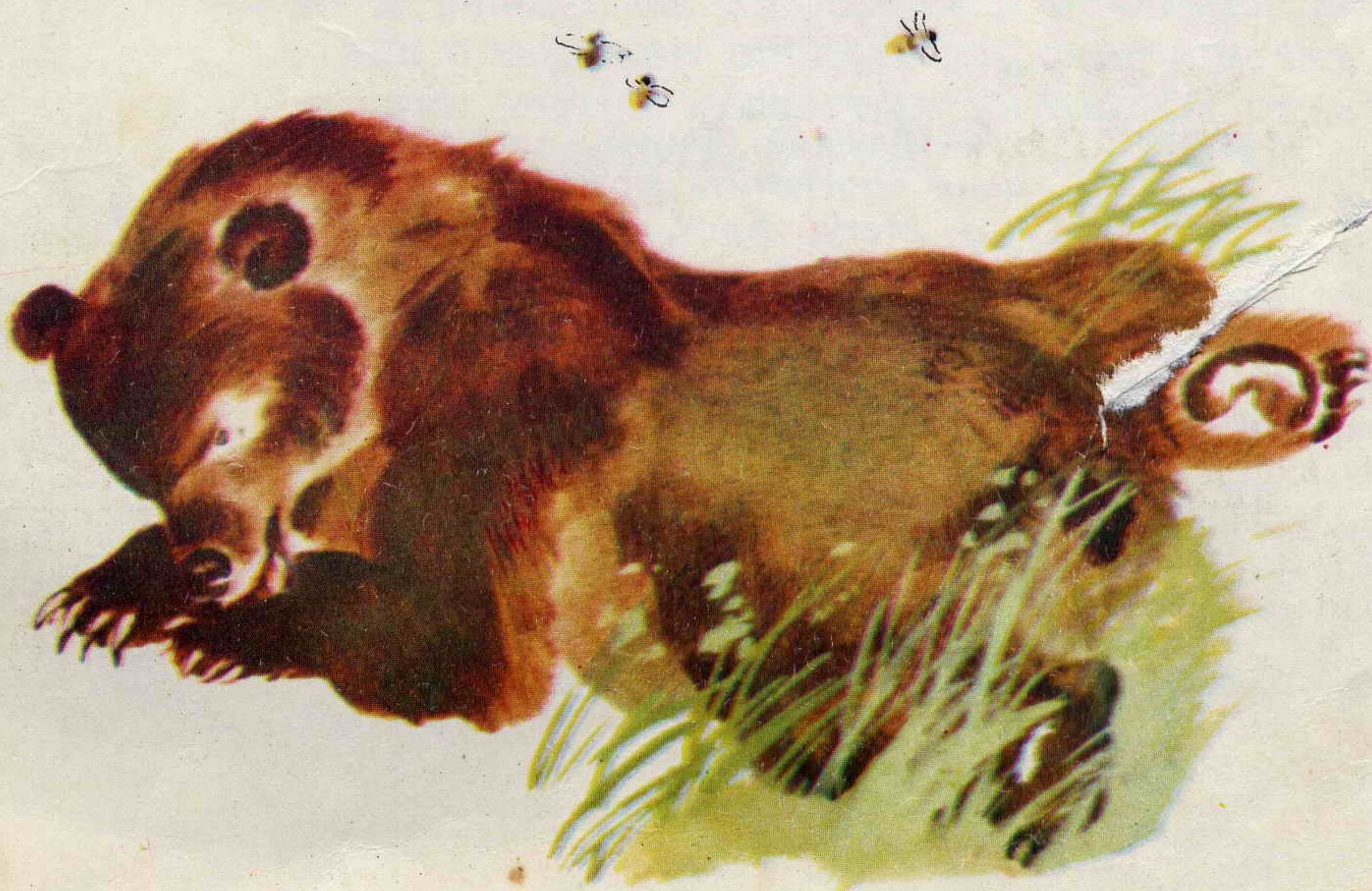
— Так и не пустим! Лучше и не проси! — отвечают поганки.

— До трёх считаю: раз, два... — пригрозил Мухомор.

— Три, четыре!.. — издеваются поганки.

— Ну, поганки, держитесь! — заорал Мухомор. — Пеняйте на себя теперь! Я вас сейчас всех на чистую воду выведу! Все ваши приметы и хитрости грибникам выдам. «Мы — как белые! Мы — как шампиньоны!» Хоть вы и похожи, да не одно и то же! — И выволок из кузова грибы Жёлчный и Сатанинский, схватил их за шляпки и поставил рядом с Боровиком. — Смотрите все и запоминайте! По виду эти поганки и в самом деле похожи на гриб Боровик. Но если Сатанинскому надломить шляпку — вот так! — то на изломе она станет лиловатой, а если то же сделать с грибом Жёлчным — вот так! — то его шляпка на изломе станет розовой. Запомнили? А у тебя, благородный гриб Боровик?

---





— А у меня излом шляпки всегда белый! — ответил гордо гриб Боровик. И сам надломил себе шляпку. — Видели? Беленькая, чистенькая и не горькая!

А Мухомор не унимается:

— Теперь, Бледная поганка, твоя очередь! Становись рядышком с Шампиньоном. Сверху ты и впрямь на него похожа, а вот снизу — совсем другая! Какие у тебя пластинки под шляпкой? Белые, бледные. А у Шампиньона? А у Шампиньона они розоватые, а то буроватые. Вот и весь мой сказ! Кто там ещё в кузове прячется? Ага, ещё Ложный опёнок с Ложной лисичкой! Ну, эти обманщики не страшные, если их съедите — не отравитесь. Кыш по кустам!

Разогнал Мухомор всех поганок, посадил в кузовок гриб Боровик и гриб Шампиньон и говорит:

— Ну а меня-то вы уж ни с кем не спутаете! Как говорится — по Сеньке и шапка. И рад бы божьей коровкой прикинуться, да пятнышки выдают!

И снова под листок спрятался.

Вернулся грибник, взял свой кузовок и пошагал домой. Так ничего и не заметил. Вот растяпа!

## КРОТ И ФИЛИН



— Слушай, Филин, неужели ты меня проглотить можешь?

— Могу, Крот, могу. Я такой.

— Неужто и зайчонка протолкнёшь?

— И зайчонка протолкну.

— Ну а ежа? Хе-хе...

— И ежа проглочу.

— Ишь ты! А как же колючки?

— А колючки выплуну.

— Смотри какой молодец!

А Медведь вон на ежа даже сесть боится...





## НОЧНОЙ ПАВЛИНИЙ ГЛАЗ



Самая крупная наша бабочка: крылья в ладонь! Порхает в ночной темноте, как большая летучая мышь. Но не комаров она ловит и даже не ищет нектар. За всю свою жизнь она не проглотит и капельки, всю жизнь не ест.

На день скрывается в укромном местечке и сидит неподвижно и незаметно. Но случись нечаянно коснуться её, как с шорохом дрогнут широкие крылья и моргнут на них четыре глазастых пятна. Ты отшатнёшься испуганно, а бабочка улетит.

## ЖУК-СКАКУН



Славные имена у жучишек: точильщики, пилильщики, бомбардиры. Усачи, долгоносики, карапузики. Или этот вот: скакун полевой! Скакун так скакун: ты ладошкой его, а он — хоп! — и подскочил. И в траве затерялся: попробуй разгляди зелёного на зелёном! Лучше и не ищи, только зря глаза проглядишь.



# БАНЯ

Дикие звери тоже любят в баню ходить. Особенно кабаны, дикие свиньи. Правда, и баня у них особенная — свиная. Без пара, без горячей воды. Просто ванна одна — лунка в земле. В ванне вода. Вместо мыльной пены — жижа. Вместо мочалок — пучки старой



травы и мха. Вас бы в такую баню и силою не загнать, а кабанов из неё только силой и выгонишь, вот до чего любят купаться!



Но ходят кабаны в баню совсем не за тем, за чем ходим в баню мы. Мы в баню идём мыться, а кабаны... пачкаться! Мочалкой и мылом мы грязь смываем с себя, а кабаны нарочно вымазываются в грязи. И чем больше вымажутся, тем веселей хрюкают. И после своей свиной бани они в сто раз грязнее, чем до неё. И очень рады. Уж теперь-то сквозь толстый слой грязи



никакие кусаки не проберутся: ни мухи, ни комары, ни слепни! Щетина у них летом редкая, вот они грязью и мажутся. Как мы кремом «Тайга» от комаров.



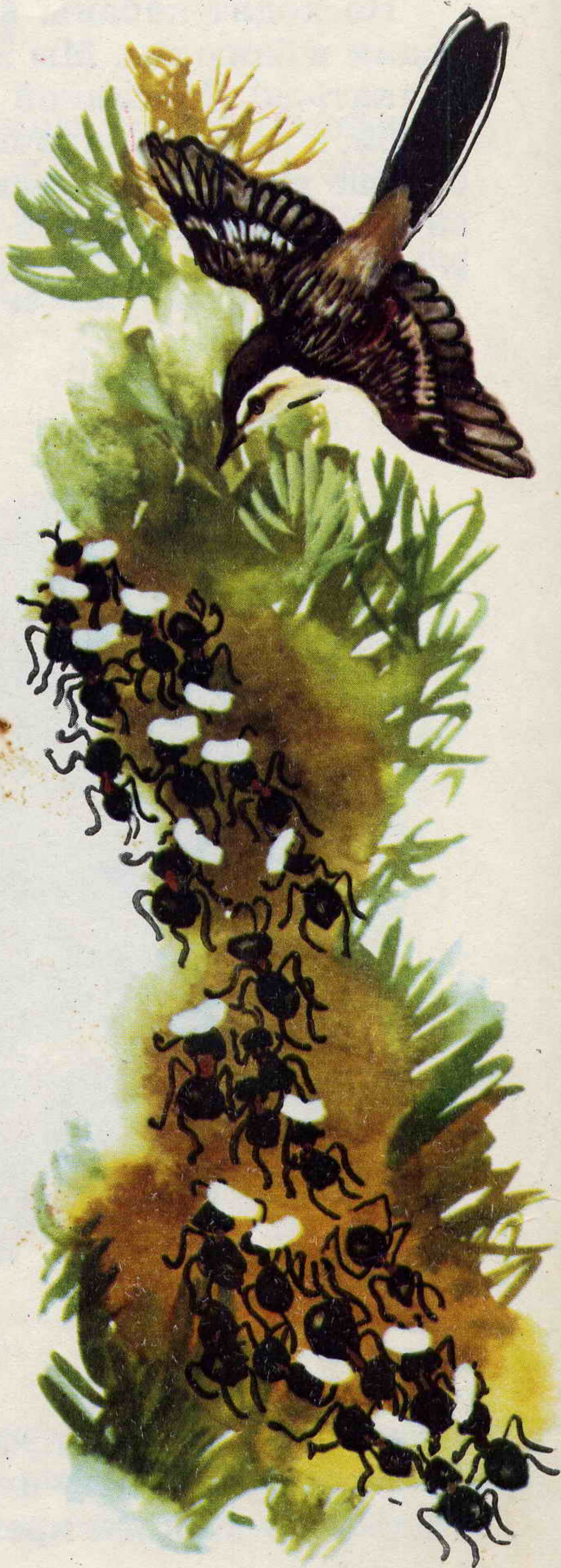
## ВКУСНАЯ ДОРОЖКА

Я ногу занёс, а под ногой живой ручеёк. Широкая муравьиная тропа. Торопятся муравьи: вперёд налегке, назад с добычей. А у самой муравьиной тропы птичка — лесной конёк. Она нагибается и хватает муравьёв одного за другим.

Не везёт муравьям: их все в лесу любят. Любят дрозды и зарянки, дятлы и вертишейки. Любят синицы, сороки и сойки. Любят хватать и глотать. Вот и ещё любитель — лесной конёк.

Только любитель это особый: не ест муравьёв, а грабит! Отнимает от муравьёв гусениц, мух и букашек. Высматривает, что повкусней, как увидит — отнимет.

Тянется живой ручеёк. На нём чего твоя птичья душа желает. Клюй — не хочу! Молочная река, кисельные берега. Всё припасено. Выбери, отбирай и глотай!





## ХИТРЫЙ ОДУВАНЧИК

Говорят, хитрей лисицы и зверя нет. Зверя, может, и нет, а вот одуванчик хитрее лисы! На вид простаком. А на деле себе на уме. Страсть хитрый!

Холодно весной, голодно. Все цветы в земле сиднем сидят, ждут своего тёплого часа. А одуванчик уже зацвёл! Лучится как ясное солнышко. С осени он в корнях еду припас; всех обскакал. Спешат на его цветы насекомые. Ему и ладно: пусть опыляют.

Завяжутся семена, одуванчик бутон закроет и, как колыбельку с близнецами, тихо опустит бутон вниз. Малышам ведь нужны покой и тепло: пусть набирают сил, лёжа спокойненько на земле в тёплой люльке.

А подрастут малыши, вырастут у них крылья-летучки — пора в путь-дорогу, на новые земли, в зелёные дали. Теперь им высота нужна, нужен простор и ветер. И одуванчик снова поднимает свой стебель, выпрямляет его как стрелу, выше всяких ветрениц, кошачьих лапок, мокриц и травок-купавок. Разлетайтесь и прорастайте!

Лисице что: у неё четыре ноги, острые зубы. И лисенят всего пяток. Попробовала бы она вырастить сотню детишек, когда вместо ног только корень, а вместо зубов — стебель да лист. Ни убежать, ни спрятаться, ни увернуться. Букашка и та грозит. Вот и хитрит одуванчик, не сходя с места. И ничего — процветает.





# ДРУЗЬЯ-ТОВАРИЩИ

— Слепые мои глаза, глупая моя голова, глухие мои уши! — причитал Медведь, в отчаянии мотая башкой.

— Странно сильного видеть в слабости! — буркнул головастый Филин. — Что с тобой случилось, Медведь?





— Не спрашивай, Филин, не бери раны! Один я остался в несчастье и горе. Где мои верные друзья и товарищи?

Филин хоть и страшноватый на вид, но сердце у него отзывчивое. Говорит он Медведю:

— Поделись, Миша, бедой. Может, и полегчает.

Раньше бы Медведь на Филина и не взглянул, а теперь, как один остался, снизошёл.

— Ты, — говорит, — меня знаешь. Я самый сильный в лесу. И было у меня много друзей. Куда ни повернусь — все в глаза заглядывали. И вдруг сразу ни одного! Как ветром сдуло.

— Странно, Медведь, очень странно, — сочувствует Филин.

— А уж обидно-то как! Раньше, бывало, Сорока чуть свет все лесные новости на хвосте приносила. Вороны про мою силу и щедрость на весь лес каркали. Мыши пятки во сне щекотали. Комары хвалебные песни трубили. И вот никого...

— И все верные друзья были? — Филин спрашивает.

— Закадычные друзья-товарищи! — прослезился Медведь. — Как начнут наперебой: «Ты у нас самый умный, ты у нас самый добрый, самый сильный и





самый красивый». Сердце пело! А теперь разбежались...

— Ну не надо, не надо! — заморгал Филин глазами. — Не убивайся уж так! Назови-ка мне своих лучших друзей, может, что и узнаю.

— Называл уже: Ворон, Сорока и Мышка. Где вы?..

— Хоть меня ты в друзьях и не числишь, — обещает Филин, — но послужу я тебе по-дружески. Отыщу всех, порасспрашиваю. А ты меня тут жди!

Взмахнул Филин широкими мягкими крыльями и бесшумно взлетел. Замелькала его тень по кустам и деревьям. И сам несётся как тень: ветки не заденет, крылом не скрипнет. Два оранжевых глаза глядят пронзительно. Сразу Сороку увидели.

— Эй, Сорока, ты с Медведем дружила?

— Мало ли с кем я дружила... — осторожно отвечает Сорока.

— А что ж теперь его позабыла и бросила?

— Мало ли кого я бросаю и забываю... А Медведь сам виноват! Я ведь не простой друг, а друг доверительный. Доверяла ему все секреты. Сообщала, где овца захромала и от стада отбилась, в каком дупле пчёлы мёд спрятали, когда рыба на нерест косяками пошла. Медведь, бывало, распорядится по-своему, помедвежьи, глядишь — и мне перепадёт что-нибудь. А теперь его охотники из нашего леса угнали. «С глаз долой — из сердца вон!»

Полетел Филин дальше. На лесной опушке увидел Ворона.

— Здравствуй, Ворон! Что ж ты с Медведем дружить перестал?

— Это с каким? Которого охотники из нашего леса прогнали? А для чего он мне теперь? Я ведь не простой друг, а друг обеденный. Бывало, после Медведя и мне косточка оставалась. А теперь небось дру-





гим достаётся. Пусть другие и каркают про него. А мне некогда, я себе другого медведя ищу!

Полетел Филин дальше. Мышь он, хоть и привычное дело, увидел не сразу: уж очень та ловко пряталась.

— Эй, Мышь, ты ли это?

— Не я, не я! — пискнула Мышь.

— Да не бойся ты, не отказывайся сама от себя! Мне только спросить: ты почему пятки Медведю щекотать перестала?

Опомнилась мышка, заверещала:

— Как же мне щекотать их, если Медведь из нашего леса ноги унёс? Пяточки только сверкали! Комарам и тем не догнать было. Мы теперь Лосю служим. Комары кровь сосут, я линяющую шерсть для гнезда собираю. Звон за кровь, шерсть за щекотку. Мы друзья расчётливые. Друг-то друг, да не будь и сам глуп!



— Живи пока, — буркнул Филин. — Жаль, что мне некогда. . . — И поспешил к Медведю.

— Ты ли, Филин! — обрадовался Медведь. — Не томи, что с друзьями случилось?

— Нет у тебя больше друзей! — говорит Филин. — Да и не было никогда!

— Как же так, а Сорока, а Ворон?

— Друг — когда просто друг. А эти. . .

— Понятно: беда в дверь, а друзья за дверь! Все двуличные, все ничтожные. Негодяи! А-а-а! У-у-у!

А Филин не успокаивает, Филин думает. И говорит:

— Сдаётся мне, что у вас, медведей, других друзей и быть-то не может. Не друзья вам нужны, а угодники. Уж больно вы, медведи, на похвалу слабы. «Скажи мне, кто твои друзья, и я скажу, кто ты!» Ты, Медведь, тожемышь. Только сильная. . .

Медведь заворчал сердито, скосил страшный глаз,

---

## ЛИСА И МЫШЬ

— Мышка-трусишка, ты треска боишься?

— Ни крошечки не боюсь!

— А громкого топота?

— Ни капельки не боюсь!





стал кору когтями драть. Но Филин уже не смотрел на него. Филин опять думал.

«Верный друг познаётся в беде, — думал Филин. — Друг в ногах не валяется. Давным-давно это сказано, а вот поди ж ты...»

— Слушай, Медведь! — сказал Филин. — Скажу понятную тебе примету на друга: «Не тот друг, кто мёдом мажет, а тот, кто правду скажет». Понял?

— Ещё бы! — обрадовался Медведь. — Мёд, медок, медовуха... Слаще любой правды!

«Не понял, — сказал про себя Филин. И устало закрыл глаза. — Медведь...»

— А страшного рёва?

— Нисколечко не боюсь!

— А чего ж ты тогда боишься?

— Да тихого шороха...



## БЕЛКА И ЛЕСНОЙ КОНЁК

— Голосистый Лесной Конёк, почему ты песни петь перестал? В лесу-то не осень ещё, пел бы да пел!

— Надоело, Белка, ой как надоело! Сама посуди: восемьдесят дней пою! По три тысячи семьсот песен в день. Ну-ка посчитай — сколько получится? У тебя на хвосте волосков столько нету. Двести девяносто шесть тысяч! Охрип, осип, осовел. Пусть теперь другие поют, я свою летнюю норму выполнил!





# ЛЕСНЫЕ СИЛАЧИ

Ударила первая капля дождя, начались соревнования.

Соревновались трое: гриб подосиновик, гриб подберёзовик и гриб моховик.

Первым выжимал вес подберёзовик, он поднял листик берёзы и улитку.

Вторым номером был гриб подосиновик. Он выжал три листка осины, сосновую шишку и маленького лягушонка.

Моховик был третьим. Он раззадорился, расхвастался. Раздвинул шляпкой мох, подлез под сучок и стал выжимать. Жал-жал, жал-жал — не выжал. Только шляпку свою раздвоил. Как заячья губа стала.

## сердитые ГОЛОСА



Жили мы в прозрачном озерке. Жили — не тужили. Всё вокруг глаз радовало, и дышалось легко. Но протоптали ребята-туристы дорожку к нашему озерку. Это бы ничего: ребята хорошие, аккуратные. Зря деревья не рубят, кусты не ломают, уходят — костёр водой заливают. Даже мусор после себя убирают. Только вот убирают они его по-своему:

в охапку — да в наше озерко! Все концы в воду. Скопились у нас на дне разные банки-склянки, бумага да тряпки. Мы год терпели, два терпели, а на третий год — не вытерпели! На дне свалка — глаза б не глядели, вода ржавая — дышать нечем.

Вот и жалуемся.

ОЗЕРНЫЕ РЫБЫ БОЛЬШИЕ И МАЛЕНЬКИЕ





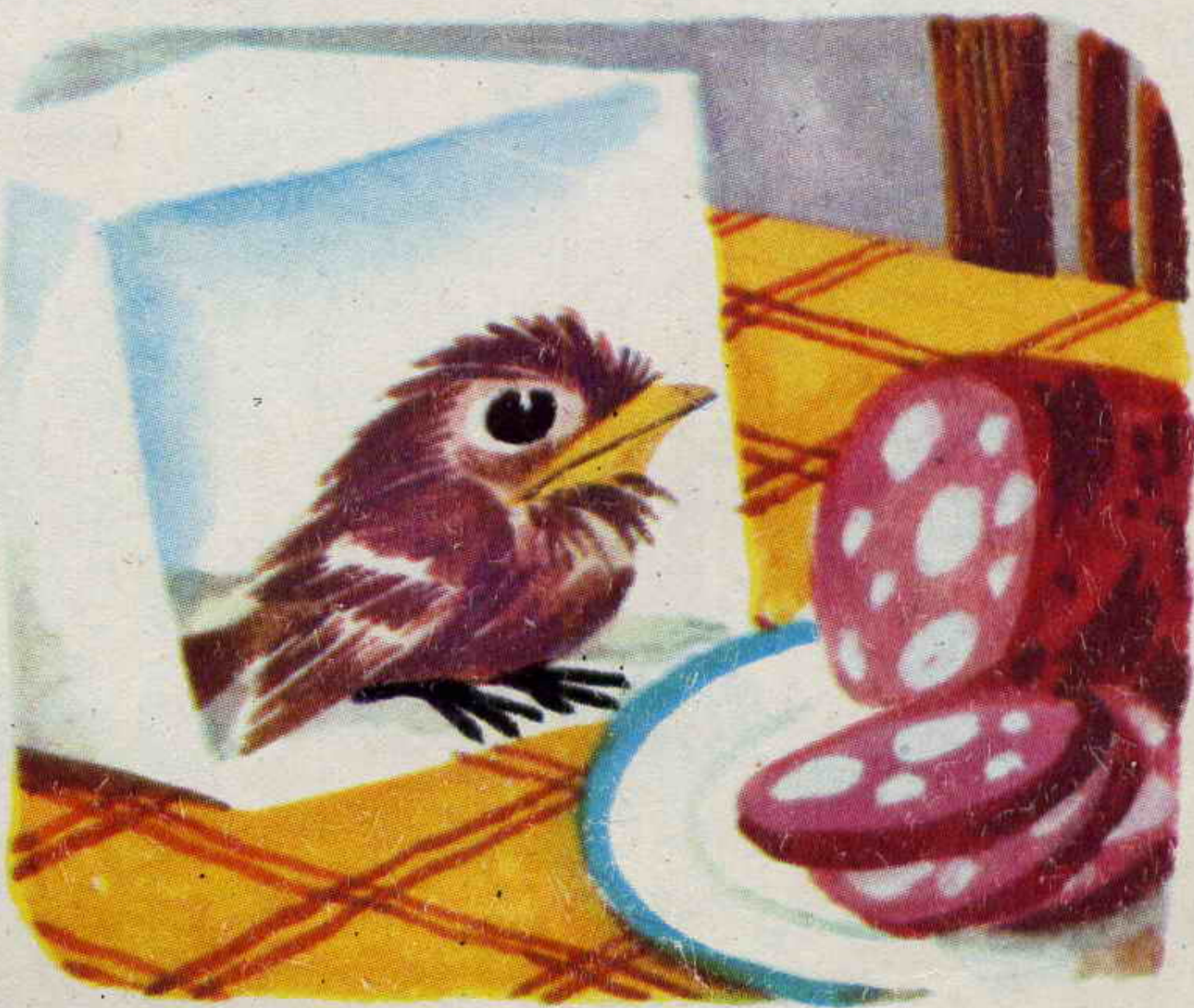


Победителем вышел подосиновик.  
Награда ему — алая майка чемпиона.

---

А мы жалуемся на слишком жалостливых человеческих пап, мам и их деток! Когда мы вылетаем из гнёзд, то рассаживаемся поодиночке. Сидим себе в траве или в кустах и попискиваем. Ждём, когда наши птичьи папы и мамы вкусную гусеничку принесут. А жалостливые люди считают нас сиротами и забирают к себе домой. Сажают в тесную коробку и начинают совать в рот хлеб, крупу, а то и копчёную колбасу. От такой заботы нам остаётся только околеть. Что мы и делаем.

ПТЕНЦЫ









## СЕНТЯБРЬ

**М**есяц сентябрь... Пора пёстрых листьев. Листья летят, кружатся, падают, скачут. Устилают землю и воду таким пёстрым ковром, что в глазах рябит и кружится голова.

По всему лесу шорохи, шелесты, шёпоты.

Всё перекрашивается: берёзы и клёны — в жёлтое, рябины и осины — в алое. И стоит весь лес как сказочная жар-птица: и золото, и пурпур, и бронза, и малахит!

Хорошо в осеннем лесу!

Хорошо идти по лесной тропинке. Хорошо находить грибы. Хорошо просто смотреть и слушать.

А это кто такой шустрый? Ёжик, конечно. Спал себе спокойно после ночной охоты и беду не чуял. А тут ногой толкнули, шапкой накрыли, как какую-нибудь бабочку-капустницу! Одно спасение: съжаться и колючки растопырить. Может, и бросят.

Грибы тоже прячутся: кто под лист папоротника, кто под еловую лапу. Тёплые тайнички ищут. А тех, которые на виду стояли, — всех собрали уже.

Новая встреча — белка!

Эта осени не боится. Ей что ни дерево — то скатерть самобранная. На ёлках и соснах — шишки, на рябине — ягоды, на лещине — орехи, на дубе — жёлуди. Набегается, наиграется, наестся — и спать в «гайно». Свернётся на моховой перинке, накроется хвостиком, как одеяльцем.

Шуршат опавшие листья под ногами. Попискивают синицы в ветвях. А над головой, под самыми облаками, летят на юг журавли. И прощальные голоса их громко звучат над ярким и пёстрым месяцем сентябрём.



## ОСЕНЬ НА ПОРОГЕ

— Жители леса! — закричал раз утром мудрый Ворон. — Осень у лесного порога, все ли к её приходу готовы?

Как эхо, донеслись голоса из леса:

— Готовы, готовы, готовы. . .

— А вот мы сейчас проверим! — каркнул Ворон. — Перво-наперво осень холоду в лес напустит — что делать станете?

Откликнулись звери:

— Мы, белки, зайцы, лисицы, в зимние шубы переоденемся!

— Мы, барсуки, еноты, в тёплые норы спрячемся!

— Мы, ежи, летучие мыши, сном беспробудным уснём!

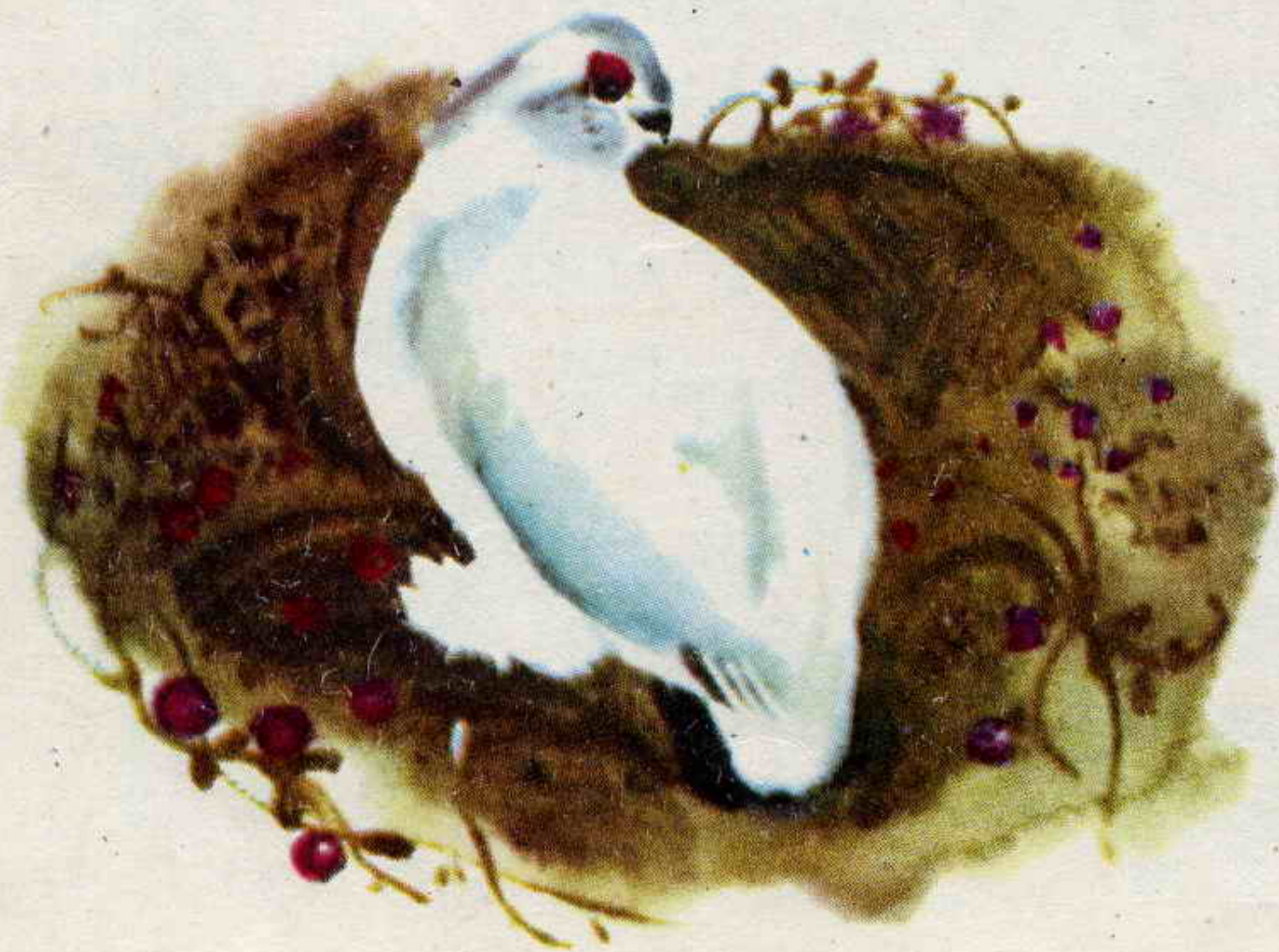
Откликнулись птицы:

— Мы, перелётные, в тёплые края улетим!

— Мы, оседлые, пуховые телогрейки наденем!

---

## БЕЛАЯ КУРОПАТКА И КЛЮКВА



— Батюшки, вот так Клюква-ягода! Щёки-то, щёки какие! Красные, блестящие — так вся и сияет!

— Вот и сияю — мой черёд настал! Раньше только и слышно в лесу: ах, земляника, ох, черника, ух, малина! А теперь, осенью, я самая главная ягода. Я, Клюква болотная!





## ЛИСИЦА И ЗАЯЦ

— Слыхал, Заяц, как охотники мой лисий хвост называют? Трубой! Хи-хи-хи...

— А мой заячий хвост охотники прозвали цветком. Цветком, цветиком, цветочком.

— Да ну-у! А ну дай-ка мне цветочек понюхать...

— Но-но-но! Я твою лисью породу знаю! Цветок понюхаешь, а ногу откусишь. Проходи, проходи со своей трубой!







— Вторым делом, — Ворон кричит, — осень листья с деревьев сдирать начнёт!

— Пусть сдирает! — откликнулись птицы. — Ягоды видней будут!

— Пусть сдирает! — откликнулись звери. — Тише в лесу станет!

— Третьим делом, — не унимается Ворон, — осень последних насекомых морозцем прищёлкнет!

Откликнулись птицы:

— А мы, дрозды, на рябину навалимся!

— А мы, дятлы, шишки начнём шелушить!

— А мы, щеглы, за сорняки примемся!

Откликнулись звери:

— А нам без мух-комаров спать будет спокойней!

— Четвёртым делом, — гудит Ворон, — осень скукою донимать станет! Туч мрачных нагонит, дождей нудных напустит, тоскливые ветры науськает. День





укоротит, солнце за пазуху спрячет!

— Пусть себе донимает! — дружно откликнулись птицы и звери. — Нас скукою не проймёшь! Что нам дожди и ветры, когда мы в меховых шубах и пуховых телогрейках! Будем сытыми — не заскучаем!

Хотел мудрый Ворон ещё что-то спросить, да махнул крылом и взлетел.

Летит, а под ним лес разноцветный, пёстрый — осенний. Осень уже перешагнула через порог. Но никого ни-сколечко не напугала.



## СОРОКА И ОСЕНЬ

— Слыхала, Осень, что Лебедь, Рак и Щука сговорились тебя из леса прогнать? Пусть только нос сунет, хвалились, мы-де ей покажем, где раки зимуют!

— Э-э, Сорока, не первый год они мне грозят! Сговариваются, сговариваются, а как приду, так кто куда: Лебедь — в облака да на юг, Рак упрятится в нору, а Щука спрячется в глубину. И до весны о них ни слуху ни духу!





# ОСЕННЯЯ ЁЛОЧКА

Весной ёлочки не было, летом не было, а осенью вдруг появилась. Раздвинула листья, травинки, высунулась из земли и удивлённо осмотрелась.

Деревья роняли листья.

Много-много лет прошло с тех пор, но каждую осень, в день ёлочкиного рождения, деревья вспоминают о ней и дарят ей подарки. Осина дарит красные китайские фонарики, клён роняет оранжевые звёзды, а ива засыпает ёлочку тонкими золотыми рыбками.

И стоит ёлочка растерянная, счастливая; раскинула лапки, а на ладошках подарки. И уж некуда их девать, а ей всё дарят и дарят.

И у всех на глазах становится ёлочка из колючей и хвойной мягкой и лиственной. Вся в золоте, багрянце и бронзе. Вся нарядная и разноцветная. Не то что зимой и летом — одним цветом.

---

## ОСОЕД И ЗМЕЕЕД

— Знаешь, Осоед, а ведь мы с тобой, брат, герои!

— Какие там, Змееед, герои — птицы как птицы.

— Ну не скажи! Все от змей да ос в кусты шарахаются, а мы с тобой уплетаем их за обе щеки и даже не вздрагиваем. Геройские мы, брат, с тобой едоки!







## МУХОМОР

Мимо мухомора не пройдёшь, чудо-чудное, диво-дивное! Сказочная Красная шапочка. Или домик на курьих ножках? А может, гномик лесной в бисерном колпачке и кружевных панталончиках? Вот-вот зашевелится, поклонится и что-нибудь скажет...







## ТРАУРНИЦА

Бабочка большая, красивая. Легко парит и порхает в струях весеннего ветра. Уже в апреле вылетает она из своих зимних ухоронок. То носится на тихих полянах, то, распластав крылья, нежится на тёплых пенёчках и валёжниках. Но больше всего любит сидеть на пораненных клёнах и пить сладковатый сок. Сперва проверяет сок лапкой: вкусный ли он? А уж потом разворачивает хоботок и сосёт.

Ну а осенью, когда древесного сока нет, прилетает на опавшие битые яблоки и сосёт сок фруктовый. Без сладенького не живёт!





# КАК СПИТ

- Ты, Заяц, как спишь?
- Как положено — лёжа.
- А ты, Тетёрка, как?
- А я сидя.
- А ты, Цапля?
- А я стоя.

— Выходит, друзья, что я, Летучая Мышь, ловчее всех вас сплю, удобнее всех отдыхаю!

— А как же ты, Летучая Мышь, спишь-отдыхаешь?

— Да вниз головой...

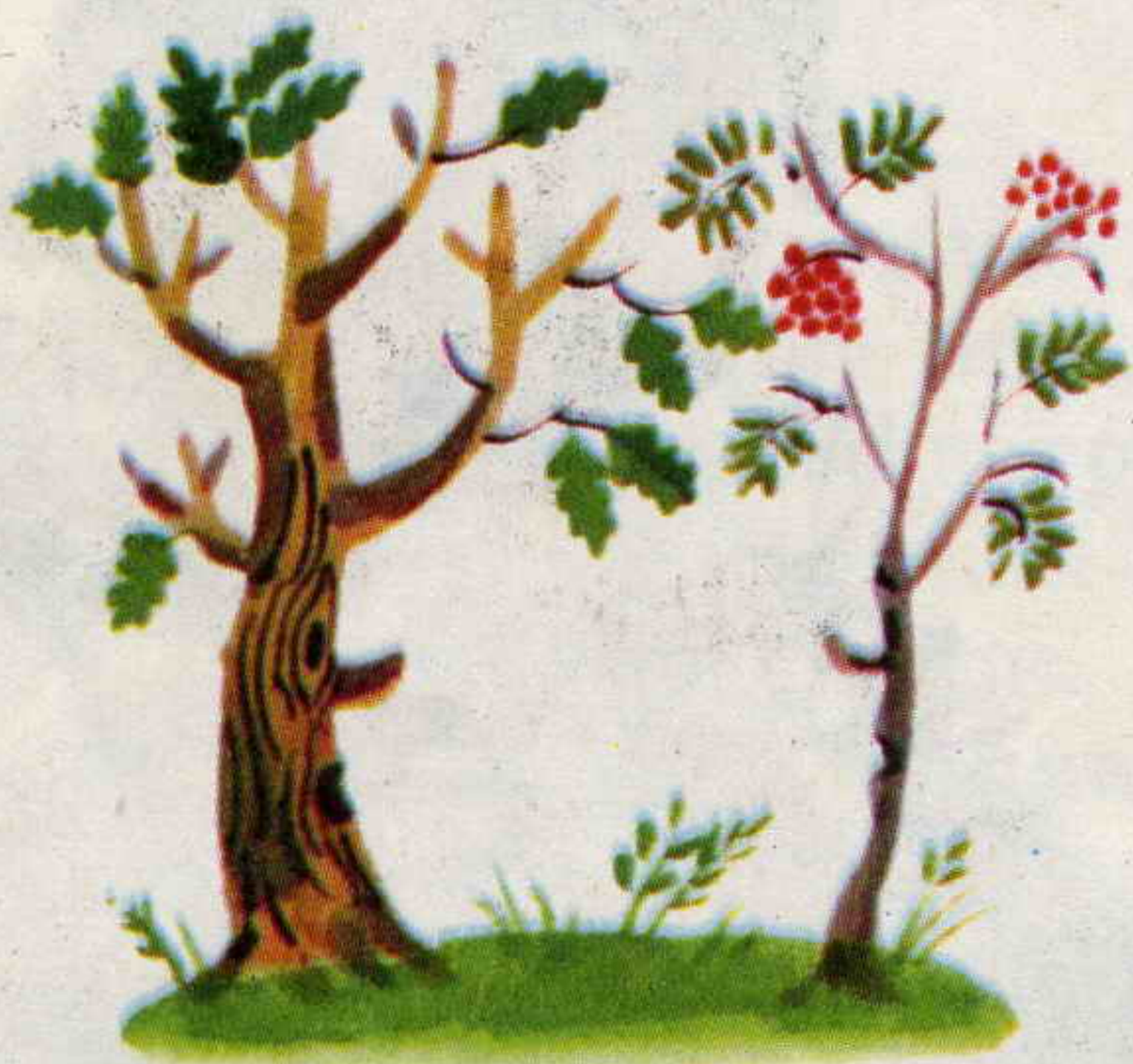




## ДУБ И РЯБИНА

— Ой, рябина-рябинушка, что взгрустнула ты?

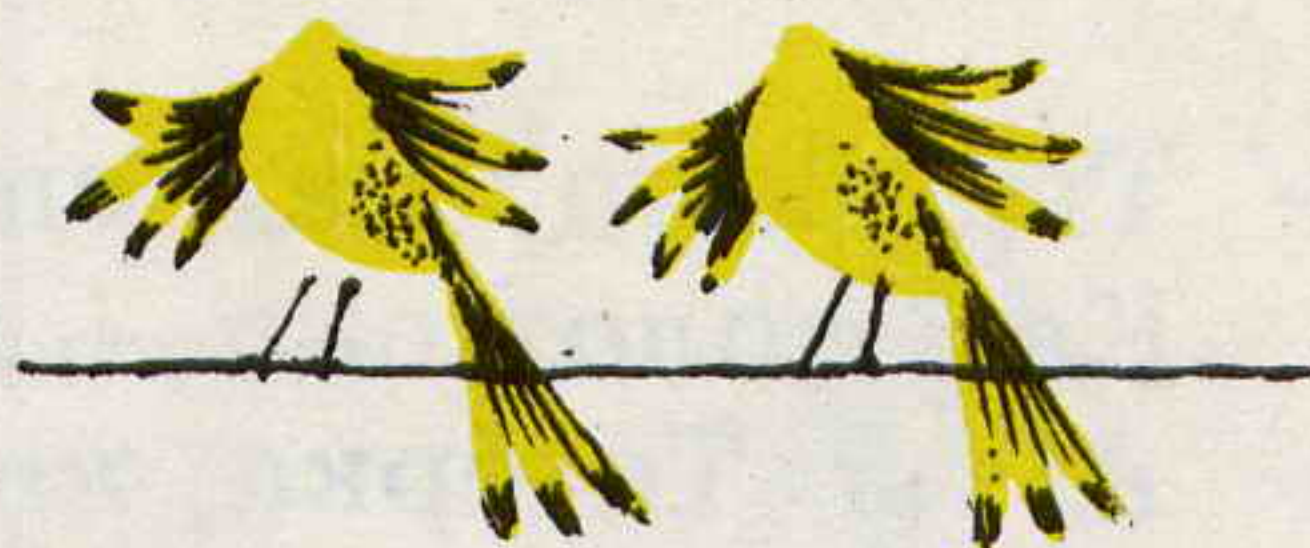
— Была я, дуб, тонкой рябинкой, а стала сухой корягой. Ободрали меня ребяташки как липку, разделали под орех. Ни ягод на мне, ни сучков, ни веток — хоть в костёр головой! Хоть



бы ты, дуб, меня защитил.

— Что ты, что ты! Я сам теперь, голубушка, такой, что краше в дровяной склад кладут. Всюто осень жёлуди с меня сшибали, камнями да палками по голове молотили. Всю душу потрясли! Был я дубом, стал дубиной...

## сердитые ГОЛОСА



## ЧЕЧЁТКА

— «Во поле берёзонька стояла!...»

— Ну что ты, Чечётка, всё берёзу расхваливаешь? Пустое дерево: ни тебе семян еловых, ни сосновых.

— Зато, Клёст, семена берёзовые. Ты их едал?

— Не видал и не едал! И не со-



Жалуемся на мальчика с охотничьим топориком. Шёл он по лесной тропке и топориком своим срубал сучки и ветки налево и направо. Молодым берёзкам и осинкам вершинки срубал. Кору стёсывал на стволах, втыкал топорик и делал зарубки. Когда мы, деревья, спросили мальчика, зачем он делает это, — мальчик показал нам язык и ничего не ответил.

Жалуемся на мальчика с коробком спичек. Он тоже шёл по лесной тропинке и всё вокруг поджигал. Вспыхивали, как фейерверк, сухие кусты можжевельника, дымили пучки пожухлой травы, чадили лесные муравейники, коптели на стволах натёки смолы. Мальчик кричал и смеялся, а мы задыхались от страха и дыма. Когда мы спросили мальчика, зачем он делает это, — мальчик показал нам кулак и ничего не ответил.

#### ЛЕСНЫЕ КУСТЫ

Что хотите с нами делайте: на куски режьте, жарьте, варите, солите. Даже маринуйте! Но только не выдирайте с корнем, не разрывайте вокруг лесную подстилку, не портите нашу грибницу.

А не послушаетесь, так мы совсем расти перестанем!

#### ГРИБЫ



---

## И КЛЁСТ



бираюсь! Потому что нет вкуснее семян еловых и сосновых! «Ёлоч-ки-сосёночки, зелёные, колючие!...»

— Не зря ты, Клёст, кривоно-сый! Вот и вкус у тебя какой-то кривой! Да слаще берёзовых семян на всём свете нет ничего! «Во поле берёзонька стояла...»







## О К Т Я Б Р Ъ

**П**о стране «Октябрь» налегке не попутешествуешь. Нужны крепкие сапоги, тёплая и непромокаемая одежда.

В октябре пустуют леса и поля. Ни голосов людей, ни криков птиц. Слышнее всего в октябре — ветер. Ветер свистит в жёсткой стерне на полях и в голых сучьях в лесу. Ветер гонит тучи по небу и волны по воде. Ветер срывает с деревьев последние листья и гонит на юг последние стаи перелётных птиц. Ветер гудит в проводах, барабанит в окна. Ветер, всюду ветер. Разгульный ветер-листобой!

Хорошо в такую погоду тому, у кого крыша над головой да припас в кладовой. Людям что: у них дома, магазины, центральное отопление. Они даже сводку погоды только под воскресенье слушают: ни снег, ни дождь им не страшен.

А вот жителям лесов и полей в октябре достаётся!

Гонит ветер с севера холод, за холодом надвигается голод. А у них ни домов, ни магазинов, ни печей. И о погоде никто не предупреждает. И потому каждый устраивается как может. Хомяки, полевые и лесные мыши в норках зёрна на зиму запасают. Белки, куницы, лисы в тёплые зимние шубы переоделись. Горностаи, ласки, зайцы-беляки и белые куропатки загодя белые маскировочные халаты заказали — чтоб на снегу их было не видно. Барсуки, медведи берлоги и норы укромные облюбовали. Бобры осины валят, сочные ветки на зиму запасают.

Туговато в октябре и птицам насекомоядным: насекомьи-то попрятались! Приходится вегетарианцем становиться: дрозды — на рябину, дятлы — на шишки. Синицы в окна стучат: «Выставляйте для нас кормушки!»

Раскисли лесные и полевые дороги: ни пройти ни проехать! Одному ветру везде дорога — мчит напрямик и ревёт страшным голосом. На лесных жителей страху и холоду напускает.



# СТРАШНЫЙ НЕВИДИМКА

Страшный невидимка объявился осенью в лесу. Жуткие дела стали твориться там. Кто-то безжалостно срывал с деревьев листья. Кто-то примял, перепутал и положил травы. Заморозил лужи.

Потом бесследно стали исчезать птицы: пеночки, зяблики, дрозды. Ещё вчера все видели и слышали их, а сегодня нет ни одной.

Звери и птицы испуганно прятались в чаще.

Но невидимка находил их и там. Он делал всё, что хотел. Взял и выкрасил всем зайцам задние ноги в белый цвет, будто на каждого зайца белые чулки надел. Рыжих белок сделал серыми, пёстрых куропаток — бе-





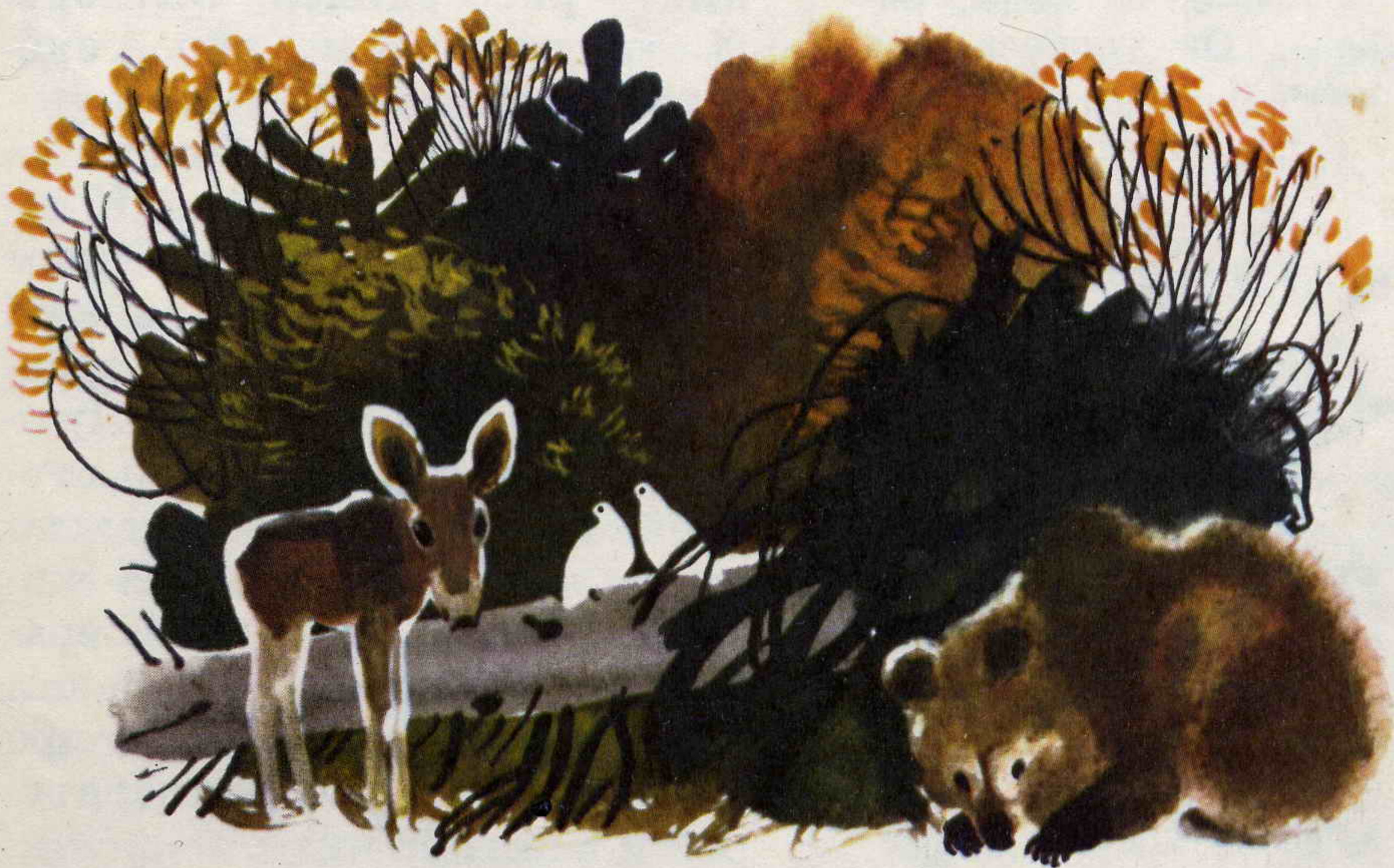
лыми. Барсуков, ежей и енотов до того запугал, что они попрятались в норы, забились под корни деревьев и носа не кажут.

Перетрусили лесные жители. Что ни день, в лесу страшные новости. Исчезли лягушки и жабы. Пропали бабочки и мухи.

Больше всех перетрусили сеголетки, те, что только этим летом на свет появились. Ничего подобного они ещё не видели. Вот натерпелись страху!

Да что сеголетки, если старый медведь и тот стал место для берлоги облюбовывать, чтобы спать завалиться и от страшного невидимки спрятаться.

А невидимка бродит по лесам и полям, деревья гнёт, свистит, волны на берега выплёскивает, то дождём землю вымочит, то морозцем схватит. Все дороги испортил, канавы водой залил. И никто с ним ничего поделать не может: не видно его, невидимка он!







## СОРОКА И СНЕГИРЬ

— Эй, увалень, как звать-то тебя? Откуда, красногрудый, к нам в лес прилетел? Что ж ты молчишь, воды, что ли, в рот набрал?

— Не-е, не воды, рябины. От удовольствия онемел!



## УПРЯМЫЙ ЗЯБЛИК

Октябрь так птиц пугнул, что иные до самой Африки без оглядки летели! Да не все такие пугливые. Другие и с места не тронулись. Ворона вон — хоть бы ей что! Каркает. Галки остались. Воробьи. Ну да с этими Октябрь и связываться не хочет. Этим и Январь нипочём! А вот за зябликов взялся. Потому что фамилия у них такая — Зяблик — и должны они Октября бояться. Взялся — и всех разогнал. Один только остался. Самый упрямый.

— Зяблик ты, так зябни! — рассердился Октябрь. И стряхнул термометр. А зяблик не зябнет!

— Небось озябнешь! — разбушевался Октябрь. И давай зяблику под перо ветром дуть. А зяблик не зябнет! У него от озноба верное средство — тугой животок. Прыгает по веткам, как по ступенькам. И склёвывает: то жука, то семечко. А раз животок тугой, то и температура у него нормальная птичья — плюс сорок четыре градуса! С такой температурой и в октябре май.





— Холодом не пронял — голодом доконаю! — скрипнул Октябрь морозцем. И так ветром дунул, что сдул с деревьев все листья и всех насекомых. А зяблик — порх! — и на землю. Стал на земле кормиться.

Октябрь на недельку задумался, потом землю дождичком sprysнул и морозцем застудил.

— Ужо тебе!

Раззадорился зяблик — порх! — и наверх.

— Ты землю заморозил, а я рябину мороженую клевать буду. Была не была!

И стал клевать рябину.

Посинел Октябрь от злости. Ветром дует. Дождём полощет. Снежком сечёт. И морозцем прихватывает, прихватывает...

А зяблик не зябнет. Рябина-то от морозца только вкусней становится!





## ВЕТЕР И ХОЛОД

— Ветер, опомнись! Зачем ты у последней ромашки обрываешь последние лепестки!

— А я гадаю, гадаю-у, гадаю-у-у! Любит Ромашка тебя или нет? Любит, не любит, любит, не любит... Не любит! Не-е-ет!

## ШВЕЙНЯ

Зима на носу, майку на шубу пора менять, босоножки — на валенки.

Задумались звери: где шубу достать? А Лисица тут как тут:

— Ко мне, ко мне, желанные, торопитесь. У меня швейня «Семь шкур». На всех угожу!

Первым прискакал Заяц:

— Поторопись, Лиса, снег со дня на день того и гляди, а я в летней безрукавке. Зуб на зуб не попадает, да не от холода, а от страха: хорош я буду в тёмном-то на белом снегу! Можешь ты мне раздобыть шубку защитную — беленькую как снежок?

— Это мне что хвостом вильнуть! — отвечает Лиса. — Только вот мерку сниму, скачи ко мне ближе...

— Какую ещё мерку? — насторожился Заяц. — А ты на глазок.

— Без мерки не могу, — отвечает Лиса. — Глазам я не верю, мне надо пощупать. Кто следующий?

Белка на ёлке стрекочет:





ШВЕЙНЯ  
"СЕМЬ"  
ШКУР





---

## КОСАЧ МОЛОДОЙ И КОСАЧ СТАРЫЙ

— Только и слышу: зиму зимовать скоро, скоро снег на голову, мороз за нос! А что такое, Косач, зима?

— А ты, Косачок, лето знаешь?

— Знаю! Как же не знать.

— Так вот зима — это лето наоборот.





— Мне, Лиса, сделай шубку на беличьем меху, тёплую зимнюю. И хвостик чтоб попушистей, да на ушки кисточки не забудь, да на грудку белый передничек. Моя-то летняя рыжая пообносилась. Зябну...

— Фу-ты ну-ты, франтиха какая! — проворковала Лиса. — Кисточки ей, хвостик, передничек... И кому на тебя в лесу-то смотреть? Ну да ладно, слезай с ёлки, мерку снимать буду.

— А без примерки разве нельзя? — испугалась Белка.

— Без примерки я только Ежу делаю: иголок на-тыкаю, и готово. Есть там ещё кто?

Из воды высунулась Выдра:

— Мне, Лиса, нужна шуба тёплая и непромокаемая, из водоотталкивающей шерсти. Я ведь и зимой в воде-сырости, мне в шубе и нырять и плавать!

— Могу и непромокаемую, — обещает Лиса. — Я всё могу! Вылезай на берег, мерку с тебя сниму.

— Только мерку снимешь?

— А что же ещё?

— Мне бы лучше без мерки... — упирается Выдра.

— И чего это вы все недотроги такие? — не пони-



— А что такое мороз?

— А ты жару знаешь?

— Знаю!

— Так вот мороз — это жара наоборот.

— А что такое — «зиму зимовать»?

— А ты жизнь хорошую да беззаботную знаешь?

— Ещё бы не знать!

— Так вот это — наоборот!





мает Лиса. — Или вы щекотки боитесь? Видали на мне лисью шубу — какая работа! Пушнина, мягкое золото! Охотники прямо глаз с неё не сводят. А всё потому, что по мерке. И медвежьё шубу шила, и волчью доху — нахвалиться не могут!

— Так-то оно так... — жмутся звери. — Да мы-то не волки и не медведи. Как бы в твоих «Семи шкурах» свою последнюю не потерять. Вместе с меркой-то, гляди, и голову снимешь. Лучше уж мы, Лиса, без твоей помощи обойдёмся, сами выменяем майку на телогрейку.

И разбежались во все стороны. Лиса только зубами щёлкнула.



## СОРОКА И ЗАЯЦ

— Вот бы тебе, Заяц, да лисьи зубы!

— Э-э, Сорока, всё равно плохо...

— Вот бы тебе, серый, да волчьи ноги!

— Э-э, Сорока, невелико счастье...

— Вот бы тебе, косой, да рысьи когти!

— Э-э, Сорока, что мне клыки да когти? Душа-то у меня всё равно заячья...







## ВОЛК И СОВА

— Мы, Сова, с тобой во всём одинаковые: ты серая, и я серый, у тебя когти, и у меня когти, ты хищница, и я хищник. Почему же встречают нас люди по-разному? Тебя хвалят-расхваливают, меня клянут-проклинают.

— А ты, Волк, что ешь-то?

— Да всё больше жирных барашков, да козлят, да телят...

— Ну вот, видишь! А я всё мышей вредных. Похожи мы с тобой по одежке, да разные по делам!



---

## ЗАЯЦ И МЕДВЕДЬ

— Белка на зиму грибы запасает, Бурундук — орехи. А ты, Медведь, всё без дела шатаешься. Вот засыплет снег землю, что лопать-то станешь?

— Ты, косой, за меня не волнуйся. Я, брат, самоед. Я зимой сам себя ем. На-ко, пощупай, сколько сала под шкурой я припас — на всю зиму хватит. Я не зря по лесу шатаюсь, я сало коплю. Чего и тебе, косой, советую.

— Э-э, Медведь, какое там сало... Нам, зайцам, в лесу не до жиру, быть бы хоть живу!







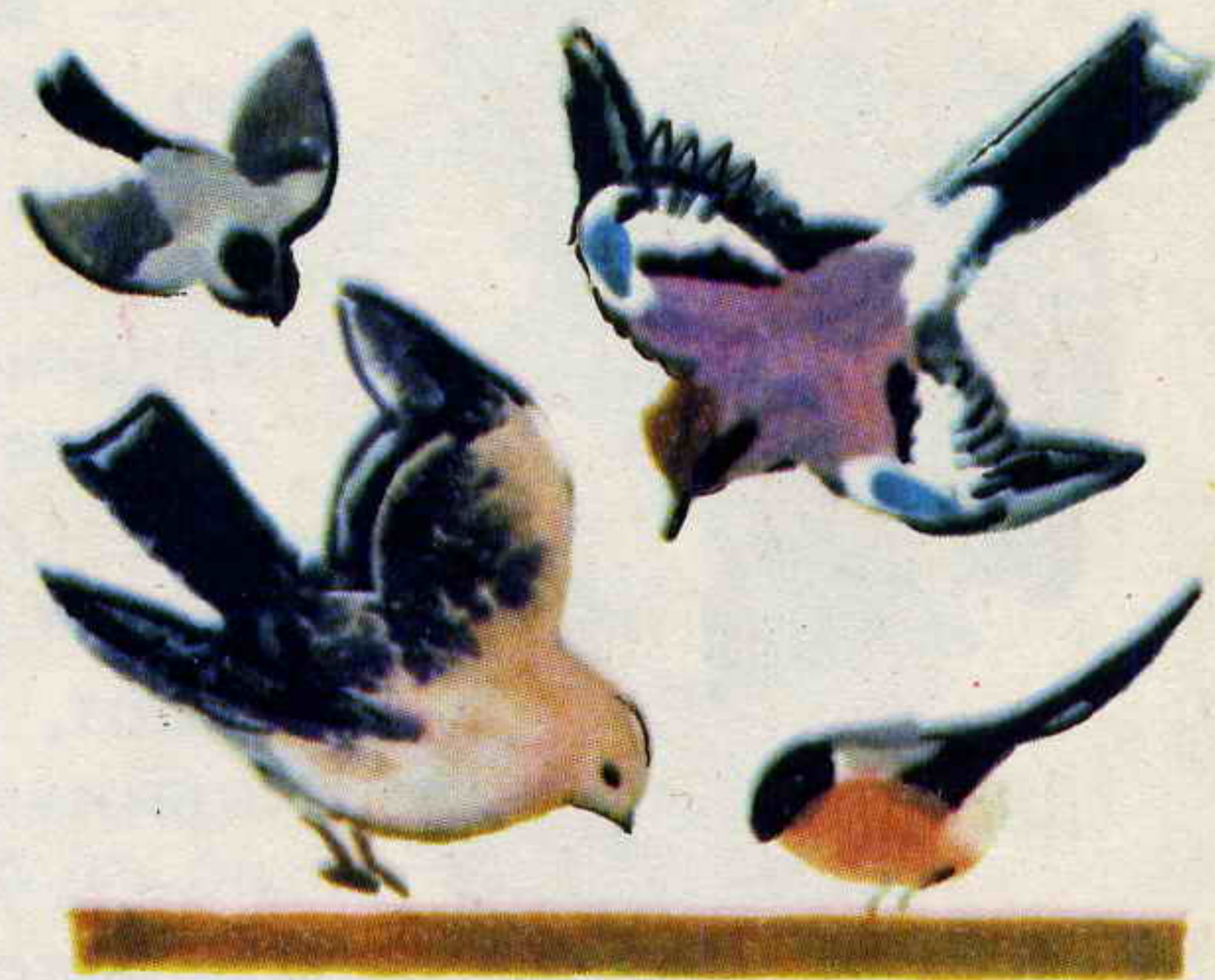
## СОРОКА И МЕДВЕДЬ

Эй, Медведь, ты днём что делаешь?

- Я-то? Да ем.
- А ночью?
- И ночью ем.
- А утром?
- И утром.
- А вечером?
- И вечером ем.
- Когда же ты тогда не ешь?
- Когда сыт бываю.
- А когда же ты сытым бываешь?
- Да никогда...



## ВОЛШЕБНАЯ



Я — повелитель птиц! Захочу — и птицы сами ко мне прилетят. Захочу — прилетят голуби и воробьи. Захочу — синицы. Захочу — явятся красногрудые снегири и хохлатые свистистели. Все явятся — стоит лишь захотеть!

Нет, я не волшебник. И у меня нет волшебной палочки. Но зато у меня есть волшебная полочка.

На вид полочка очень проста: простая фанерка с простыми деревянными бортиками. Но в простой полочке волшеб-



# ПОЛОЧКА



ная сила! Надо только сделать её, а потом выставить за окно. Насыпать крупы и крошек. И полочка сразу станет волшебной. На неё сразу же прилетят голуби и воробьи.

А если вы живёте в деревне или у парка, положите на полочку кость из супа или кожуру от сала — и к вам прилетят синицы. А положите кисти рябины — слетятся свиристели и снегири.

Сделайте себе волшебную полочку, и вы станете добрым повелителем птиц!



## ВОРОБЕЙ И ДЯТЕЛ

— Эй, Дятел, все птицы к зиме приспособляются: кто на юг улетел, кто на задворки подался. Один ты всё на том же месте стучишь. Смотри, останешься с носом!

— А мне, Воробей, только того и надо! Я носом и шишку раздолблю, и сухостойну раздроблю, и листья сухие разбросаю, и дупло для ночлега выдолблю. Мне бы только с носом остаться!





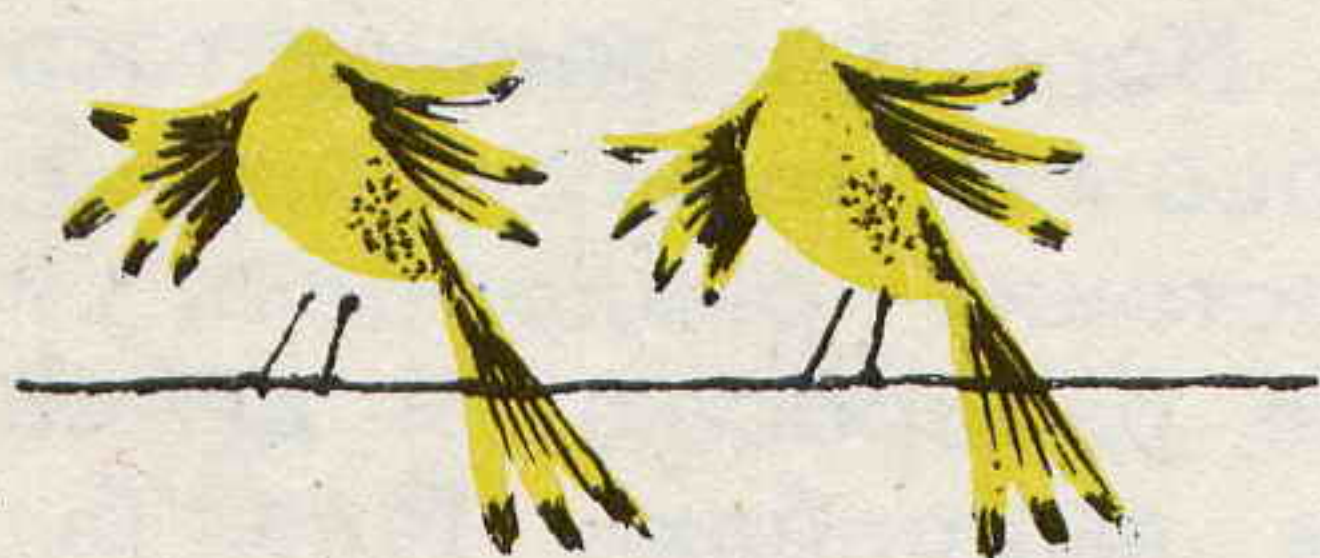
# УЙМИТЕ ДОБРОЖЕЛАТЕЛЕЙ!

Караул! Уймите не в меру жалостливых и бездумно нас любящих!

Зима на носу, а они вздумали нас на зиму глядя выпускать из клеток. «Летите, бедненькие невольники, на свободу!»



## сердитые ГОЛОСА



Я, Клюква, обижена на ребят. Настроение у меня совсем кислое. Ещё бы! Я старалась цвела, я старалась росла, бока на солнышке грела, соками наливалась. Стала я крупной, красной, витаминной. А что толку? Вон сколько ягод моих по болотам осталось! А кому приятно быть недо-

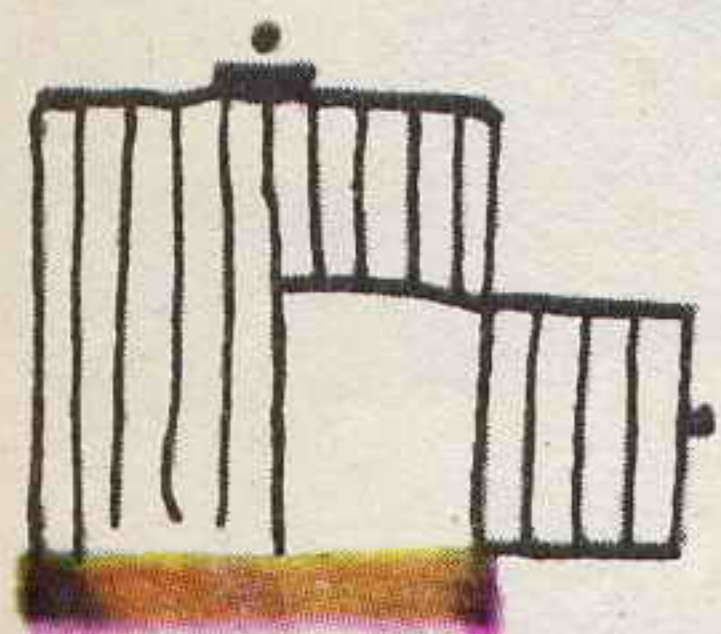
смотренной, недособранной? Да под дождями осенними мокнуть?

Не забудьте про меня хоть весной. Я, Клюква подснежная, и весной хороша! Не забудьте, а то я с горя раскисну!

КЛЮКВА-ЯГОДА







А что нам, летним птицам, делать сейчас на этой свободе? Кругом снег и мороз. Что прикажете есть и пить? Куда от холода прятаться? Ведь мы в клетках избаловались... Потерпите со своей жалостью хоть до лета! Тогда мы с полным своим удовольствием.

Не очень-то нас рыболовы радуют, не то что мы их! Полбеда, когда ещё червяка с крючком под нос подсовывают. Тут хоть честно: хочешь — червяка хватай, хочешь — не хватай. А то ведь что придумали. Вода сейчас холодная, прозрачная. Зажигают они ночью на носу лодки костерок из смолья и тихонько плывут вдоль берега — высматривают в воде, где мы спим. Увидят — и острогой в спину! Кого убьют, кого покалечат!

Нечестно так, товарищи рыболовы: ночью, исподтишка, во время сна... Да ведь и нельзя: запрещено!

ЩУКИ, ОКУНИ, ЯЗИ









## Н О Я Б Р Ь

**В**ъезжаем в страну холодную, сырую и сумрачную,  
в страну «Ноябрь».

Сыплет белый снег на чёрную землю.

Всё вокруг становится пегим.

Лес полосатый, как бока зебры.

Борозды пашни — как клавиши у рояля.

На белых речках — чёрные полыньи, на чёрных до-  
рогах — белые лужи.

На бело-чёрных берёзах чёрно-белые сороки сидят.

«Приехал ноябрь на пегой кобыле».

Чёрные озёра и белые берега.

Чёрные пни в белых шапках.

Чёрные галки над белым полем.

Белые зайцы на чёрной земле.

Белые муравейники у чёрных стволов.

Белые кочки на чёрном болоте.

Всё двухцветное и рябое.

Чёрный дом с белой крышей.

Белый дым из чёрной трубы.

Чёрный стог с белым боком.

Одно небо ровное — серое и глухое.

Ни звонкого голоса, ни гулкового эха. Всё как-то испод-  
воль, шёпотом, стороной. То дряблая оттепель, то упругий  
мороз. Серо и сыро, пусто и глухо.

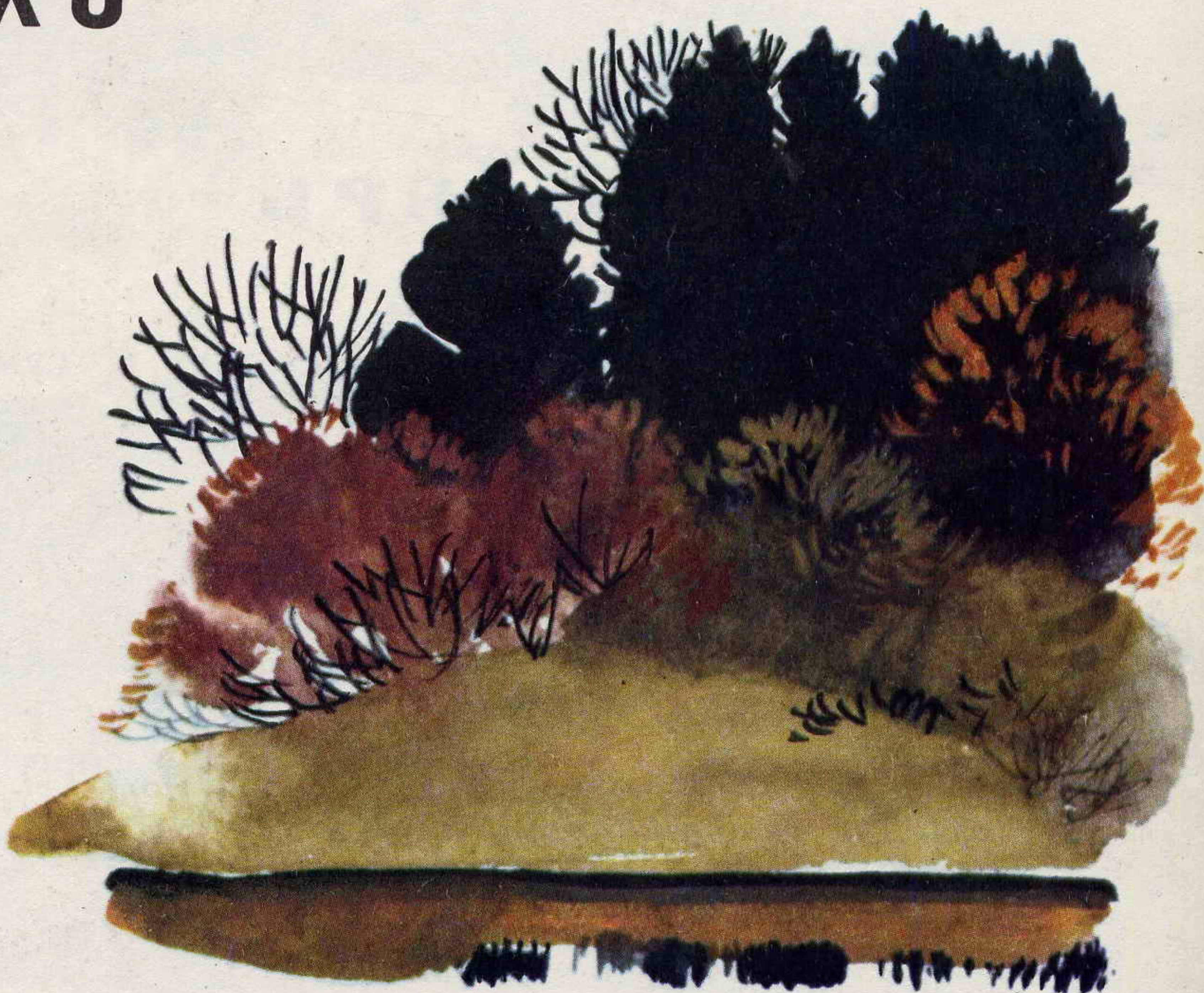
Полузима-полуосень, полудень-полувечер.

Робко напутали, напетляли по снегу птицы и звери.

А человек прошагал — как расписался. Чётко и твёр-  
до — как чёрным по белому.



# ЭХО



Стоит на берегу лес, густой, как стена. Крикнешь — лес ответит. Раз спросишь — лес трижды откликнется.

- Эхо лесное, спросить могу?
- Ау, ау, ау...
- Куда это листья лесные пропали?
- Опали, опали, опали...
- Травы лесные, где вы, не вижу?
- Ниже, ниже, ниже...
- Цветы луговые, а вы всё цветёте?
- Что ты, что ты, что ты...
- Птички-певички, давно ли галдели?
- Летели, летели, на юг улетели...





- Рыбы речные, вы-то где?
- А мы на дне, мы в глубине...
- Лягушки и жабы, куда подевались?
- В ил закопались, в ил закопались...
- Белки и зайцы, про вас не знаем!
- Линяем, линяем, линяем...
- Так что же творится в лесу? — мы спросим.
- Осень, осень, осень...

Не ленится эхо, на все вопросы отвечает, о чём ни спроси.

- Спасибо, эхо, за доброту!
- Ау, ау, ау...



## КУРОРТ „СОСУЛЬКА“

Сидела Сорока на заснеженной ёлке и плакалась:  
— Все перелётные птицы на зимовку улетели, одна я, дура оседлая, морозы и вьюги терплю. Ни поесть сытно, ни попить вкусно, ни поспать сладко. А на зимовке-то, говорят, курорт... Пальмы, бананы, жаренца!

И слышит вдруг голос:

— Это смотря на какой зимовке, Сорока!

— На какой, на какой — на обыкновенной!

— Обыкновенных зимовок, Сорока, не бывает. Бывают зимовки жаркие — в Индии, в Африке, в Южной Америке, а бывают холодные — как у вас в средней полосе. Вот мы, например, к вам зимовать-курортничать с Севера прилетели. Я — Сова белая, они — Свиристель и Снегирь и они — Пуночка и белая Куропатка.

— Что-то я вас не пойму толком! — удивляется Сорока. — Зачем же вам было в такую даль лететь киселя хлебать? У вас в тундре снег — и у нас снег,







у вас мороз — и у нас мороз. Тоже мне курорт — одно горе.

Но Свиристель не согласен:

— Не скажи, Сорока, не скажи! У вас и снега поменьше, и морозы полегче, и вьюги поласковей. Но



## ЛАСКА, БЕЛОЧКА И МЕДВЕДЬ

— Я, Ласочка, к зиме беленькой стала — как берёзка!

— А я, Белочка, серенькой — как осинка!

— Ну а я, Медведище, как ёлочка: зимой и летом одним цветом!



главное — это рябина! Рябина для нас дороже всяких пальм и бананов.

И белая Куропатка не согласна:

— Вот наклююсь ивовых вкусных почек, в снег головой зароюсь—чем не курорт? Сытно, мягко, не дует.

И белая Сова не согласна:

— В тундре сейчас спряталось всё, а у вас и мыши, и зайцы. Весёлая жизнь!

И все другие зимовщики головами кивают, поддакивают.

— Век живи, век учись! — удивляется Сорока. — Выходит, мне не плакать надо, а веселиться! Я, выходит, сама всю зиму на курорте живу. Ну чудеса, ну дивеса!

— Так-то, Сорока! — кричат все. — А о жарких зимовках ты не жалеешь, тебе на твоих куцых крыльях всё равно в такую даль не долететь. Курортничай лучше с нами!

Снова тихо в лесу. Сорока успокоилась. Холодные курортники едой занялись. Ну а те, что на жарких зимовках живут, — от них пока ни слуху ни духу.

---

## СОРОКА И ОЛЯПКА



— О-о-ой, Оляпка, никак купаться в полынье вздумала?!

— И плавать и нырять!

— А замёрзнешь?

— У меня перо тёплое!

— А намокнешь?

— У меня перо водоотталкивающее!

— А утонешь?

— Я плавать умею!

— А... а... а проголодаешься после купанья?

— А я для того и ныряю, чтоб водяным жучком закусить!





## СЫЧ

Жил-был в лесу Сыч: лапы цапучие, глаза завидующие. По ночам разбойничал, днём прятался в густых ветках. Но пришла осень, ветер-листождёр все листья содрал — негде стало прятаться.

— Надо дупло искать, — решил Сыч. — Зима на носу.

Нашёл дупло, стал в дупле жить. Что теперь ему зимние холода! А если ещё мышь про запас скогтит, так и зимний голод не страшен.





## сердитые ГОЛОСА



На кого бы ещё пожаловаться?  
На соседей жаловалась, на родственников жаловалась, на погоду жаловалась. А ну-ка, я теперь сама на себя пожалуюсь!

Жалуюсь сама на себя! Живу я у людей в доме и порчу им жизнь. Хлеб грызу, книги пачкаю, обои рву. По ночам со своими друзьями и родственниками грызусь — спать никому не даю. Прошу принять меры: поставить капкан или мышеловку!

ДОМОВАЯ МЫШЬ



Скогтил жирную мышь, положил в дупло. Хороша мышь, вот бы ещё такую! Ещё скогтил — и опять в дупло.

— А теперь, — разохотился, — в самый раз синицу поймать!

Синицу поймал, сунул в дупло. Землеройку придушил. Птичку пищуху. Потом птичку королька. Напоследок воробья придавил. И всех затолкал в дупло.

— Заживу теперь в сытости и тепле!

И хотел было сам в дупло спрятаться. Да, глядь, а места-то в дупле нет! Доверху дупло припасом забито, голову и ту не втолкнуть.

Сел рядом с дуплом на сук голый: перья от ветра дыбом, на носу дождевая капля. Что делать?

Другое дупло искать — трудов жалко. Припас из дупла выбросить — добро жалко. Рядом с дуплом зимовать — себя жалко.

Стал Сыч у дупла жить, добро сторожить. Худо ему: и дом есть, и припас есть, а радости нету.

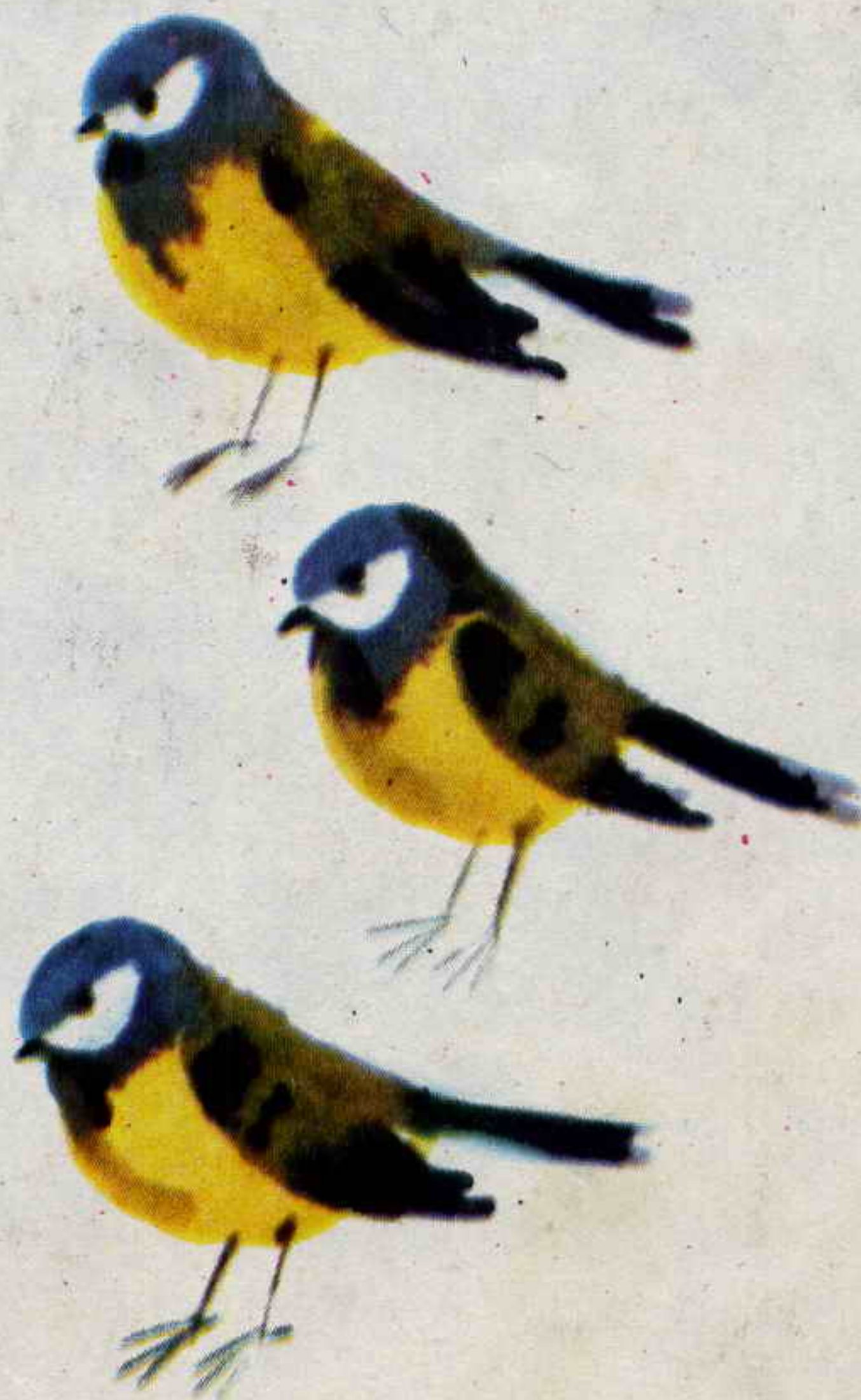
---

В сентябре мы просили ребят: не забудьте сделать для нас кормовые столики!

В октябре мы радовались: ребята столики выставили!

А в ноябре на них жалуемся! Не на всех, конечно, а на тех, кто вместе с угощением ставит на столики западни. В клетку мы совсем не хотим, и не об этом мы вас просили.

СИНИЦЫ









## ДЕКАБРЬ

**М**едленно и почти незаметно из страны «Ноябрь» мы въезжаем в страну «Декабрь»...

В стране «Декабрь» очень короткие дни и очень длинные ночи. В лесу, на полях, на болотах тихо и пусто. Солнце за облаками, звуки приглушены, запахи заморожены. Снег с каждым днём всё глубже и глубже. Позёмка течёт по сугробам, заметаёт следы. По ночам поскрипывает мороз.

Мороз и ветер проверяют, как кто к зиме приготовился. Хорошо ли барсуки норы свои утеплили, удачно ли медведи берлоги выбрали? Вовремя ли ласки, горностаи и зайцы-беляки в белые шубки переоделись? Хороши ли зимние шубы у лисиц, куниц и белок? Хороши ли зимние хатки у бобров и ондатр? Спят ли крепко, по-зимнему, ежи, бурундуки, летучие мыши?

А кто не спит, у кого нет тёплой хатки и зимних запасов — те по-своему приспособляются. Жмутся к жилью сойки, сороки, вороны, галки: что-нибудь да и перепадёт! Волки, там где они ещё уцелели, тоже подходят по ночам к человеческому жилью: вдруг в овчарне дверь запереть забыли, а может, собачонка глупая на улицу выскочит! Хори и лисы оставляют следы возле курятников.

Писк и весёлая возня на рябинах. Тут и свиристели хохлатые, и снегири красногрудые. А на ёлках и соснах клесты. А то дятел прилетит, шишку сорвёт. Или белка прискачет. Синицы налетят: нашумят, намусорят. Потом разбегутся, разлетятся — и опять тишина. Чуть ветер по-свистывает в голых ветвях. В ранних сумерках тонет лес. Ночь надвигается долгая, тёмная и холодная. Все дневные птицы и звери ищут поукомпнее уголок, а ночные собираются на охоту. И ребята, путешествующие по «Декабрю», спешат к дому.





## ЯБЛОНЬКА И ВОРОБЕЙ

— Слушай, Воробей, ты мужик умный, среди людей крутишься, не слыхал ты, что они про зайца-русака говорят? Хищный он зверь или нет?

— Ой, Яблонька, насмешила, ой, уморила! Какой же заяц хищник? С его крысиными зубами впору только кору глотать.

— Кору?! Ох, чужая моя сердцевина: оглохнет меня со всех сторон, хищник свирепый! Погубит, злодей!



## СУД НАД ДЕКАБРЁМ

Собрались на озере птицы и звери. Декабрь судить. Уж очень все от него натерпелись. Потёр Ворон носище об лёд и каркнул:

— День Декабрь нам сократил, а ночь сделал длинной-предлинной. Засветло теперь и червячка заморить не успеешь. Кто за то, чтоб осудить Декабрь за такое самоуправство?

— Все, все, все! — закричали все.

А Филин вдруг говорит:

— Я против! Я в ночную смену работаю, мне чем ночь длиннее, тем сытнее.

Почесал Ворон коготком затылок. Судит дальше:

— В Декабре скучища в лесу — ничего весёлого не происходит. Того и гляди от тоски сдохнешь. Кто за то, чтоб Декабрь за скукоту осудить?

— Все, все, все! — опять закричали все.





А из полыньи вдруг высовывается Налим и  
булькает:

— Я против! Какая уж тут тоска, если я к свадьбе



готовлюсь? И настроение у меня, и аппетит. Я с вами не согласен!

Поморгал Ворон глазами, но судит дальше:

— Снега́ в Декабре очень плохие: сверху не держат и до земли не дороешься. Измучились все, отоща-



ли. Кто за то, чтобы Декабрь вместе с плохими снегами из леса выставить?

— Все, все, все! — кричат все.

А Тетерев и Глухарь против. Высунули головы из-под снега и бормочут:

— Нам в рыхлом снегу спится здорово: скрытно, тепло, мягко. Пусть Декабрь остаётся.

Ворон только крыльями развёл.

— Судили, рядили, — говорит, — а что с Декабрём



делать — неизвестно. Остав-  
лять или выгонять?

Опять закричали все:  
— А ничего с ним не де-  
лать, сам по себе кончится.



Месяц из года не выкинешь.  
Пусть себе тянется!

Потёр Ворон носище об  
лёд и каркнул:

— Так уж и быть, тя-  
нись, Декабрь, сам по себе!  
Да очень-то, смотри, не заты-  
гивайся!..



## ЗАЯЦ И БЕЛКА

— Ты слышал новость,  
Заяц?

— Я всё, Белка, слы-  
шу: звон уши-то у меня  
какие!

— Так что же ты свои-  
ми ушами слышал?

— Я слыхал, что тебя,  
Белка, Лиса съела!

— Ну, это что! А я вот  
слыхала, что ты, Заяц,  
Лису съел!

— Вот это да! Что же  
мне теперь делать?

— Известно: глазам  
верить, а не ушам!





# ПОМОГИТЕ!

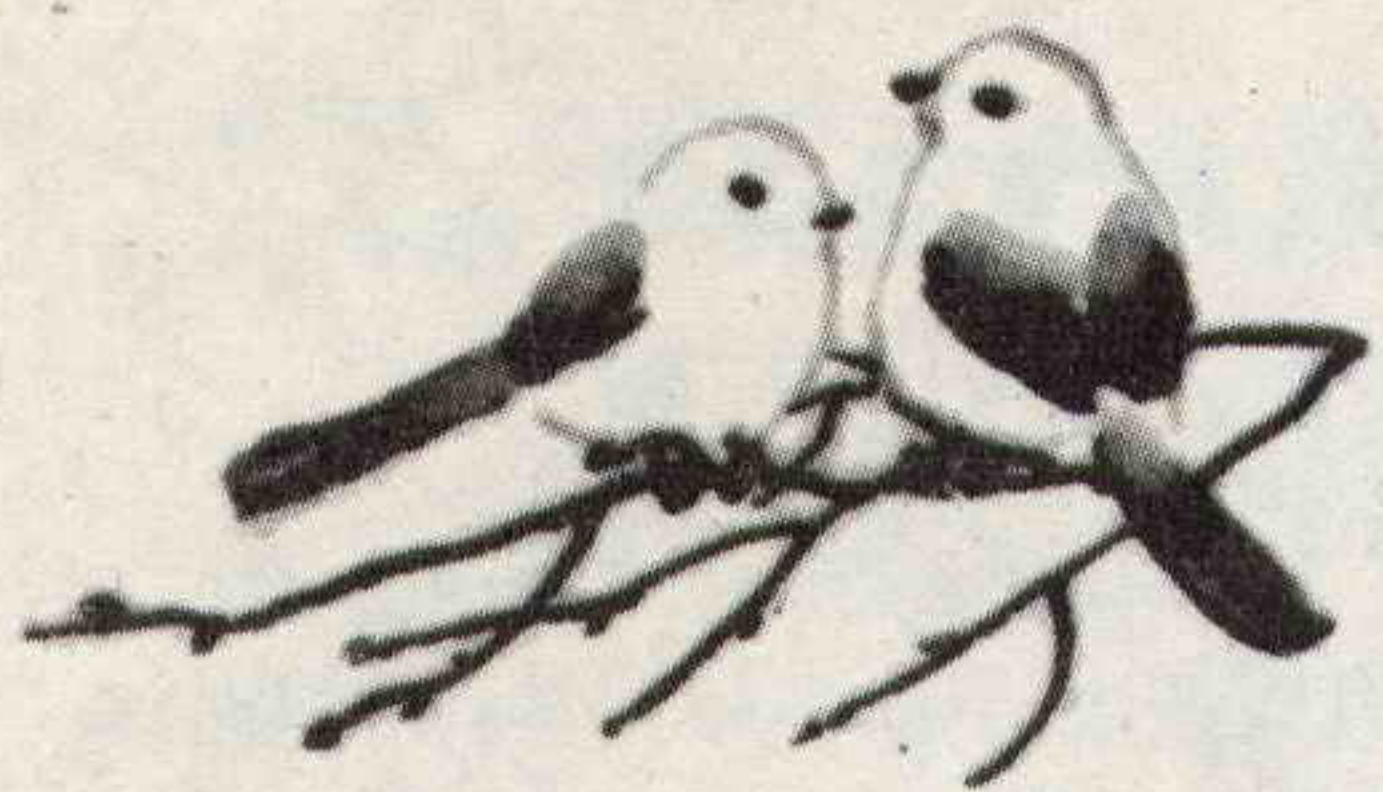
Пришла зима — спасайся кто может! А кто не может? Вот мы, синицы: большие, хохлатые, длиннохвостые, пухляки, московки. И мы: воробьи, овсянки, поползни. Что делать нам? Мы не улетаем в жаркие страны, как перелётные птицы. Мы не прячемся в мох, как лягушки и ящерицы. Мы не впадаем



в спячку, как ежи и медведи. Нам каждый день надо есть. А еда вся под снегом!

Не удивляйтесь, что мы ещё с осени начинаем в окна носами стучать. Мы загодя напоминаем: слушали весной и летом наши песни? Ели осенью груши и яблоки? Это мы ваши сады от листогрызов и плодожорок берегли. Долг платежом красен. Теперь ваш черёд.





## СЕВЕРНЫЙ ЮГ

И среди нас, птиц, есть домо-седы и путешественники. Одни, перелётные, на зиму улетают на юг. Другие, оседлые, всю жизнь на одном месте живут. А есть ещё зимующие: это те, которые прилетают в наши леса на зиму. Белые куропатки, пуночки, подо-



## ДЯТЕЛ И ТЕТЕРЕВ



— Здравствуй, Тетерев! Со вчерашнего дня не виделись. Где летал, где спал?

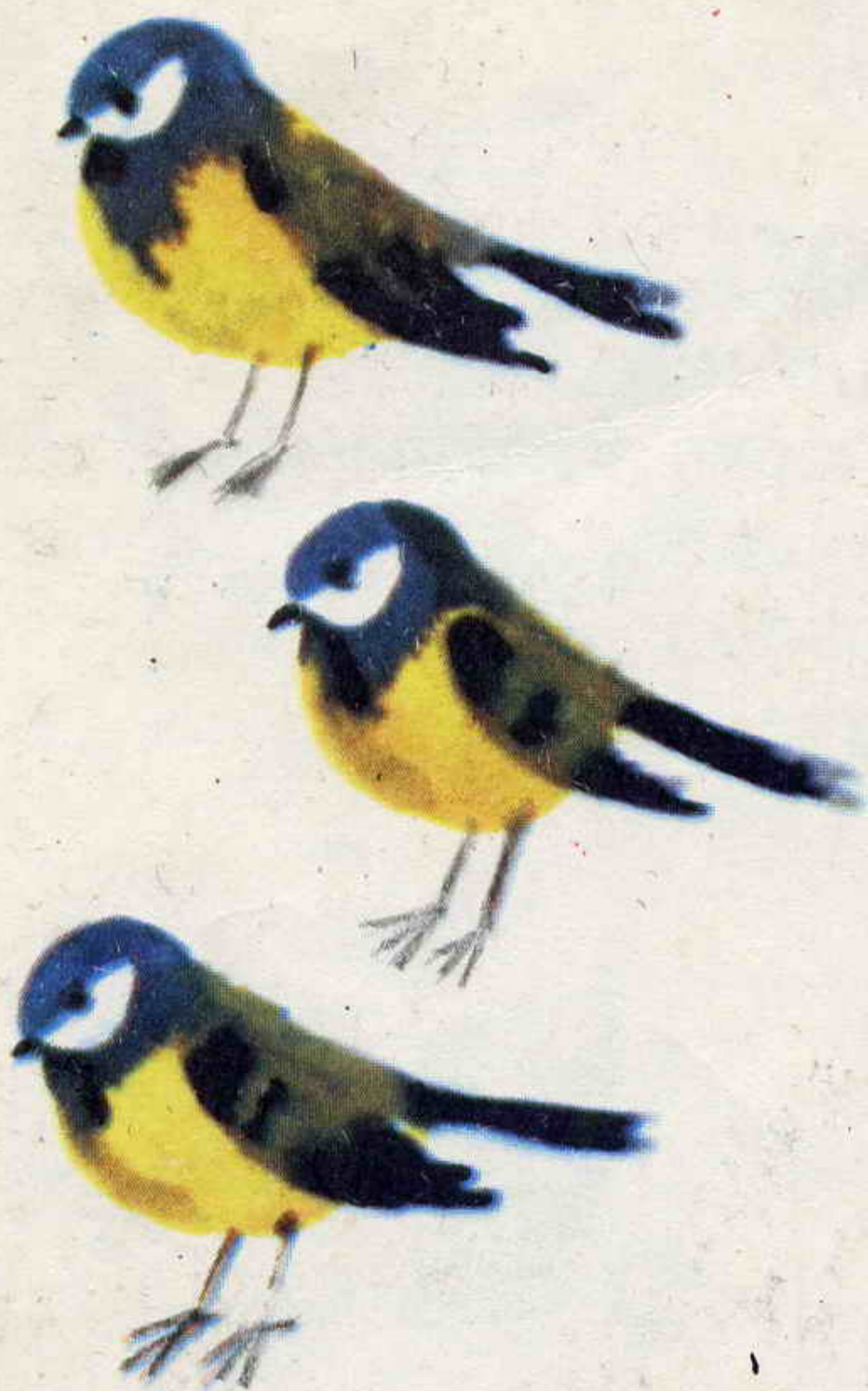
— Летал я «над», спал «под».

— Что это за ребус такой: то «над», то «под»?

— Это не ребус, а снег. Летал над снегом, ночевал под снегом.

— Ишь какая у тебя жизнь развесёлая. А я, горемыка, всё «в» да «в». летаю в лесу, прыгаю в ёлках, ночью в дупле. Ску-учно!

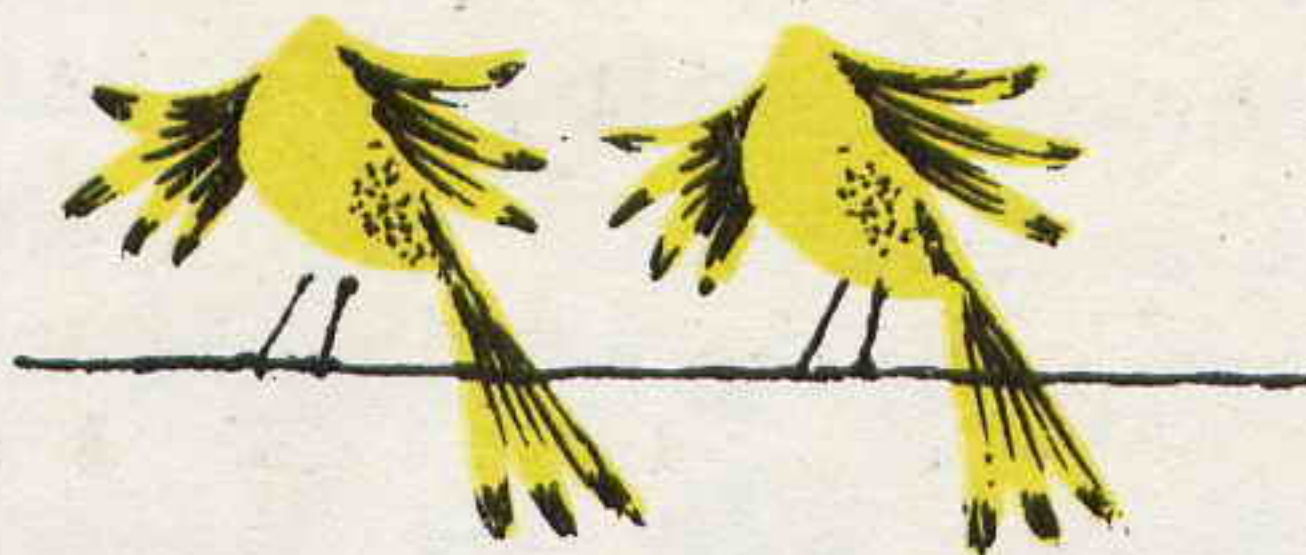




рожники, белые совы. Летом они живут у самого Ледовитого океана, и наши леса для них уже юг. Такая у них там зима лютая и свирепая, что наша им тёплой кажется.

Прилетают к нам с севера на зиму и клесты, снегири, чечётки, свиристели. И для них у нас юг. Но юг-то югом, а с едой туго бывает. Так что не забывайте и этих северных гостей.

## сердитые ГОЛОСА



— Что-то, братец Окунь, дышать тяжело стало. Прямо в глазах темнеет!

— Что верно, то верно, сестра Плотица! И у меня что-то голова кружится и в хвосте какая-то слабость! Что бы всё это значило?

— А вы меня, Карася старого, спросите! Значит всё это то, что в





воде душно стало, кислорода нам не хватает. Того и гляди рыбий замор начнётся!

— Что же нам делать, Карась? Так и околевать, что ли?

— Можете околевать, коли ума нет! А если он есть, то плывите скорей к отдушинке, высовывайте головы из воды и орите во всю рыбую глотку: КАРАУЛ! СПАСИТЕ! ЗАДЫХАЕМСЯ!

— Так кто ж наш рыбий язык понимает, кто ж наш рыбий крик услышит?

— Рыболовы должны услышать. Их дело зимой проруби во льду рубить. Вся надежда на них: больше помочь некому.



Птичьих столовых у нас немало, и кормят в них бесплатно. За это ребятам наше птичье спасибо. Но уж больно беспорядков в столовых много! Меню однообразное: одна каша мороженая да хлебные крошки. Да и те часто снегом засыпаны: вспотеешь, пока докопаешься. То ветер еду с полочек сдует, а то и совсем положить забудут. Сегодня густо — завтра пусто. Жалуемся.

СИНИЦЫ, ПОПОЛЗНИ, СНЕГИРИ





# СОДЕРЖАНИЕ

	6 15		
ЯНВАРЬ . . . . . 5		МАРТ 32 . . . . . 27	
	19		
ФЕВРАЛЬ . . . . . 17		АПРЕЛЬ . . . . . 39	

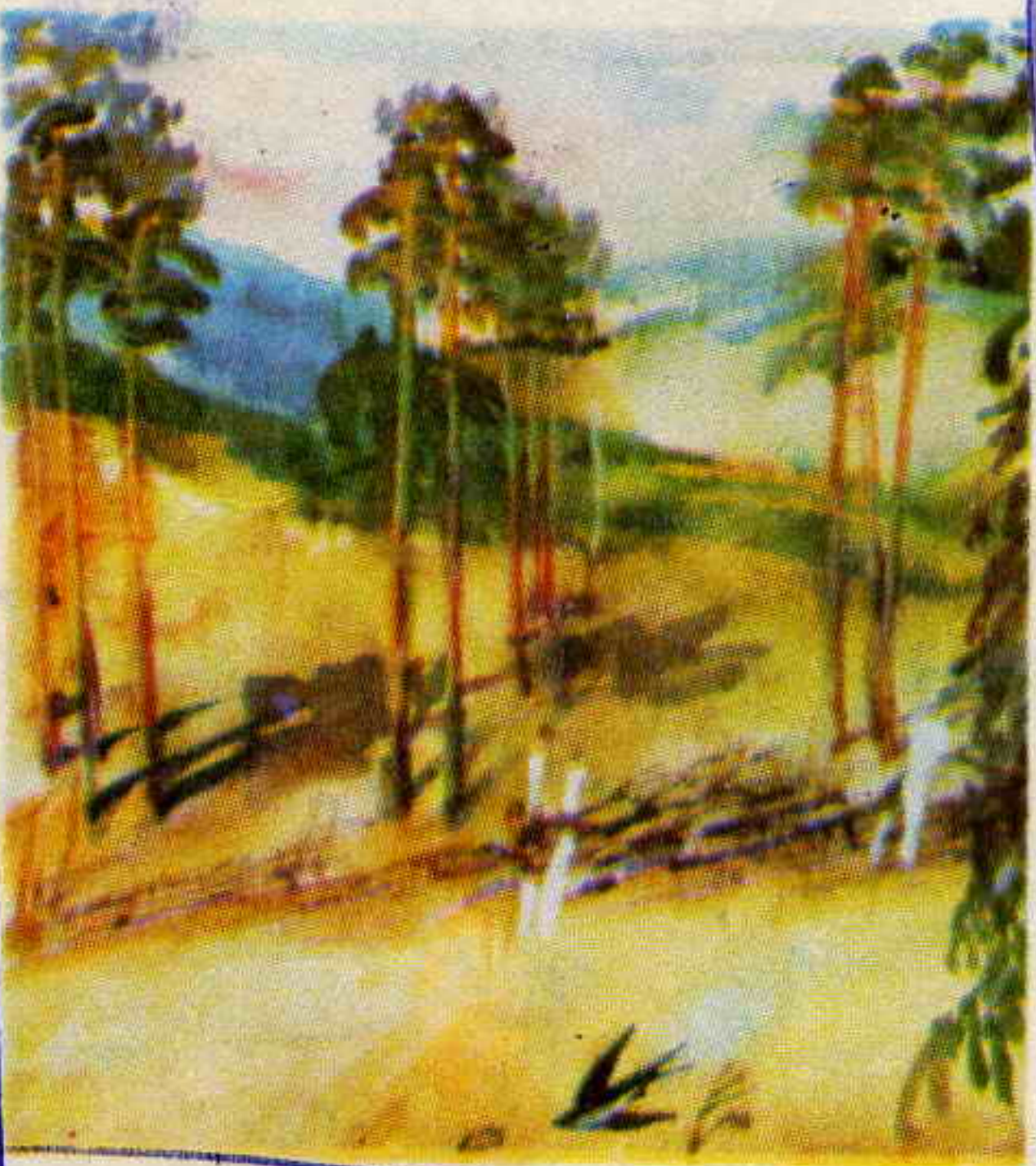




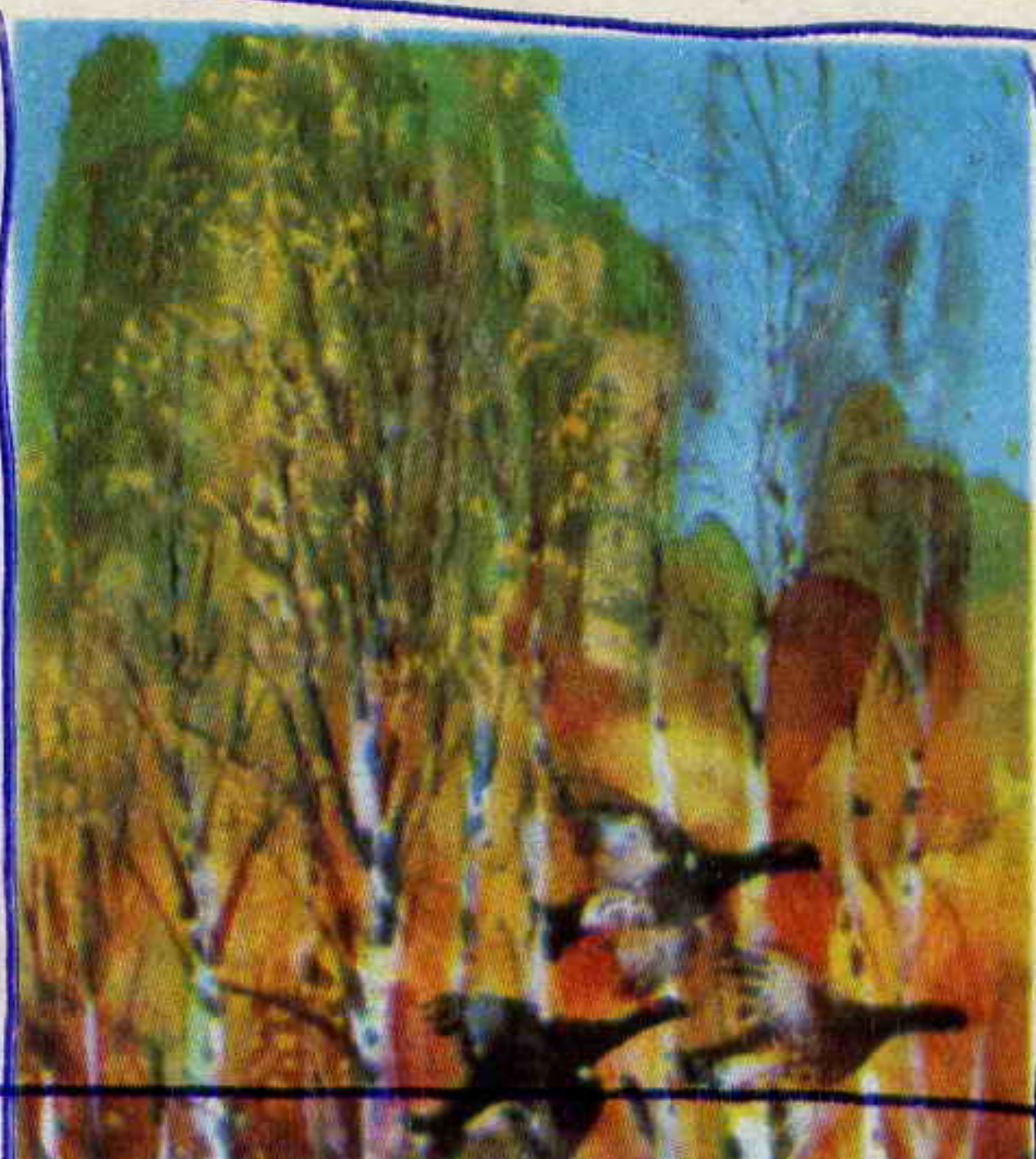
**МАЙ . . . . . 55**



**ИЮНЬ . . . . . 75**



**ИЮЛЬ . . . . . 97**



**АВГУСТ . . . . . 121**



**СЕНТЯБРЬ . . . 143**



**ОКТЯБРЬ . . . 155**





**Н О Я Б Р Ь . . . . 171**



**Д Е К А Б Р Ь . . . . 181**

*Али*

**ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА**

**Сладков Николай Иванович  
СОРОЧЬИ ТАРАТОРКИ**

Ответственный редактор *Д. Б. Колпакова*. Художественный редактор *В. В. Куприянов*. Технический редактор *Т. Д. Раткевич*. Корректоры *Г. В. Голубева* и *В. Г. Шишкина*.

Сдано в набор 17/VI 1974 г. Подписано к печати 5/XI 1974 г. Формат 70×90<sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 12. Усл. печ. л. 14. Уч.-изд. л. 10,3. Тираж 100 000 экз. Заказ № 637. Цена 1 р. 52 к. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература» Ленинград, 192187, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

*Н. Сладков*

С  $\frac{70802-182}{М 101 (03) - 74}$  228—74

С мл  
47









W. J. W.



1р.52к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО  
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»